ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ЛЕВ РОХЛИН

СМЕНИТЬ ХОЗЯИНА КРЕМЛЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В июле 2012 г. исполнилась очередная годовщина со дня убийства генерала Л.Я. Рохлина. Вместе с В.И. Илюхиным он создал Движение в поддержку армии и оборонного комплекса; весной 1998 года Рохлин вначале организовал военный заговор с целью свержения Ельцина, а потом пытался поднять в стране массовое протестное движение. Вскоре после этого Лев Рохлин был убит; в убийстве сразу же обвинили его жену, но обстоятельства этого дела до сих пор вызывают удивление.

Автор этой книги Александр Волков в течение многих лет работал помощником у Л.Я. Рохлина, а затем у В.И. Илюхина. Он был свидетелем последних дней Льва Рохлина и сохранил многие материалы, касающиеся его деятельности. В книге А. Волкова последовательно разбираются обстоятельства убийства генерала Рохлина и приводятся неизвестные ранее факты и документы.

- Александр Волков
  - К читателям
  - МОЙ ГЕНЕРАЛ
  - АРАЛ — СТРАНА ИЗГОЕВ
  - КАРЬЕРИСТ
  - НАУКА ВОЕВАТЬ
  - ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД
  - И ОПЯТЬ ВОЙНА…
  - АКАДЕМИЯ
  - «ТРЕВОЖНЫЙ» КОРПУС
  - КАВКАЗ — ЭПИЦЕНТР ИНТЕРЕСОВ
  - В ПОЛИТИКУ!
  - ЗНАКОМСТВО С ИЛЮХИНЫМ
  - ОТ СЛОВ — К ДЕЛУ
  - МЕСТЬ ЗА ПОГИБШИХ СОЛДАТ
  - ХОД КОНЕМ
  - КАРАМЗИН СКАЗАЛ: «ВОРУЮТ…»
  - «АРМЯНГЕЙТ»
  - ЧТО С НИМ ДЕЛАТЬ?
  - ТАЙНЫ «УРАНОВОЙ» СДЕЛКИ
  - ТОЛЬКО ВЛАСТЬ РОЖДАЕТ ОППОЗИЦИЮ
  - ПОЛЕТЕЛИ!
  - ВОЕННЫМ, КАК И РАБАМ, ТЕРЯТЬ НЕЧЕГО…
  - ЗА КУЛИСАМИ БОЛЬШОГО ДЕЛА
  - УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД
  - ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ БОЯ

- ОТ ДВИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
- КОНЦЕНТРАЦИЯ СИЛ
- ИМПИЧМЕНТ
- КАК ОТСТРАНИТЬ ПРАВЯЩИЙ РЕЖИМ ОТ ВЛАСТИ
- ГОРБАТЫЙ МОСТ
- МЫ ГОТОВИЛИСЬ К БОЛЬШОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ
- РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ
- КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА РОХЛИНА?
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
  - ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА I СЪЕЗДЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «НАШ ДОМ — РОССИЯ»
  - ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЯ. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
  - ДОКЛАД Л.Я. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
  - ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
  - ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕПУТАТА Л.Я. РОХЛИНА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ О ПРИЧИНАХ СУИЦИДА В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ
  - ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА Л.Я. РОХЛИНА К ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОЕННОСЛУЖАЩИМ РОССИИ
  - ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛЬВА РОХЛИНА И ЧЛЕНОВ ОРГКОМИТЕТА ПО СОЗДАНИЮ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ «В ПОДДЕРЖКУ АРМИИ, ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЕННОЙ НАУКИ»
  - ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА МИТИНГЕ

Александр Волков
Лев Рохлин: Сменить хозяина Кремля

К читателям

О Льве Рохлине сказано и написано много, но на страницах газет, в радиоэфире, телевизионных передачах и в Интернете продолжают появляться материалы как о самом генерале, так и о критических по своей напряженности событиях далекого 1998 года. Неподдельный интерес к герою чеченской войны, депутату и крупному политическому деятелю со временем не угасает, а ореол тайны вокруг его имени, его планов и поступков не рассеивается. И, как всегда это бывает, появляются так называемые свидетели, очевидцы тех событий с «эксклюзивными» и захватывающими по своей неправдоподобности рассказами. Мне и другим соратникам Рохлина по созданному им общественному военному формированию — Движению «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) странно и больно читать о нашем лидере всяческие небылицы, явно преследующие цель демонизировать образ мятежного генерала. Мы-то хорошо знаем, что нет смысла приписывать ему лишнее, делать его «более» патриотом, чем он был на самом деле. И без того его слова, его поступки не дают нам возможности усомниться в решительности намерений и чистоте замыслов Рохлина.

Как полководца его украшает совершенно очевидный и никем не оспариваемый факт взятия в Грозном дворца Дудаева. В отличие от некоторых командиров соответствующего уровня он никогда не выполнял поставленные задачи ценою жизни собственных подчиненных. А в критических ситуациях порой и вовсе поступал не по чину — поднимался в полный рост и вел за собой растерявших боевой дух молодых солдат.

МОЙ ГЕНЕРАЛ

Да пусть простит читатель мою дерзость за название этой главы. Ведь каждый из тех, кто когда-то служил с Рохлиным, или работал в Комитете Госдумы по обороне в бытность пребывания генерала в должности председателя, или был членом созданного Львом Яковлевичем Движения в поддержку армии, с полным основанием тоже может сказать: «Мой генерал». Почему? Да потому, что, приобщаясь к делам этого незаурядного человека, соприкасаясь с ним, мы непроизвольно заряжались его душевной энергией, которая еще долго работала в каждом из нас наподобие ядерного реактора. Впрочем, сотни тысяч простых людей, разделявших с Рохлиным его взгляды на происходящее в стране и вместе с ним, а точнее, за ним готовых идти против режима Ельцина, тоже могут сказать, как и я: «Мой генерал».

Мне повезло. Именно повезло, потому что на моем месте мог оказаться другой. Такой же, к примеру, военный журналист, как я, уже успевший за время службы многое повидать, пройти через перестроечные нищету и безысходность и неожиданно оказаться рядом с человеком, которого обожали одни и люто ненавидели другие. Мне довелось со временем уже с очень немногими людьми разделить его относительное доверие, которое само по себе в обстановке жесточайшего противостояния с безнравственной властью дорогого стоило. Оно возвышало нас. Приобщало к важному делу, заставляло работать без сна и отдыха, забыв о семье и о собственной безопасности.

Поручив мне работу с журналистами, Рохлин требовал с меня, как с укомплектованной по полному штату пресс-службы. Человек жесткий и властный, в экстремальных ситуациях он мог у окружающих мобилизовать скрытые резервы способностей и таланта, о которых мы порой сами не догадывались. Я колесил с ним по стране, проводил пресс-конференции, участвовал в совещаниях, писал сценарии и снимал документальные фильмы. Готовил листовки, расшифровывал интервью, множил прокламации и сотнями рассылал в средства массовой информации, в агентства и воинские части. Под выступление председателя Комитета в Государственной думе подводил информационную основу— им выбиралась тема, которую одновременно поднимали до десятка крупных изданий, а потом он делал доклад, поручая правительству принимать экстренные меры. Мы выпускали газету, информационные листки, тесно сотрудничали с телевизионными студиями многих регионов.

Сейчас мне трудно поверить, что я успешно справлялся с

такой массой разнообразных дел, но, думается, что именно генерал со своей неуемной энергией помогал мне в этом. Каждое утро часов в шесть в моей квартире раздавался его телефонный звонок, и мне поступала, говоря по-военному, новая вводная. По дороге на работу я вырабатывал определенное решение, чтобы уже входя в кабинет и садясь к телефону, приступить к его воплощению. Часам к десяти уже можно было докладывать о ходе работы и примерных временных ориентирах исполнения задачи. Лев Яковлевич молча выслушивал, обволакивал странной улыбкой, похожей на ухмылку царя зверей перед трапезой, и с миром отпускал, зная, что человек не присядет, пока не сделает все до конца. Генерала обмануть в его надеждах было нельзя. Ни у кого на это просто не хватало духу.

Специально говорю о плотности наших с ним отношений только для того, чтобы читатель понял — я неплохо узнал Рохлина в очень трудное для него время, много раз имел с генералом продолжительные и доверительные беседы, а дважды был поощрен устной благодарностью, что приравнивалось к ордену или присвоению внеочередного воинского звания. И все же я был бы слишком самоуверен, если бы заявил, что знаю генерала, могу судить о его планах с полной уверенностью, готов поклясться, что он хотел поступить так или иначе. Я скажу больше — его, наверное, не знал никто. Военный тактик и стратег, генерал, пройдя несколько войн, закончив училище и две академии, неоднократно раненный и награжденный, являясь постоянным объектом охоты чеченских боевиков и пристального наблюдения полицейской охранки, как старый лис, мог всех ввести в заблуждение и искусно сработанные «дэзы» использовать в интересах своего дела. Он под носом у власти за считанные недели создал мощнейшую общественную организацию военных и вовлек в ее работу крупнейших политиков и финансистов, людей из близкого окружения Ельцина и даже его коррумпированной «семьи».

Информированность генерала о тайнах Кремля, откуда время от времени долетали в его сторону грозные окрики, позволяла Рохлину умело манипулировать в стране многими процессами, планировать свои действия на опережение, открывать населению глаза на вершащиеся чиновничеством преступления. Точно так же и власть, внедрив в нашу организацию провокаторов и соглядатаев, окружив ДПА филерами, опутав «жучками» для прослушки, чутко отслеживала положение дел соратников генерала. Летом 1998 года накал противостояния достиг максимума, и наэлектризованное общество созрело к самым решительным действиям. Скажу больше— 1998 год, когда

готовилось выступление народа под руководством Льва Рохлина, и последующий, 1999-й, в котором проводился импичмент «царя Бориса», инициированный именно генералом, наверное, были для России того времени самыми судьбоносными, способными изменить историю государства. Для этого нам не хватило самой малости.

Я намеренно все события спрессовал в нескольких строчках, давая понять, что генерал смог за очень короткий срок взвести социальную пружину ударного механизма прогрессивной военной и народно-патриотической общественности. У кого-то на такую работу уходят десятилетия, не приносящие никакого результата. Здесь же временной рубеж от штиля до кануна революционного цунами — ровно год. Это можно посчитать достаточно точно. Время отсчета пошло с 20 июня 1997 года, когда вышло в свет Обращение генерала Л. Рохлина «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России».

Мне в руки экземпляр уже нашумевшего в армии выступления генерала попало 9 июля, в день моего рождения, в виде подарка от коллеги, журналиста и военного моряка Андрея Антипова, который уже перебрался из нашего журнала, некогда называвшегося «Советский воин», в Комитет Госдумы по обороне. На этом традиционное офицерское застолье пошло по другому руслу, превратившись в публичное прочтение Обращения Рохлина. Документ вызвал бурю коллективных эмоций. Состояние у всех было такое, какое, наверное, испытали наши родители, слушая в июле 1941-го сталинское «Братья и сестры…».

В Обращении «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России» председатель Комитета Госдумы по обороне, третий человек в списках избирательного блока от власти, неожиданно дерзко спрашивал у действующего президента о предстоящем необоснованном обвальном сокращении численности армии. Он пытал его, чем тот руководствовался в своих решениях, и тут же обвинял Верховного Главнокомандующего в некомпетентности и безразличии к судьбе страны и ее Вооруженных Сил. В таком случае, задавал вопрос генерал, имеете ли вы право, господин Верховный Главнокомандующий, со своим опытом в военной области, ничего не сделав за последние шесть лет для военной безопасности страны, принимать единоличные решения за весь российский народ, пренебрегая усилиями и лишениями его старшего поколения?

«Вы обрекли Вооруженные Силы на окончательное

разрушение… В чем же дело? Может быть, для России нет уже никакой потенциальной угрозы извне? Однако факты говорят о другом.

Не церемонясь с Россией, страны НАТО приняли решение на движение блока к нашим границам. Западом осуществляется прямой диктат в вопросах военно-политического устройства Европы, пренебрегаются интересы России. На Дальнем Востоке, стиснутый своей территорией, огромными темпами развивается полуторамиллиардный великий Китай. Он буквально задыхается в ограниченном территориальном пространстве… При вашей политике и отношении к обороне страны Россия может лишиться Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала».

Мы читали эти строки, осознавая, что они всколыхнут военную общественность. Понимали и то, что возмущению военных Ельцин должен будет что-то противопоставить. И тут же в следующих строках мы находили подтверждение своим догадкам: «Можно было бы согласиться с сокращением Вооруженных Сил, если бы совместно с ними сокращались и другие силовые структуры. Но они не только не сокращаются, а растут. Они уже ни в чем не уступают Вооруженным Силам, а при сокращении армии будут значительно превосходить ее по численности. Россия превращается в полицейское государство. Режиму не нужна армия, так как она голодна, недовольна и неугодна Западу. Режиму нужны полицейские войска, которые подкармливаются в надежде на их поддержку при возможном выяснении отношений с недовольным народом».

Очередная пощечина — Чечня. Генерал обвинил президента в прямом нарушении Конституции Российской Федерации, в несоблюдении целого ряда законов — «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О ветеранах». И главное, Рохлин прямо заявил, что Ельцин несет персональную ответственность за развязанную войну на Кавказе.

«Это произошло в то время, когда вы своим руководством довели армию до предела, а, приняв решение на применение войск, в последующем сдали армию. Это произошло тогда, когда в полках осталось по 5— 10 солдат, а офицеры вместо солдат несли караульную службу и выполняли хозяйственные работы. В то время это казалось недопустимым и невозможным. Но последующая жизнь перекрыла любые представления. Когда прекратили выплачивать денежное довольствие военнослужащим, они вынуждены были по ночам охранять коммерческие ларьки и проституток, чтобы заработать на кусок хлеба, а те, кто не сумел приспособиться к новой жизни, — стреляться, не имея возможности прокормить семью.

Скоропалительность и необдуманность принятого решения не позволили армии перед началом войны в Чечне провести соответствующую подготовку. И это в условиях, когда в войсках вынужденно давно отсутствовала плановая боевая подготовка. Против наемников и зрелых мужчин вы бросили в бой восемнадцатилетних пацанов, многие из которых еще не держали оружия в руках. Увидев, что взять Грозный невозможно не только одним парашютно-десантным полком, как об этом заявлял «лучший министр обороны», но и большим числом неподготовленных полков, вы и ваши подчиненные продолжали гнать туда необученных солдат, по сути — пушечное мясо, которых сегодня призывали, а завтра они уже были в бою.

Этим мясом, потом и кровью тушился пожар в Чечне. Но, как и все другое, эта авантюра также закончилась крахом. Армия по вашему приказу срочно бежала из Чечни, оставив там на уничтожение целый полк пленных и все русскоязычное население. Погибли десятки тысяч невинных жителей и тысячи военнослужащих, а тысячи на всю жизнь остались калеками. Они безропотно выполняли ваш приказ, надеясь, в свою очередь, на вашу заботу».

Сейчас Ельцина не ругает только ленивый, а тогда это были первые публичные слова действующего военного чиновника высокого ранга, которые нас потрясли. Судя по всему, генерал предвидел некоторую растерянность, которую могут вызвать его откровения у офицерского корпуса, привыкшего не рассуждать, а подчиняться и выполнять задачи. Тут же каждый для себя должен был принять решение — как жить дальше и что делать? Поэтому Обращение адресовалось и к нам — военнослужащим. Вот что он нам не то советовал, не то напрямую подавал команду:

«Вам необходимо сплотиться. Для этого надо в каждой части провести офицерские собрания, на которых выработать законные требования и направить их президенту, Правительству и Федеральному Собранию РФ, в Верховный и Конституционный суды.

Руководство страны должно почувствовать ваше единство и понять, что вы, в отличие от него, не нарушали ни Конституции, ни законов, ни своих обязанностей и озабочены только сохранением армии, безопасностью и благополучием Родины. Но продолжающееся молчаливое игнорирование ваших законных прав, необъяснимое разрушение армии, военной науки и оборонной промышленности ставит вас в крайне тяжелое положение.

В этих условиях сорганизовывайтесь, выдвигайте лидеров на должности председателей офицерских собраний, требуйте

выполнения своих законных прав. Не надейтесь, что кто-то вместо вас это сделает. В нашем единстве на пути противостояния разрушению армии — залог успеха. Иначе армия погибнет».

Полностью с этим историческим Обращением вы, уважаемые читатели, можете ознакомиться в Приложении к книге. Но чтобы понять всю взрывоопасность этого текста, потребуется мысленно вернуться в то время, когда мирное население страны и мы, военные, испытывали острое чувство безысходности и подавленности. Идет никому не нужная война в Чечне, молодежь чуть ли не с призывного пункта направляют в кровавую мясорубку, города и деревни воют от горя по убитым детям. Офицеры по 4–5 месяцев без зарплаты ищут любой способ накормить семьи: кто разгружает вагоны, кто «таксует», кто, как сказал в Обращении генерал, охраняет проституток. А кто стреляется. Ельцин и министр обороны Грачев самодовольно врут с телеэкранов об успехах в разгроме кавказских бандформирований. От всего этого хочется закрыть глаза — ив омут. И вдруг тебя останавливают на краю обрыва и говорят: не спеши сводить счеты с жизнью, ты же мужчина, офицер, лучше разберись с теми, кто довел тебя до такого состояния…

Не все, но я это Обращение услышал и уже через неделю оказался лицом к лицу с Рохлиным. Получил поручение подготовить пресс-конференцию к его возвращению из командировки, с задачей успешно справился и еще через неделю уже летал с ним на арендованном у «оборонки» Як-40 по городам России. За день мы посещали по два, а то и по три региона страны. На пресс-конференциях, в основном посвященных ситуации в стране и постановке задач на сопротивление режиму Ельцина, народ задавал разные вопросы, интересовались в том числе и биографией генерала. В Йошкар-Оле один ветеран прямо спросил Льва Яковлевича: «А сам-то ты из каких будешь?». Рохлин вроде бы даже хотел все свести к шутке, ведь он-то все время говорил о Ельцине да о чиновниках, а тут какой-то местный дед Щукарь пытается увести разговор в сторону. Но зал смотрел на генерала с интересом и требовал деталей. Пришлось говорить…

АРАЛ — СТРАНА ИЗГОЕВ

На той пресс-конференции в Йошкар-Оле, о которой я упомянул, он достаточно сдержанно поведал, что родился в Аральске 6 июня 1947 года, что мать звали Ксенией, в девичестве Гончарова, что были еще старшие брат и сестра. Отца не помнит. Потом Ташкентское училище, служба…

Стоп, стоп! Это в спешке авиагонки по стране в целях создания ДПА Рохлин не мог себе позволить говорить с народом «о второстепенном». Но мы-то хотим и имеем возможность спокойно разобраться и в его биографии, и в домыслах досужих журналистов. Причем и в том, кто же был его отец. Тема национальности генерала не давала покоя «озабоченным»: псевдопатриоты видели в генерале «проект Сиона»; агенты Кремля на этой теме хотели вбить свой клин в монолит интернационального и надпартийного Движения в поддержку армии; израильские политологи пели осанну генералу, относя его военный талант исключительно к характерным качествам своей нации. А на встрече с журналистами в Астрахани один из молодых, но рьяных писак, провоцируя скандал, вызывающе сказал Льву Яковлевичу:

— Октябрьский переворот в 1917 году совершили евреи. Чем это закончилось, мы все знаем. Неужели вы думаете, что за вами пойдут массы?

Я вел эту пресс-конференцию и хотел было одернуть обнаглевшего борзописца, но Рохлин только глянул в мою сторону, и я тут же осекся. Не скрою, мелькнула мысль, что генерал сейчас сгребет сосунка в огромную лапу и задаст ему хорошую трепку. Но услышал удивительно спокойный голос моего старшего товарища:

— Если вы так ставите вопрос, то я вам скажу, кем сам себя считаю. Конечно, русским. Может быть, даже больше русским, чем есть вы. Моя мать Ксения, до замужества Гончарова, — женщина простая, бесхитростная, но очень культурная, самостоятельно получившая хорошее образование. Она много читала — и мировую, и русскую классику. А ведь поднимала нас одна, без мужа. Днем работала, вечером готовила и стирала, а ночью я слышал шелест страниц. Может быть, это давало ей возможность забыться, найти отдушину в череде беспросветных будней. И меня, и брата Владислава, и сестру Ксению воспитала настоящими русскими патриотами. А военное училище, бойня в Афганистане и Чечне, все эти конфликты на Кавказе, где мне пришлось гасить огонь междоусобиц, и вовсе заставили меня

забыть о таком понятии, как национальность. Приходилось пользоваться другими категориями — хороший человек, плохой, наш или враг, смелый или трус, честный или лжец, выполнит боевую задачу или завалит дело. Теперь еще вот новые понятия появились— государственник или государственный преступник, готовый пустить завоевания поколений по ветру, все приватизировать, разграбить, присвоить себе…

Откровенно говоря, я не ожидал от Рохлина такой отповеди этому человечку. Командир, который поднимал солдат за собой в бой с помощью угроз и русского мата, способный на плацу в пух и прах разнести отстающий в учебе полк, любому начальнику сказать «шершавую» правду, тут оказался настоящим дипломатом. Ни взглядом, ни голосом он не дал понять, что бестактный мальчишка вторгся в тему, которая среди военных, прошедших ад боевых действий, не обсуждается и считается верхом невоспитанности. Ведь люди плечом к плечу идут в бой, делят последнюю горсть патронов, друг другу дают адреса, куда следует написать в случае гибели одного из них. Что такое в этом случае чужая кровь, если в медсанбатах и госпиталях она давно перемешалась в одну группу, которая называется — Солдатская! Все — побратимы!

А про отца Рохлин избегал говорить по другой причине. Бесспорно, он кое-что знал о трудной его судьбе, но явно не все. Хотя еще в юности понял, что некоторые страницы семейной биографии афишировать по известным причинам не стоит.

Согласно исследованиям, которые проводились уже после трагической гибели генерала, его отец, Яков Львович Рохлин, родился в 1920 году в Киеве, учился в Киевском университете на лингвиста, был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и, отсидев три года в тюрьме, сослан в Аральск. Работал там учителем, женился на местной уроженке Ксении Гончаровой. У них родилось двое детей, сын и дочь. В 1942 году Яков Львович был призван в армию, воевал рядовым красноармейцем и в 1943 году попал к фашистам в плен. Выжил только потому, что назвался татарином Якубом Рахматуллиным. После освобождения в 1946 году вернулся домой. Его не приняли на прежнюю работу в школе, и он подался в рыбачью артель. В 1947 году родился второй сын, названный в честь деда — Лев. Однако пожить мирной жизнью Якову не пришлось. Над ним снова стали сгущаться тучи. Осознав близкий арест, из семьи ушел, а вскоре его осудили. С 1948 года он, по словам свидетелей, отбывал наказание на урановых рудниках в поселке Майлису, потом его следы теряются за колючей проволокой Гулага.

Судя по всему, мать вначале скрывала от детей пленение отца и последующую за ним отсидку в советских лагерях. Когда же они узнали об этом, были уже взрослыми, оба брата служили в армии. Что-то менять в документах не имело смысла. Впрочем, это было и небезопасно — в то время за сокрытие таких фактов можно было расстаться и с партбилетом. Естественно, уже это заставляло Льва, его брата и сестру хранить семейную тайну, а в официальных документах в графе «Были ли родственники в плену, под судом и следствием?» «чистосердечно» писать: «Нет». Поэтому в личном деле генерала была подшита собственноручно написанная автобиография, в которой он, будучи уже полковником, сообщал: «Отец бросил семью в 1948 году, когда мне было 8 месяцев. Семья жила бедно на 60 рублей материнской зарплаты и алименты от отца, от которых он часто уклонялся. Особенно в такие периоды в адрес отца звучали проклятия и плач матери, которая считала его виновником нашей тяжелой жизни, того, что мы жили в бедности». Судя по этим строкам, Рохлин еще не знал всех подробностей жизни отца после ухода того из семьи.

Позже на вопрос, вспоминает ли он место, где прошло его детство, Лев Яковлевич ответил:

— Арал— страна изгоев и высохшего моря. Конечно, вспоминаю. Там много было вышедших на свободу репрессированных по политическим мотивам. Людям некуда было ехать, и они оставались жить недалеко от собственных лагерей. В нашей школе бывшие зэки работали учителями. Образованные, грамотные, они давали нам глубокие знания даже по столичным меркам. Оттого одноклассники, если не садились по семейной традиции в тюрьму, то, как правило, легко поступали в вузы.

Детство выпало тяжелое, на выживание. Это сейчас охота и рыбалка — хобби, а тогда только за счет этого и выживали. Добыча пропитания в самом буквальном смысле этого слова спасла меня от многих пагубных привычек. Я до сих пор не курю, а что такое вкус вина, узнал лишь будучи офицером. Тогда не было времени шататься по поселку. Каждый день мешок килограммов пятьдесят с сетями на спину — и вперед, километров на десять — пятнадцать.

Подобная суровая жизнь закалила Льва не только духовно, но и физически. В классе седьмом будущему генералу предложили отстаивать честь школы в соревнованиях по бегу.

— Преподаватель по физкультуре говорит: «Ты давай, тренируйся сам!». А я разве знаю, как это делать? Ну, прочитал книжку про австралийского бегуна без руки и начал тренироваться: приходил на берег моря, а это, замечу, сплошные

обрывы и волны, и бегал там до изнурения. Именно благодаря спорту я и «вышел в свет» — поехал на соревнования в областной город Кзыл-Орда. Там впервые увидел пятиэтажные дома, стадион, траву. Помню, лежу на траве и все не верю. Трава!!! Настоящая трава, которую я в своей жизни раньше не видел.

Подошло время выбирать вуз. Арал, хоть и стремительно мелел, оставляя пристани и доки в песках пустыни, но всегда считался приморским городом. Оттого многие мальчишки, проведя детство под шум набегающей волны, став юношами, стремились в учебные заведения, — готовящие специалистов для морского транспорта. Не стал исключением и Рохлин. Окончив десятилетку, поехал с друзьями в Чарджоу осваивать секреты кораблевождения.

— Когда уже начались экзамены, — вспоминал Лев Яковлевич, — я умудрился повздорить с одним из абитуриентов, который свою физическую слабость компенсировал силой «мохнатой лапы». Словом, меня отчислили. Первое, о чем подумал, это как отреагирует на такой «фокус» мама…

О матери Лев Яковлевич говорил с любовью:

— Я в жизни испытывал много тяжелого, порой такого, что и выдержать было уже невозможно. В эти моменты всегда призывал на помощь мать, как Божество: «Мама, милая, помоги мне! Ну, помоги!». И, знаете, становилось легче. Она воспитывала меня с любовью, но в строгости. Если провинился, то бегала за мной с палкой в руках вокруг стола, а когда не догоняла, садилась и начинала плакать. Видеть ее слезы было смертельно. Может, поэтому я и поступил в училище. Если бы не поступил, то домой не вернулся бы: перед матерью было стыдно.

Возвращался домой через Ташкент, в котором было два военных училища — танковое и высшее общевойсковое командное. В танкисты я не подходил по росту, а для пехоты, посчитал, в самый раз. И хотя в ВОКУ экзамены к тому времени закончились, меня приняли по сумме баллов школьного диплома. Я к тому же еще спортсменом был, хорошо бегал. Когда надел форму, сообщил маме. Она была просто счастлива — оба сына будут офицерами!

Сестра Льва Рохлина Лидия Зорина о детских и юношеских годах брата говорила так:

— Лев рос упорным мальчишкой и во всем хотел верховодить, быть первым. Много занимался спортом, в основном бегал. Тренировался на берегу Арала. Ноги увязали в песке, а он, несмотря на такие условия, чуть ли не каждый день наматывал километры. И в военном училище это ему пригодилось. Наша мама очень была рада за сыновей. Одеты, обуты, накормлены и

профессия по тем временам очень престижная. Офицер! Раньше это звучало гордо. Братья всегда этому высокому статусу соответствовали.

КАРЬЕРИСТ

В армии бытует поговорка, что сын полковника не может стать генералом. Почему? Потому, что у генерала есть свои сыновья. Родилась она не от простого зубоскальства, а от многократного подтверждения суровыми реалиями жизни. Если анализировать генеалогическую рощу советского и российского генералитета, то вся правда быстро всплывает наружу. Их сыновья без труда поступали в военные училища, удачно распределялись в группы советских войск за рубежом или ехали «отметиться» в Забайкалье. Потом их ждал накатанный путь: военная академия, должность командира полка, звания, как только подходил срок, удачливый отпрыск военачальника направлялся на учебу в очередную академию — Генерального штаба. И вот на погоны ложится большая звезда. Такая, как у папы…

У ребят «из народа» нередко военная биография складывалась иначе. Непрестижное училище, дальние гарнизоны, звания с задержкой. Бывает, судьба за время службы так и не повернется к тебе лицом. Не успеешь оглянуться, а ты уже «неперспективный», в сорок лет еще капитан. Впереди пенсия. Позади — впустую растраченные годы. Потерянное здоровье. Убитые нервы.

Конечно, между первыми и вторыми всегда были и другие офицеры. Сами, как говорится, от сохи, но с неуемным желанием учиться, проявлять командирские качества, вопреки трудностям и неудачам идти напролом к своей цели. Они, не обращая внимания на неустроенный быт, забывая об интересах семьи, не зацикливаясь на несправедливых придирках начальников, зубами вгрызаются в службу, и ничего их не может сломать. Из всех передряг выходят сильнее, умнее, расчетливей. Служить с такими трудно, но весело, интересно; кажется, будто именно тут решается самое главное дело страны. Вот Рохлин как раз из этой породы.

Когда генерал создавал Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», он часто опирался на своих однокашников по военному училищу или военным академиям. Один из таких, Сергей Папанов, уволившись из армии подполковником, рассказывал мне о курсанте Рохлине следующее:

— Я не мог представить, что он так далеко пойдет. В училище Лева был, как все. Единственное, чем отличался, это выносливостью и силой воли. Кросс, марш-бросок с полной выкладкой — Рохлин всегда впереди, задает темп, подтягивает

отстающих. Словом, все четыре года был чемпионом, отличником. Ташкентское ВОКУ закончил с золотой медалью и для дальнейшего прохождения службы был направлен в Группу советских войск в Германии. Когда разъезжались, помню, один наш новоиспеченный лейтенант сказал о нем: «Ишь, тихой сапой вышел в отличники и тю-тю за границу. Карьерист…». Какой он карьерист? Получил все, что реально заслужил.

Как мы знаем, у «карьериста» толкача с «мохнатой лапой» не было, рассчитывать он мог только на себя. В ГСВГ в 1970 году лейтенант Рохлин ехал не за «ощущениями» заграничной жизни, не за тем, чтобы попить бюргерского пивка, а с одной целью — пахать. Для него, в отличие от многих, любой другой город после пыльного и грязного Аральска, утопающего в песках наступающей пустыни, казался санаторием. Что в Советском Союзе, что в Германии. А расположение части, оно ведь везде одинаково: казармы, парк боевой техники, плац, столовая, солдаты. Да еще полигон, где и проходила его жизнь.

Мы уже говорили, что Рохлин был человеком заинтересованным, азартным, увлекающимся. И, что самое главное, умел увлекать других. С ним рядом все заводились и начинали, поглядывая на командира, бегать сами, суетиться, добиваться коллективных целей, переживать за общий успех. Его взвод очень быстро стал образцовым, на учениях показывал отличную слаженность действий, метко стрелял, мастерски водил боевые машины. Словом, работал с максимальной отдачей.

К сожалению, очень часто бывает так, что какой-то коллектив на учениях действует отменно, а в расположении подразделения расслабляется. Дисциплина хромает, «старики» «ездят» на молодых, офицеры пораньше стремятся сбежать со службы. Того и гляди, жди крупного ЧП. Такое случается сплошь и рядом, но только не у Рохлина. Лев прибегал в казарму ни свет ни заря, чтобы проверить службу дневальных, проследить за подъемом и лично провести физзарядку. Весь день занятия, потом подготовка, к примеру, к караулу, а дальше вместе с личным составом сутки в наряде. Утром он опять раньше всех в казарме. Оттого и дисциплина во взводе была крепкая. Когда командир все время рядом — не побалуешь.

Вот эти самые качества лидера, максимальную самоотдачу, желание добиваться самых высоких результатов быстро заметили. И когда через два года в полку появилась вакансия командира роты, ее занял именно Рохлин. Мало того, старшего лейтенанта за стабильные показатели личного состава в боевой учебе наградили орденом Красная Звезда, а когда подошел срок замены, офицера направили на учебу в Военную академию им.

М.В. Фрунзе. Вот это уже был качественный скачок в его военной карьере.

Невольно задаешься вопросом, почему судьба так благоволила именно Рохлину, как говорится, человеку без рода и племени, когда рядом служили генеральские отпрыски, которых он в первые пять лет оставил далеко позади себя? Сам Лев Яковлевич говорил так:

— Каждый офицер хочет быть уверен, что подчиненные выполнят любую задачу. От этого зависит его личная карьера в службе, благополучие, расположение к нему старших воинских начальников. А коль так, то он должен опираться не на людей с хорошей родословной, а на тех, кто работает и гарантированно исполняет приказы. Не от случая к случаю, как повезет, как звезды там на небе расположатся, а все время. Поэтому таких командиров и повышают. Я и сам назначал знающих, думающих и смелых офицеров на должности, которые были намного выше их званий. Особенно в боевой обстановке, в Афганистане и в Чечне. Ведь не случайно бытует присказка: «Кадры решают все».

Москва и учеба в академии не испортили Рохлина. После окончания военного заведения, в 1977 году, капитан был направлен в Заполярье, в Алакуртти, командовать батальоном. И стиль его работы не изменился. Теперь не взводный, а комбат приходил в казарму задолго до подъема, а уходил за полночь. Боевая учеба оставалась для него главным приоритетом. Как жена выдержала постоянное отсутствие мужа, знает только она. Тамара Павловна, бывшая медсестра ташкентского военного госпиталя, все ждала, когда ее Лев насытится службой и станет чаще бывать в семье. Вместо этого он отправил ее к маме, а сам в 1982 году двинул в Афганистан командовать 860-м мотострелковым полком.

Вот что рассказывал по этому поводу сам Лев Рохлин:

— Маршал Советского Союза Соколов приказал подыскать на должность командира 860-го отдельного мотострелкового полка в Афганистане опытного командира полка. Я к тому времени командовал уже вторым полком, и общий стаж командования полками составлял два с половиной года. Но у меня была сложная ситуация в выборе. Дело в том, что командир танкового полка Богданов, который со стороны наблюдал за моей службой, став командиром дивизии в Каменке, под Ленинградом, прикладывал все силы, чтобы я пришел к нему начальником штаба. А тут мне предлагают полк в Афганистане. Для карьериста, каким я тогда был, это был трудный выбор. В тридцать пять лет стать начальником штаба дивизии — большое дело. Но, с другой стороны, получить опыт войны — тоже немало.

В конце концов я решил, что второй вариант будет для меня лучше. Да и как можно было отказаться? Там война… Стыдно не быть там… Не по-мужски. Короче, нас было пять кандидатов… В разговоре с кадровиками я заявил, что, если меня назначат, я справлюсь. Наверное, сказал очень уверенно. И выбор пал на меня.

НАУКА ВОЕВАТЬ

Командир полка— должность для очень волевого человека. Он обязан думать комплексно и не бояться брать ответственность за свои действия. Ему ставится основная задача, а решение он вырабатывает самостоятельно, опираясь на конкретную обстановку, наличие сил и средств. Не справишься — будешь наказан. Справишься, но потеряешь много людей, можешь попасть в немилость. Проявишь инициативу, на которую сверху посмотрят косо, получишь нагоняй. Не проявишь, «затихаришься», скажут: трус или бездельник. Словом, комполка всегда на раскаленной сковороде. И особенно в условиях ведения боевых действий.

Полк, который принял Рохлин, в целом был на хорошем счету. Он дислоцировался под Файзабадом в отдалении от других частей соединения. Вокруг территория, контролируемая душманами. Они ночами беспрепятственно подбирались к расположению мотострелков и устраивали устрашающие акции. Открывали огонь, забрасывали гранатами выставленное охранение и быстро откатывались, зная, что советские преследовать не станут. Так продолжалось до тех пор, пока не появился новый командир.

Лев сразу понял, что без поддержки местного населения он постоянно будет в окружении врагов. Поэтому первым делом проехал по ближайшим населенным пунктам в поисках доброжелательно настроенных афганцев. Таковых не оказалось, но разжиться за счет «шурави» каждый был не прочь. И когда Рохлин стал помогать налаживать мирную жизнь, людям это понравилось. Кому-то передали дизель-электростанцию, кому-то карандаши и бумагу для обучения детей, кому-то подбросили продуктов, лекарства. А нашлись и такие, кто попросил оружия для защиты населения. В благодарность полк постепенно стал получать информацию о готовящихся нападениях на блокпосты. На эти направления сажали подразделения, усиленные минометчиками и гранатометчиками, устраивали инженерные заграждения, подступы минировали. В итоге соваться непрошеных гостей быстро отучили.

Первые успехи дали о себе знать. Просоветски настроенные афганцы набрали силу и стали сами вести боевые действия с кочующими бандами душманов. Опыт Рохлина политотдел начал распространять в других местах, а о молодом командире заговорили как о грамотном и толковом офицере. Более того, вскоре за проведение нескольких серьезных боевых операций 860-

й мотострелковый полк был награжден переходящим знаменем Военного совета Туркестанского военного округа, а сам командир удостоен ордена Красной Звезды. Второго в его военной биографии.

Почивать на лаврах довелось немного. В июле 1983-го с должности командира полка Рохлин со скандалом был снят. И кем? Непосредственно руководителем Оперативной группы Министерства обороны СССР в ДРА Маршалом Советского Союза С. Соколовым. За боевые потери при выполнении разведывательной операции и… за хамство!

Об этом случае знают многие участники войны в Афганистане, не раз писали журналисты, поэтому восстановить хронологию событий не составляет труда. Причем вольную интерпретацию развития боевых действий, которая встречается в прессе, мы имеем возможность скорректировать личными воспоминаниями Рохлина.

А суть в следующем. По приказу командующего 40-й армии генерал-лейтенанта В. Ермакова фронтовая авиация нанесла бомбово-ракетный удар по ущелью Коран-о-Муджан, где, по сведению разведки, находилась банда душманов. Маршал Соколов, как часто бывало, вмешался в управление войсками и передал распоряжение командиру 860-го мотострелкового полка проверить результаты работы авиации. А то, что воинская часть в этот момент выполняла и другие задачи, старший начальник в учет не брал. Словом, все по-военному — вынь да положь!

Рохлин пытался по рации выйти на командующего армией, чтобы объяснить — люди разбросаны, топлива для техники нет, вертолеты поддержки по погодным условиям сидят на аэродромах, в таких условиях соваться в ущелье нельзя… Но кто может отменить приказ самого маршала?

Оставив за себя заместителя, комполка собрал для выполнения операции сводный батальон, который по численности далеко не дотягивал до штатной, слил все остатки имеющегося в части топлива в несколько боевых машин и с этим отрядом двинулся в ущелье. Уже в Коран-о-Муджане выяснилось, что авиация отбомбилась впустую. Рохлин сообщил эту информацию в штаб армии и развернул колонну в обратную сторону. На крутых склонах остатки дизтоплива скатились в заднюю часть баков, и боевые машины пехоты одна за другой начали глохнуть. В этот момент появились душманы и с фланга открыли плотный огонь.

Батальон отбивался как мог, пытаясь не только защитить себя, но и вытащить из-под огня боевые машины.

— Начальнику инженерной службы полка майору Зю-зеву

поставил задачу принять все меры для этого, — позже вспоминал Рохлин. — Говорю ему: «Выручай. Представлю к ордену Красного Знамени». А сам вижу — солдаты совсем растеряли боевой дух, прячутся в укрытия и сидят, как мыши. А я хожу и пинаю их ногами: «Вставайте, мать вашу, будете лежать, всех точно перестреляют!». В такой отчаянной ситуации я до этого никогда не был.

Бой шел несколько часов, и стало ясно — технику не спасти. Ее начали жечь из гранатометов, и проходы из ущелья закрылись. Рохлин, управляя боем, был ранен. С докладом, что машины обречены и надо выводить бойцов, к нему подполз майор Зюзев и тут же получил душманскую пулю в голову. Командир полка был в отчаянии, но самообладания не терял. Оценив безвыходность обстановки, принял тяжелое решение — подорвать оставшиеся БМП и отходить. В этом бою подразделение потеряло 12 человек.

Когда Рохлин доложил о результатах рейда, прямо указав, что под давлением приказа повел в ущелье сводный батальон неполного штата, без должного материально-технического обеспечения, без прикрытия авиации и приданных подразделений, в штабе армии это не понравилось. За погибших и сожженные БМП ответственности никто брать на себя не хотел. Началось расследование. Командира полка от должности отстранили. Тогда еще временно. Пошла проверка за проверкой. Каждый пытался обвинить Рохлина в некомпетентности и верхоглядстве, грозили трибуналом. А тут прилетел и маршал. Вызвал Рохлина и тоже спрашивает:

— Как все получилось?

Доведенный до белого каления, Рохлин ответил:

— Как приказали, так и получилось!

В одной из телепрограмм «Совершенно секретно» прямо было сказано, что Рохлин после этой неудачной операции, в которой погибли его солдаты, хотел застрелиться. Его остановили в последний момент и о попытке суицида доложили Соколову. Маршал расценил поступок как проявление малодушия. В результате Рохлина с должности сняли. Направили заместителем командира 191-го отдельного мотострелкового полка в Газни.

Спустя полгода в этой части произошло ЧП. Командир полка, попав в окружение, бросил солдат и один спасся на вертолете. Горе-командира отдали под суд, а через два месяца Рохлина вновь назначили командовать полком. Редчайший случай, но и командующий округом, и командующий армией, и даже маршал Соколов признали за Рохлиным право вернуть эту должность. Более того, подполковник Рохлин был награжден советским и афганским орденами Красного Знамени. Представлялся он и к

званию Героя Советского Союза, но документы, как частенько случается с чрезмерно ретивыми офицерами, затерялись. Видимо, откровенный доклад о неудачах рейда в ущелье Коран-о-Муджан в штабах не забыли.

Позже, собирая материалы для публикации о генерале, сотрудник Комитета Госдумы по обороне и военный журналист Андрей Антипов найдет и опубликует письма военачальников, которые дали оценку командирским качествам Рохлина в период его пребывания на афганской земле.

Бывший командующий 40-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник Борис Громов напишет: «Факт Вашего снятия с должности командира 860 омсп и последующее назначение командиром 191 омсп, как ни странно, скорее говорят в вашу пользу, так как в то время ошибки руководством признавались редко и болезненно.

Дальнейшее назначение командиром полка в Газни, который находился на отдельном оперативном направлении, говорит о том, что министр обороны более тщательно разобрался в сложившейся тогда ситуации и признал свою ошибку, восстановив вас в должности. Для любого военного человека это истина, которую никто даже не собирается оспаривать…

Хочу подтвердить, что все люди, с которыми я встречался и которые знали вас, отзывались о вашей деятельности в Афганистане только положительно».

Генерал армии Валентин Варенников по этому же поводу написал следующее: «Мне приходится только сожалеть, что некоторые газеты опираются в оценке военачальников на лиц, которые совершенно не имеют никакого представления о боевых действиях в Афганистане… Я могу только подтвердить ваши незаурядные способности как командира полка… 860-й отдельный мотострелковый полк — это особый полк, и не каждый мог им командовать. Он стоял на отдельном операционном направлении, и вы со своими задачами справлялись успешно. Необоснованные выводы, сделанные министром обороны СССР Д. Устиновым, вскоре были поправлены, как ошибочные.

И вы были назначены на отдельный 191-й полк…»

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД

Вновь он командир полка, и вновь часть активно участвует в боевых действиях. О Рохлине и о его подчиненных по группировке войск идет слава— в неприступном Пандшере они окружили и уничтожили практически все руководство армии Ахмад Шаха Масуда. Разведка донесла: душманы перестали делать ошибки в произношении фамилии советского подполковника и объявили награду за его голову. До замены и отправки Рохлина в Союз остался месяц, и командование 40-й армии, чтобы оставить его в Туркестанском военном округе, сделало офицеру заманчивое предложение — идти заместителем командира дивизии в Кызыл-Арват. Лев не стал долго думать, согласился. Резон был — должность хорошая, открывающая новые перспективы. Все-таки он был карьеристом…

По неписаной традиции за месяц до замены офицеры, а зачастую и солдаты не участвовали в боевых операциях — передавали опыт молодым. Но война есть война. При подготовке Ургунской операции оказалось, что все командиры полков, кроме Рохлина, недавно прибыли и не имеют опыта боевых действий. Руководство попросило подполковника (не приказало, а именно попросило) повести людей на направление главного удара самому. Лев отказаться не мог. Ознакомившись с планом операции, он тут же увидел серьезные просчеты.

— Элемент внезапности отсутствовал, — позже рассказывал Рохлин. — Наши силы дробились на части, что их значительно ослабляло. Я предложил дать мне возможность пойти вперед, создав мощный передовой отряд. Операцию целесообразно было начать ночью, а не днем, как намечалось, и пройти по дороге как можно дальше. А с рассветом уйти на бездорожье. Причем двигаться при поддержке вертолетов. А два Ми-24 пустить впереди войск с задачей заблаговременного подавления противника.

Командование согласилось с планом, предложенным Рохлиным. В результате войска вышли к Ургунскому ущелью без потерь. Душманы не ожидали такого стремительного броска и не успели ничего предпринять.

Неожиданно авиационная разведка доложила о сосредоточении сил в соседнем ущелье, и Рохлин, согласовав свои действия с руководством операции, повел полк туда, где и натолкнулся на ожесточенное сопротивление.

— Оказалось, что мы вышли на стратегические склады душманов, где хранилось огромное количество боеприпасов и

материальных средств, — вспоминал Лев Яковлевич. — Я не стал их атаковать, а ударил артиллерией. Что тут началось! Боеприпасы сдетонировали, и начался неконтролируемый подрыв арсеналов. Горы дрожали, зарево было такое, словно извергался вулкан. Ударную волну ощутили даже мы. Одного из солдат ранило. Но больше не пострадал никто. Более того, в соседних районах душманы стали сдаваться нашим солдатам. Оказывается, они знали, чей полк им противостоит.

Поручив заместителям выводить часть на постоянное место дислокации, Рохлин загрузил в вертолет раненых и вылетел с ними на базу. По дороге машина была обстреляна и рухнула на скалы. Традиция не участвовать в последней перед заменой операции родилась не случайно…

Разбившийся вертолет искали несколько дней. Когда обнаружили, выяснилось, что в нем выжили не все. Подполковника обнаружили без движения, но в сознании. Превозмогая неимоверную боль, Рохлин и здесь чувствовал себя командиром — продолжал руководить теми, кто не потерял способность двигаться.

Людей вывезли в медсанбат полка, потом в кабульский госпиталь. И только там врачи определили, что у Рохлина множественные ранения и сломан позвоночник. Отправили в Ташкент, где последовали одна за другой сложные операции. Очнувшись от наркоза, он спросил:

— Сколько вы еще меня здесь держать будете?

— Держать? Да мы тебя не держим, — удивился доктор. — Чуть подлечим и отправим домой. К жене и детям.

— Да мне назад надо, а не домой. У меня замена, дела следует передать.

— Нет, подполковник, о делах забудь, — покачал головой доктор. — Ты понимаешь, что у тебя позвоночник сломан? Ты — инвалид и инвалидом останешься на всю жизнь. Пока ты прикован к постели, а научишься ли сидеть, это еще большой вопрос…

Такого оборота событий Рохлин не ожидал. Поскрипел зубами, попенял на судьбу-индейку, но не раскис, валяться оставшуюся жизнь обездвиженным не собирался— это не для него. Хоть сразу умирай. Значит, выход только один — подниматься на ноги.

В этой череде тяжелых в моральном и физическом плане месяцев помощником и в прямом смысле слова опорой стала жена. Тамара устроилась в госпиталь санитаркой и постоянно находилась рядом. Вместе они переживали трагедию, вместе надеялись на благополучный исход, строили планы. И как только

появилась возможность шевелиться, Лев стал мучить себя физическими упражнениями. Через силу, через крик израненного тела он упорно шел к цели. Ему надо было встать.

Его хотели комиссовать. После того, как увидели, что подполковник начал передвигаться самостоятельно, отправили в отпуск. Наплевав на предписания медиков, Рохлин спустя месяц двинулся в Кызыл-Арват. Как ни странно, место заместителя командира дивизии все это время оставалась вакантным. Командование округом проявило редкостное благородство — обещало должность и верило, что геройский подполковник птицей Феникс «восстанет из пепла». Действительно, вопреки прогнозам врачей он остался в армии.

Гарнизон Кызыл-Арват даже по туркестанским меркам тяжелый. У Рохлиных уже росли дочь Лена и восьмимесячный сын Игорь. Мальчик именно там заболеет энцефалитом. В критический момент его не смогли оперативно отправить в больницу, оказать квалифицированную медицинскую помощь… Это трагически отразится на всей последующей судьбе ребенка. Но только ли на его? Конечно, и на судьбе Тамары и Льва, на их взаимоотношениях. Рохлин всю жизнь будет чувствовать вину за то, что служба заслонила собой семью, отодвинув ее на второй план, поставив под удар будущее мальчика, которого он мечтал видеть своим последователем. Поняв позже, что ничего уже исправить нельзя, Рохлин с головой уходит в работу. Может быть, с еще большим остервенением, чем он делал это раньше.

И ОПЯТЬ ВОЙНА…

Через два года Рохлина переводят в Азербайджан на такую же должность. Там он «тушит» межнациональный конфликт в Сумгаите. Люди военные не задавались вопросами, кто прав, кто виноват в этой кровавой бойне. Все — и азербайджанцы, и армяне — были советскими, а значит, своими. Как говорил Рохлин, «местное население». Ожесточенные, взявшиеся за оружие, но все равно свои. Поэтому мотострелковые и другие армейские части выступали скорее в роли миротворцев, силой разводя дерущихся. Пройдет время, и перед Рохлиным, уже генералом и председателем Комитета Госдумы по обороне, откроется истина, и он сможет объективно оценить скрытые рычаги начавшихся в Советском Союзе и там, в Закавказье, политических процессов разрушения большой страны.

Параллельно с Рохлиным в это время там, в Закавказье, находился и Виктор Илюхин — в последующем они станут большими друзьями. Илюхин работал в Сумгаите по заданию Генпрокуратуры, и когда станет известным в стране человеком, одним из самых уважаемых депутатов Государственной думы Российской Федерации, он оценит суть межнационального конфликта следующим образом:

«События в Сумгаите были спровоцированы армянами, когда с территории Армении стали изгоняться проживавшие там азербайджанцы. Было изгнано очень большое количество азербайджанцев. Их просто выбрасывали из домов, не позволяя даже взять с собой документы и вещи. Там действительно была проявлена колоссальная жестокость. И вот эти изгнанные из Армении азербайджанцы двинулись через горные перевалы к себе на родину, в Азербайджан. Так уж получилось, что они оказались на Апшероне, вокруг Сумгаита. Конфликт был выгоден армянским политическим авантюристам. Они разыграли «сумгаитскую карту» тогда, когда стали ставить вопрос отделения Карабаха от Азербайджана. Мол, нас притесняют и так далее. По сути дела, они разыграли большой спектакль на большой трагедии».

В эту трагедию оказался втянут и Рохлин со своей дивизией. Не думал он и не гадал, что Сумгаит для него — только начало цепи мелких и больших вооруженных конфликтов и кровопролитных войн на территории собственной страны, в которых ему предстояло участвовать. Когда его перевели служить на территорию Грузии, он сразу почувствовал, как говорится, в какую сторону дует ветер. И здесь националисты активно

раскачивали политическую лодку республики, в лексиконе «местного населения» постоянно звучали такие новые понятия, как оппозиция, революция, контрреволюция, раздавались призывы к свободе. Но хуже всего было то, что начались нападения на военнослужащих с целью завладеть оружием. Поступали сигналы, что боевики военизированной националистической организации «Мхедриони», руководимые Джабой Иоселиани, готовят захват ряда военных городков. Было совершенно очевидно, что их руки тянулись к армейским арсеналам.

Военный журналист Андрей Антипов записал рассказ Льва Рохлина о тех событиях:

«Меня вызвал командующий военным округом генерал Валерий Патрикеев. Вопрос был один, что делать? Мне было предложено захватить штаб «Мхедриони» в Тбилиси. «Вы представляете, что будет, если пострадает хоть один гражданский человек?» — спрашиваю я. Ведь гарантий того, что этого не будет, никто дать не мог. Проводить боевую операцию в городе при таких условиях невозможно.

Рохлин предложил разгромить главную базу боевиков в так называемом Комсомольском городке на окраине Тбилиси. Этот городок был в свое время построен как оздоровительная база комсомольских работников, имевшая союзное значение.

Руководство «Мхедриони» не зря облюбовало ее для своих нужд. Пять благоустроенных жилых корпусов, столовая и спортивный комплекс создавали все условия для жизни и подготовки боевиков. Здесь формировались вооруженные отряды. Отсюда они делали свои вылазки.

Командование округа утвердило этот план. Рохлин поручил своим разведчикам, возглавляемым подполковником Николаем Зеленько, собрать всю необходимую информацию о силах боевиков, о системе обороны базы.

Группы разведчиков стали выходить к городку, обследуя окрестности и пытаясь получить необходимые данные. Им приходилось действовать так, как на чужой территории. Это, похоже, и дало свой результат. Но растягивать процедуру было невозможно. Гарантии от утечки информации о намерении захватить базу никто дать не мог.

В ночь с 18 на 19 февраля 1991 года бронегруппы дивизии окружили городок. Несмотря на то, что операцию старались провести без стрельбы, сделать это не удалось.

Оглушенный разведчиками часовой пришел в сознание раньше, чем предполагалось, и начал орать не своим голосом. Бойцы «Мхедриони» попытались оказать сопротивление. Правда,

было поздно. Городок был взят. Находившиеся в нем боевики арестованы. У Рохлина был ранен один человек— подполковник Зеленько.

Около тысячи машин, набитых боевиками «Мхедриони», в ту же ночь покинули Тбилиси. Их организации пришлось на время затаиться».

Когда я готовил эту книгу о Льве Рохлине, мне удалось встретиться с полковником запаса Николаем Зеленько. Вот что он рассказал о тех событиях:

«Мотострелковая дивизия, которой командовал в Тбилиси тогда еще полковник Рохлин, была учебной, а значит, постоянного состава было немного — курсанты служили по полгода, получали специальность и уходили в другие части округа. Когда я прибыл в соединение на должность начальника разведки, командир мне лично поставил задачу собрать лучших солдат, сержантов, офицеров и сформировать разведывательное подразделение. По его плану оно должно было выполнить любую реальную боевую задачу. И хотя, повторяю, дивизия была учебной, Рохлин предвидел, что, возможно, нам предстоит действовать против поднимавших в Грузии голову сепаратистов.

Два с половиной месяца я готовил разведывательный батальон в учебном центре — стреляли, штурмовали жилые дома, лазили по горам, осваивали рукопашный бой, альпинистскую подготовку, совершали марш-броски с полной выкладкой. Тяжелые бронежилеты и каски солдаты снимали только перед сном. Но и отдых их был недолгим — приезжал командир дивизии и поднимал нас по тревоге, ставил задачу и лично проверял, насколько готовы разведчики. За это время подразделение приобрело определенные навыки, мы отладили вопросы взаимодействия, получили физическую и мораль-но-психологическую закалку. И поскольку солдаты и офицеры сами видели, что в Грузии обстановка серьезно накалена, в Тбилиси то и дело слышались выстрелы, боевики «Мхедриони» захватили много оружия и боевой техники, никого заставлять осваивать военную профессию было не надо.

В середине февраля Рохлин поставил мне задачу силами разведывательного подразделения, командиром которого был капитан Сливинский, захватить базу боевиков. Думали все сделать по-тихому, но жизнь внесла свои коррективы — завязался бой. Суворовская присказка, что тяжело в ученье — легко в бою, была еще раз подтверждена моими солдатами и офицерами. Сработали умело. Потерь у нас не было. А вот ранения получили два солдата и я сам — четыре пули попали в меня и пятнадцать в бронежилет…

Излечившись, я и комбат разведчиков поехали учиться в Военную академию имени Фрунзе. Лев Яковлевич Рохлин тоже был направлен на учебу. Все мы в одно время оказались в Москве, и связь между собой не теряли, дружили семьями».

АКАДЕМИЯ

Летом 1991 года Рохлин поступил в Академию Генерального штаба. Москва встретила генерала неласково. На занятия ему приходилось ездить в форме, и каждый «демократ» в общественном транспорте пытался самоутвердиться, выказывая пренебрежение к армии, «сидящей на шее народа». Лев Яковлевич скрежетал зубами, но в словесные баталии не ввязывался, считал это ниже собственного достоинства. К тому же личные проблемы ничего не стоили по сравнению с большой трагедией, которая произошла с великой страной. Советский Союз распался. Где теперь тот Аральск? Где Ташкент, с которым его так много связывало? Может быть, именно тогда в Рохлине впервые проснулось гражданское самосознание, которое вступало в противоречие с мировоззрением военного.

Как офицер и генерал, он учился науке побеждать. Рохлин умел это делать. Имел богатый опыт, обладал способностью мыслить и тактически, и стратегически. Умел обхитрить противника, ввести в заблуждение и выполнить боевую задачу не любой ценой, а с наименьшими потерями. Но все это не касалось политики. Верховный Главнокомандующий, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР определял и утверждал Военную доктрину, в рамках которой жил, думал и действовал Рохлин. Но время и события перевернули сознание простого, но удачливого вояки. И когда от Союза, как от большого айсберга, отвалились-откололись бывшие советские республики, он ощутил боль, словно ему ампутировали часть тела. Первая мысль, которая пришла к нему, формулировалась однозначно — предательство!

— Когда я узнал, что Советского Союза не стало, — рассказывал мне Лев Яковлевич, — то подумал, что сейчас все люди выйдут на улицу и заставят Ельцина с Кравчуком и Шушкевичем вернуть все обратно. Не признают их Беловежского соглашения, и все тут. Или, в крайнем случае, Съезд Верховного Совета РСФСР не станет этот документ ратифицировать. А тут случилось самое страшное — тишина. Никто никуда не двинулся, а депутаты, за исключением шести или семи человек, проголосовали «за». Всем было на все наплевать. Вот до чего довели народ со своей перестройкой. Страна стала рассыпаться. И я понял, что на этом раскол не ограничится. Все пойдет по сценарию Грузии, Азербайджана, Армении или того хуже. Собственно, не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть наше будущее. Так и получилось…

Вспоминает бывший начальник штаба Московского военного округа генерал-полковник Виктор Иванович Шеметов:

— В Академии Генерального штаба мы со Львом Яковлевичем учились в одно время, но на разных курсах. Он поступил на год раньше, но это не мешало нам тесно общаться. Тем более, что начальником этого замечательного учебного заведения был Игорь Николаевич Родионов, мы оба его неплохо знали, и он нас приглашал к себе в кабинет поговорить о ситуации в армии, да и вообще в стране. Тогда только-только развалился Советский Союз, и слушатели Академии, ее профессорско-преподавательский состав остро переживали за судьбу страны. Было странно, что многие наши бывшие сослуживцы оказались теперь подданными других государств, чье руководство не всегда однозначно относилось к внешней политике России. Многие боеспособные соединения, аэродромы, военные заводы отошли бывшим советским республикам, и боеготовность Вооруженных Сил нашей страны сильно пострадала. Как ее восстанавливать — для нас был самый насущный вопрос.

Рохлин выпустился и уехал в Волгоград. Через годя приехал туда по заданию ветеранов 62-й армии Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова, которая за героизм при обороне Сталинграда получила гвардейское звание и впоследствии стала именоваться 8-й гвардейской. Музей армии из Германии переправили на берега Волги, и надо было его восстанавливать. Рохлин был комендантом гарнизона, успел наладить связи с руководством города, и его помощь оказалась незаменимой. Но это было потом, в 1994 году, а в 1993-м мы прощались в Москве, и я провожал его в 8-й гвардейский армейский корпус, который впоследствии прославит себя в Грозном именно благодаря умелому командованию моего товарища — Льва Рохлина.

«ТРЕВОЖНЫЙ» КОРПУС

8-й гвардейский армейский корпус— звучит гордо и весомо. Но мало кто знает, что до Рохлина это было самое посредственное соединение, полностью разложившееся в период массовой эвакуации из Германии. Предвидя отъезд из сытой Европы на Родину, которая военных совсем не ждала, командиры и политработники давно уже бросили заниматься боевой учебой, сосредоточившись на закупке редких для советской России товаров — ковров, видеомагнитофонов, сервизов, кроссовок и джинсов. Отправив семьи и забитые барахлом контейнеры в Россию, офицеры с личным составом и техникой на нескольких железнодорожных эшелонах в феврале 1993 года прибыли на станцию Прудбой Калачевского района Волгоградской области. Корпус, представлявший из себя не более чем кадрированную дивизию, расквартировали в гарнизоне Красные Казармы, построенные еще до революции семнадцатого года. А спустя четыре месяца командование дезорганизованной группой полков и отдельных батальонов, структурно объединенных в армейский корпус, принял генерал-майор Лев Рохлин.

Корпус первоначально разместился на военном полигоне Прудбой, находящемся рядом с одноименной станцией. Свидетели говорят, что по сути корпус был лишь бригадой, состоящей из двух полков и нескольких служб: медицинской, разведки, артиллерийской. Каждый полк имел в наличии лишь по одному боеспособному батальону. Нехватку личного состава в имеющихся частях планировалось комплектовать за счет резервистов. К тому же фактически с нуля требовалось развернуть 20-ю дивизию. При таком аховом положении у любого командира опустятся руки. Рохлина же такая ситуация заставила предельно мобилизоваться самому и максимально напрячь всех подчиненных.

Своим заместителям он поставил задачу укомплектовать части техникой и личным составом, а тех командиров подразделений, которые имели хоть какое-то штатное наполнение, заставил день и ночь заниматься учебой. Причем сам лично чуть ли не каждый день поднимал то одних, то других по тревоге и требовал выводить боевые машины из парков, совершать многокилометровые марши, стрелять, отрабатывать нормативы. Служаки, раздобревшие на баварском пиве, взвыли от такой службы и за глаза называли Рохлина самодуром, а свое соединение — тревожным корпусом самодура.

— На кой черт нам такая учеба, если семьи брошены, квартир

нет, казармы не отремонтированы, офицеров в батальонах раз-два и обчелся, — плевались они. — Рохлин на нашем горбу себе очередную звезду зарабатывает!

О том, как его поносят подчиненные, генерал знал, но это его мало волновало. Годы службы в «горячих» точках закалили не только его характер, но и притупили чувствительность к оценке его действий со стороны. Много раз Рохлин слышал нелицеприятное в свой адрес от сослуживцев, не способных выйти на показатели подразделений и частей, которыми он командовал. Не раз на него сваливали собственные неудачи и старшие начальники, снимали с должностей, устраивали показательные разносы. Судьба корежила его тело, ломала высокие принципы, с головой окунала в кровь и грязь. А тут за спиной не выстрел, не взрыв, не потеря близких и боевых товарищей — за спиной злая молва и неприличное прозвище, в которое вплетаются не только нелюбовь и желание унизить, но и страх перед неотвратимым приказом, который не выполнить нельзя. Иначе последует расплата — генерал был крут и непреклонен.

Полтора года он ломал людей на свой лад. Со временем многие осознали, что при новом комкоре по-другому просто не будет. Германия и прошлый командир вспоминались в сладком тумане, как жизнь на облаке Рай, а здесь, в Волгоградской области, при Рохлине, людей словно настигло наказание за то, что они забыли, куда пришли служить. В армию. Учиться воевать. Выживать. И побеждать. Кто это вдруг понял, кому открылась истина, тот стал смотреть на генерала другими глазами. С осознанием цели, с пониманием задачи. Приняв идею командира корпуса, как свою, офицеры стали работать с личным составом, готовить технику, обучать специалистов действовать, как следует, а не по принципу: прошел день, и ладно.

В итоге офицеры в корпусе неожиданно разделились на «карьеристов» и «неудачников». Те, кто, забыв о семье, дневал и ночевал в подразделении, сам рвался на полигон, как на праздник, начали показывать высокие результаты и получать повышения. В должности, в звании. И тут же молва их окрестила «карьеристами». Кто у Рохлина «неудачник» — тоже понятно. Кто не нашел в себе силы сориентироваться на службу, а искал причины своих ошибок и просчетов подчиненных в придирках командира. Вот у этой категории служба шла особенно трудно, потому как поговорку «Не можешь — научим, не хочешь — заставим» в армии никто не отменял.

Рохлин ломал не только людей. Он под себя кроил структуру корпуса. Нет, дивизия, полки и батальоны, бесспорно, оставались, но штатное расписание он изменил, исходя из собственного

опыта.

«В Афганистане, а потом в Закавказье я не раз убеждался, что командир без разведки и слеп, и глух, — рассказывал Лев Яковлевич радиослушателям «Народного радио» накануне 23 февраля 1998 года. — Оттого еще в Волгограде укомплектовал отдельный разведывательный батальон фактически двойным штатом. Подобрал туда толковых офицеров и позволил им собрать людей из мотострелковых частей на свое усмотрение. Мне доходили жалобы от командиров, что разведчики выгребли самых толковых солдат и сержантов. Но я на это намеренно закрыл глаза. Зато в гарнизоне они у меня были редкими гостями. И жили, и учились на полигоне. Потом в Чечне этот батальон сыграл в Грозном чуть ли не самую главную роль. Он постоянно был на острие наступления и действовал исключительно толково и эффективно».

Этому выступлению Рохлина требуется некоторое пояснение его бывшего подчиненного Николая Зеленько, которого генерал «вытащил» после учебы в Академии в Волгоград. Сам Рохлин уже год, как командовал корпусом, и ждал, когда можно будет забрать хорошо показавшего себя в Тбилиси офицера-разведчика. На месте он поставил ему точно такую же задачу — на базе 20-й дивизии развернуть усиленный разведывательный батальон.

— Когда я пересчитал людей батальона, выяснилось, что Рохлина год, как обманывают, — вспоминает бывший начальник разведки корпуса полковник Николай Васильевич Зеленько. — Семьдесят человек находятся в постоянном отрыве от подразделения на работах. Я неделю их собирал по всей области. Комбата Рохлин снял, а я занялся подготовкой разведчиков по «закавказской» методике. И когда пошли в Чечню, я был уверен, что батальон будет на высоте. К сожалению, у станицы Петропавловская меня ранило и штурмовать Грозный мне не довелось.

Вот, что еще говорил Рохлин на той радиопередаче по поводу подготовки частей своего корпуса:

«…Еще я не давал «скучать» в Волгограде артиллеристам. На меня они обижались, мол, офицеры забыли, как жены выглядят, сколько у них дома ребятишек. Но Чечня меня перед ними оправдала. Артиллеристы накрывали цели с первого залпа, побили много врагов. Много спасли и наших солдат, и «эмвэдэшников», которые частенько попадали в трудное положение.

У танкистов были нештатные упражнения. Кроме обычного слаживания экипажей, взводов и рот, обучения выполнять тактические нормативы, стрелять и водить, я ввел огневую

подготовку из боевых машин по принципу карусели. Это практиковалось в годы Великой Отечественной войны при бое в городе, когда два-три танка попеременно стреляли с одной огневой позиции. Расстреляв боезапас, машина отползала в сторону под загрузку снарядов, а на ее место тут же вставала следующая. В итоге огонь велся постоянно, и противник не мог воспользоваться нашей передышкой для перестроения или организации ответного удара.

В результате, когда 1 декабря 1994 года корпусу поступил приказ принять участие в разоружении в Чеченской Республике незаконных вооруженных формирований, я знал, что мои части вполне управляемы, солдаты обучены, техника подготовлена и исправна.

Сам я мог в Чечню не идти. Командующий войсками округа сказал, что я могу послать любого из подчиненных мне трех генералов. Но что бы тогда обо мне думали: в мирное время выжимал из нас соки, требовал, чтобы к войне готовились, а сейчас с нами не пошел? Я знал, что спасу жизни многих людей. Так и получилось».

Рохлин опирался на свой боевой опыт и был одним из немногих, кто им в 8-м гвардейском армейском корпусе обладал. Но на уровне высокого командного состава он был единственным участников войны в Афганистане, в чьем подчинении была часть, тем более такая, какой являлся развернутый и усиленный, действующий на самостоятельном направлении 860-й отдельный мотострелковый полк. Поэтому генерал рассчитывал, и не без оснований, только на себя. На себя и на тех людей, которых самолично готовил к боевым действиям.

А то, что предстоит война нешуточная, Рохлин догадывался. К тому моменту, когда «тревожный корпус» получил приказ на передислокацию, Чеченская Республика уже была взбудоражена кровопролитными столкновениями действующей власти с подразделениями так называемого Временного совета и сторонниками Умара Авторханова. Причем в октябре 1994 года 120 оппозиционеров Временного совета прошли подготовку на том самом полигоне «Прудбой» 8-го Волгоградского армейского корпуса. Вот именно они вместе с наспех набранными в гвардейской Кантемировской дивизии танкистами пытались штурмом взять Грозный. В город вошли почти без выстрелов, но уже в центре подверглись атаке «абхазского батальона» Шамиля Басаева. Машины были сожжены, часть офицеров погибла, часть попала в плен.

Телевидение день и ночь крутило душераздирающие кадры с подбитыми танками и закопченными лицами раненых и

плененных российских военнослужащих. Дудаев злорадствовал и угрожал Москве. Ельцин с налившимся кровью лицом обещал восстановить в республике конституционный порядок. Истерзанная перестройкой и разоренная усилиями власти армия спешно собирала способные к боевым действиям части. Их оказалось крайне мало — боевая учеба почти повсеместно не велась. Корпус Рохлина, не укомплектованный, со всех сторон обрезанный, представлял собой более или менее годное для войны соединение.

Позже газеты писали: «…В состав группировки «Северо-Восток» в ночь на 1 января 1995 года входили части 8 гв. АК под командованием генерала Рохлина: 255-й мотострелковый полк, сводный отряд 33-го мотострелкового полка и 68-й отдельный разведывательный батальон, всего: 2200 человек, 7 танков, 125 БМП и БТР, 25 орудий и минометов…» В сущности, это был всего лишь один штатный мотострелковый полк, усиленный двумя батальонами и ротой танков. Очень важно принять во внимание его состав, потому что в армейском корпусе в пятнадцать раз больше личного состава, орудий и бронетехники. С этим Рохлин пошел на войну…

Я мог бы поведать, как воевал корпус Рохлина в Чечне, но буду откровенен — меня там не было, и информацию я, как многие, черпал из газет, журналов, рассказов участников событий. Можно было бы взять выдержку из повествования журналиста Андрея Антипова, который восстанавливал хронологию тех страшных событий со слов генерала и записям в Боевых журналах. Но мне повезло, и я нашел интервью самого генерала, которое он дал за полгода до собственной гибели известному тележурналисту Алексею Борзенко. Лев Яковлевич хорошо осознавал, что работает «в стол», на потом, поэтому и говорил как бы в телеграфном стиле, тезисно, что ли… И действительно, при жизни военачальника и оппозиционного депутата, это интервью по понятным причинам в эфир не попало. Да и потом, покуда «царствовал» Ельцин, появиться в эфире оно не могло. Спустя годы его все-таки пустили, но не на центральный канал, да и время трансляции было позднее, когда люди уже отдыхают. Поэтому будет правильным, если читатель ознакомится с этим повествованием полностью, без купюр, без литературной правки, как с исповедью человека, который знал правду войны и хотел ее нам открыть без прикрас. Он понимал: перед историей, как и перед Богом, говорить нужно только правду.

Исповедь русского генерала. Февраль 1998 г.

— Я, находясь в войсках, будучи командиром, все сосредоточивал на боевой подготовке, а жизнь заставила к тому же и воевать. И когда пришел с Академии Генерального штаба в Волгоградский корпус, увидел развал. Боевой подготовки не существует никакой, на полигоне давным-давно не стреляли и, словом-то, не слышали о боевой подготовке. И вдруг приходит самодур, который выгнал всех в поле, который и день и ночь заставляет стрелять, водить, поднимает по тревоге, который проводит учения, снимает с должностей за то, что техника вовремя не вышла. И когда случилось решение воевать, точнее, идти в сторону Чечни, для меня не было новостью, что это все будет очень серьезно.

Первый раз мы обманули, когда рассчитывали, что пойдем через Хасавюрт, и все знали, что нас пошлют на Хасавюрт. Мы подготовили карты, послали майора, который объехал все милицейские участки чеченцев, дагестанцев, советуясь и прося помощи, мол, пойдет наша колонна, вы, пожалуйста, помогите. На этой карте были нарисованы позиции, он чеченцев спрашивал, правильно ли нарисовано, все ли так? Ни у кого не было сомнения. Я пригласил руководителя администрации города и района Кизлярского. Посидели, как следует, выпили, тоже попросил у него помощи, чтобы он помог мне провести колонну. А пошли в сторону. Ночь, никто не ожидал. Перекрыли дорогу разведчики на двух участках, чтобы ни одна машина не могла пройти, сказать, что идет колонна. По бездорожью, через пустыню, сделав огромный крюк, вышли, и никто из чеченцев не мог предположить, что мы идем.

Выходит на меня Куликов: «Лев Яковлевич, помоги!». — «Дайте точные координаты, куда вести огонь артиллерии». Мне дают координаты, и я на карте начинаю разбираться. Смотрю, дают координаты прямо в центр полка, то есть нанести огонь по 81-му полку… Я связываюсь с Куликовым, очень плохо слышно, говорю: «Куда бить?». Он мне: «Я тебя прошу, разберитесь сами!». Тогда я отвожу огонь на километр, связываюсь с полком напрямую, и мы наносим предупредительный выстрел по атакующим чеченцам. От радости 81-й полк «зашелестел», туда, говорит, еще столько же, и побольше, и побыстрее… Мы нанесли несколько огневых ударов, атака захлебнулась, все атакующие разбежались и на этом спасение 81-го полка закончилось. Встречали они нас, как героев.

Но тут же подъезжает комендант Надтеречного района и спрашивает: «Это война?». «Да нет, — говорю, — мы не желаем войны, но задачу должны выполнить». Он говорит: «Нет, мы не пропустим, ляжем сами, положим женщин, детей…». Я говорю:

«Вы знаете, я воевал в Афганистане…». Он машет рукой. «Там такие необразованные, эти афганцы, такие грязные… Только, — говорю, — у них отличие одно от цивилизованных чеченцев — они впереди себя женщин и детей не пускали». Ну тут у него физиономия вытянулась…

Я вышел в район Толстой-Юрта, но не в само селение, а слева. Между двух хребтов срочно начали занимать оборону, окапываться, расположили артиллерию, начали завозить материальные средства и готовиться к самому худшему. Уже стало известно, что пошли пограничники по моему маршруту, от которого я отказался, на Хасавюрт, и около 80 человек взяли в плен. Уже шла информация, что в Назрани разгромили колонну, что установка «Град» расстреляла второй раз колонну. И то, что наша группа сумела выйти, нависнуть над городом, занять исключительно удобные позиции, пристрелять артиллерию и своей диспозицией заранее обеспечить себе успех, это было воспринято чрезвычайно радостно руководством. Эйфория была довольно большая. Все считали, что взятие Грозного — это мелочь, это факт почти свершенный, и что тут нет никаких проблем.

А до этого мною была проведена операция. Чрезвычайно важно было вывести Восточную группировку в район Аргуна. А реку нигде не перейти. Заболоченность, берега крутые, возможности никакой. Я готовлю операцию по захвату моста у селения Петропавловская. Ночью, в тишине, без радиообмена разведчики проползают несколько километров. Чеченцы понимали важность — около 300 человек наемников находились на мосту. Моих поползло 80 человек. И к утру они этот мост захватывают. Мост подготовлен к взрыву, снимают с него все, но на них обрушивается величайший град ударов. Мы подтягиваем танки, артиллерию, пытаемся подавить сопротивление там, откуда оно идет. Вовсю палят с мечети. Разнести ее мне не составляло труда, но я прекрасно представлял, какой шум пошел бы в мусульманском мире, что я расстрелял мечеть. Я ставлю задачу снайперам, пулеметчикам и небольшому отряду прекратить сопротивление и заглушить огонь.

Но ситуация складывалась такая — впервые разведчики понесли потери, это был для них практически первый бой. И наступила просто деморализация. Сбились в кучу, прячутся за технику, никуда не хотят идти. Тогда мне пришлось в полный рост встать на бруствер, разгонять ребят литературными словами, показывать пример на себе. Это была первая операция, где мы все же понесли потери. Мост и захваченная дорога сыграли чрезвычайно важную роль.

Неожиданно для меня было принято решение наступать 31 декабря. В то время я не знал, что первого числа день рождения у министра, 1 января, и других тонкостей. Мне говорят: «Прорвись в центр, захвати дворец, а мы к тебе подойдем». Я на это ответил: «Разве вы не слышали по телевизору, как министр обороны Грачев заявил, что на танках город атаковать нельзя?». С меня этот вопрос сняли. Тогда я второй раз спрашиваю: «Какая все же моя задача?». — «Ладно, ты находишься в резерве, обеспечь левый фланг основной группировке Северной, иди по таким-то улицам».

Мы очень тщательно продумали и подготовили решение. Мы знали, что нас ждут вдоль асфальтовой дороги, ведущей в Грозный. И знали, что там подготовили. Нам передали из оппозиции информацию, что две бензоколонки, рядом с дорогой, подготовлены к взрыву. Что огромное количество заготовлено на всех участках гранат, в том числе бутылки с зажигательной смесью. Что такое-то количество техники. А кроме всего прочего подготовлены засады на русском кладбище. При этом высказывалось предположение, что раз я не тронул мечеть, наверняка не трону свое кладбище.

Я сделал следующим образом. Ставлю командиру 33-го полка, там, по сути, сводный батальон, задачу: захватить переправу через речку по тому шоссе, где меня ждали, начать развертывать мосты, готовить переправу, вести бой, готовить плацдарм. Командир полка подполковник Верещагин не знал, что эта задача — ложная. Я даже и ему не сказал. Он захватил эту переправу, начал наводить мосты, вел постоянный бой. А мы с разведчиками разведали маршрут по бездорожью, через каналы, рядом с аэродромом Северный, по мосту неприметному, и пошли по бездорожью. Как только колонна главных сил вышла, я оттянул Верещагина, вывел его в резерв. Оставив чеченцев в надежде, что мы все же туда пойдем.

…Расчертили огромную схему. Улицы и прилегающие к ним улицы, где каждый дом был абсолютно ясно виден. И каждой единице техники, которая должна блокировать вместе с личным составом, находящимся на ней, тот или иной перекресток, написали улицу, фамилию командира взвода, экипажа, номер дома, задачу. Каждый боец, каждый водитель, каждый лейтенант и сержант точно знали свою задачу. Когда мы захватили консервный завод, то остатки тыла оставили там, а вперед пошла только техника боевая, и, двигаясь, через каждые 50 метров до очередного перекрестка оставляли технику. Мы шли, и на главном направлении техники оставалось все меньше.

Наш прорыв позволил и Северной группировке прорваться, и она пошла по улицам. И мы по рации услышали исключительно

радостные доклады. О том, что прорвались, что без сопротивления всякого идем, о том, что уже вышли почти к Дворцу. А мы, ввиду того, что расставляли технику, а не просто мчались, двигались медленнее. Тут же мне: «А ты что стоишь, чего отстаешь?». Я говорю: «Я задачу выполнил». — «Нет, ты иди вперед!».

Потом мне передают слова министра обороны Грачева: «Что этот хваленый афганец, чего он отстает?..». В общем, эйфория и радость великая. Мы вынуждены были продвинуться вперед к городской больнице, чтобы фланг левый был прикрыт, и заняли ее в сумерках. Вот в сумерках и началось то несчастье, о котором узнают все.

Ну, во-первых, 131-я бригада не имела задачи. Она находилась в резерве. Ей ставят задачу без тщательно продуманного решения: по параллельному маршруту выйти и захватить вокзал. И она помчалась. Справа не от нас, а от Северной группировки. Рядом к нам примыкал 81-й полк. Если мы оставили минимум техники, оставили все тылы, и чем дальше шли, тем меньше было техники, и дорога оставалась свободной, давая возможность маневра. Ввиду того, что у главной группировки Северных не была толково поставлена задача, ни слева, ни справа, то они полностью абсолютно забили улицу. Возможности выехать, развернуться не существовало никакой. Я потом узнал.

В очень тяжелой ситуации оказался Пуликовский. До последнего дня не зная, что будет командовать, конечно, с такой тщательностью решения принять не мог. Кто давал команду? Ну, Пуликовский говорит, что не он. Отправить 131-ю бригаду в обход, захватить железнодорожный вокзал… Этого я не знаю. Это надо спросить у них. Конечно, я предполагаю, но говорить бездоказательно не могу.

И дальше события развивались так. Ночь. Чеченцы, заняв все высотные дома вдоль маршрутов 81-го полка, в упор начали расстреливать технику сперва в голове и в хвосте, затем в середине и выборочно все остальное. Как мне рассказывали потом, гранаты подвешивали на парашютики от сигнальных ракет с тем расчетом, чтобы она взорвалась сверху и могла поразить как можно большую площадь. По сути дела, всю ночь шло уничтожение колонн 81-го полка. Помочь ему в той неразберихе, которая существовала в течение ночи, я не мог.

Западная группировка так и не вошла в город. Восточная группировка сбилась с маршрута, понесла потери и вынуждена была отойти. Северная группировка за исключением разбитых 131-й бригады и 81-го полка откатилась назад. Я остался. Наш

сводный полк— чуть более 1000 человек, а если учесть, сколько стало на блокирование, то впереди было всего не более 400 человек — оказался один в городе. Притом чеченцы прекрасно понимали, что за заноза у них там…

За Дворец Дудаева не шло никаких боев. Ситуация была иная. То направление, откуда мы действовали, и оказалось главным, было исключительно подготовлено. И шло жесточайшее сопротивление. Первой нашей победой после того, как мы чуть-чуть отряхнулись, был ночной захват высотного здания института. Шестнадцатиэтажка. Как только мы захватили это здание, то сразу лишили возможности дудаевцев вести прицельный огонь, в том числе снайперов, вести корректировку огня артиллерии. Я принял решение — на нижних этажах расположил войска МВД. Вверху под командованием исключительно отважного человека, начальника ПВО корпуса полковника Павловского, создал огневую группу.

А дальше события развертывались следующим образом. Исключительную ценность представлял разведбат, тот, который, как я говорил, двойного штата, и день и ночь занимавшийся боевой подготовкой. Он действовал особым способом. Противник был очень слаб в ночных действиях, они не были организованы командирами общевойсковыми, которые бы могли руководить их боем. Это были отдельные высоко подготовленные профессионалы, наемники, побывавшие в войнах, но оказать какое-либо сопротивление тщательно продуманным военным действиям, особенно ночью, они не были способны. И разведбат, проползая ночью в то или иное здание, если встречал сопротивление, действовал на уничтожение, если сопротивления не было, подтягивались наши подразделения.

Здание Совета министров было исключительно выгодным опорным пунктом: во-первых, там были очень толстые стены, во-вторых, он нависал над мостом, через который шла помощь во Дворец, и, в третьих, он был почти главной завершающей точкой для захвата Дворца. Это понимали и дудаевцы, и прекрасно понимали мы. Поэтому с утра на него начались сильнейшие атаки, удары артиллерии, танков. Первое несчастье, которое постигло нас, — это обрушилась стена и завалила группу солдат. Второе несчастье — летчики кинули бомбы. Я в категорической форме отказывался от ударов авиации. По какой причине? Да по той причине, что безопасное удаление от разрыва авиабомб — 1100 метров. А у нас до Дворца оставалось 200. И мои опасения подтвердились. Одна из бомб промахнулась и ударила в здание Совета министров. И мы понесли вторые большие потери в этом здании Совета министров. Для того, чтобы можно было покончить

с Дворцом, необходимо было занять гостиницу «Кавказ». И я поставил задачу командиру разведбата выдвинуться ночью и захватить эту гостиницу.

Хотя захватить было невозможно, слишком малые были силы, но попытаться… И вдруг связь с разведбатом пропала. То ли их уничтожили, то ли еще что-то, для меня это была очень тяжелая ситуация — сердце сжато. И хотя это называлось разведбатом, но там было не более роты. Больные, раненые, понесшие потери, батальон, не выходящий из боевых действий, небольшая рота, человек 40, не более. И вдруг полушепотом до меня прорывается писк, что они живы, кончились батареи. Где, какое место? Они говорят, пусть замкомандира 265-го полка, он знает место, там, где мы были, оставит там батареи. Вылезли, оставили батареи, разведчики прислали группу, взяли батареи, и разведбат опять ожил. И когда дошла очередь до Дворца, у меня состоялся разговор с Масхадовым. Я говорю: «Ты понимаешь, что тебе конец? Смотри, я тебе как командиру говорю, я перекрыл тебе все. Мы почти соединились с Западом. «Кавказ» и Совмин в моих руках, мост перекрыт. Осталось 100 метров. На юге сосед перекроет, и ты не уйдешь. Не уйдет ни один». Он в истерике разорался. Говорю: «У тебя нет боеприпасов». — «У меня все есть…». — «Я же слушаю твои разговоры, и знаю, какая у тебя ситуация».

Утром должен быть штурм Дворца. Мне сверху предлагают: «Давай нанесем авиационный удар». Говорю: «Вы уже один раз нанесли, хватит!»— «Тогда давай расстреляем из танков». Я говорю: «Вы представляете что предлагаете? Я стреляю по той половине, а те по мне». — «Что ты предлагаешь?» — «Отдайте, — говорю, — мне. Я дворец возьму разведчиками». Я послал туда и впрямь разведчиков. Во Дворце были один или пара снайперов типа камикадзе — их снесли «Шилки». И Дворец взяли без боя.

Решался вопрос, кому повесить флаг? Но ввиду того, что там был рядом командир 625-го полка, я ему говорю: кого направишь, те пусть и вешают. Все это закончилось довольно прозаически. За исключением единственного — у нас были проблемы с флагом. Мы приготовили флаг, послали, а его затеряли. Начали искать другой. И это только около двух часов у нас шла ситуация — где взять флаг, чтобы повесить?

В ходе этих боевых действий был перехват переговоров, в том числе Басаева. Мы его задавили огнем, не давая пошевелиться. Он был где-то возле исторического музея. И мы перехватываем разговор, что море раненых, море убитых, и что, по всей видимости, это первый их бой, где они проиграли. Ну, мы не стали разъяснять им, что будет и второй, и третий. Так потом и

получилось. Но эпопея с захватом Дворца закончилась примерно вот так.

Несколько по-иному было освобождение города. Они отошли и объявили, что второй их рубеж за Сунжей — Минутка. Здесь что интересно. Я сымитировал, что будто бы поведу наступление на Минутку. Дошли до трампарка, захватили рубеж. А я принял решение: ни в коем случае не допуская потери своих, имитируя, что мы постоянно готовимся идти вперед, заставить их вытянуть все свои силы, пытаться сопротивляться и просто все эти силы перемолоть. Когда мы, по сути дела, измотали их, то в ночь пошли на захват Минутки. И не потеряли ни одного человека. Позиции были взяты без потерь.

По сути этим закончилась эпопея Грозного. Они Грозный сдали.

На момент, когда мой сводный отряд остался в центре города один, вокруг него и во Дворце было около 6000 тысяч человек. Если считать, что у меня на переднем крае находилось около 600, а в общей сложности — около тысячи, то было десятикратное превосходство над нами. И мне больно, что, когда Грозный был в наших руках, когда уже было наше превосходство, когда были созданы базовые опорные пункты, Грозный сдали ни за что. Это говорит, что мало иметь войска, мало иметь захваченный город, а нужна еще голова удержать его. Предательство армии было со всех сторон, по всем направлениям. Я не испытал на себе этого со стороны СМИ. Со средствами массовой информации я общался абсолютно открыто, ничего не прятал, давал возможность побывать в любом уголке моих воинских частей. Но то, что после моего ухода из Грозного начались исключительные нападки на армию, что мы не знаем ни одного солдата-героя, а их очень много, которые погибли, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, это прискорбно.

Самым было бы верным вообще не проводить военной операции. Без сомнения. Но если уж случилось так, что дело дошло до войны, начинать войну при том положении дел, которое существовало, было невозможно.

Первое— не существовало никакой разведки. Мы не знали истинного положения. Вот у нас и ГРУ есть, и СВР есть, и КГБ есть, но все они до такой степени были разрушены, что Россия не знала истинного положения дел в Чечне.

Второе. Армия была уничтожена. Годами в полках было по 5—10 человек. И офицеры занимались разгрузкой вагонов, службой в карауле, охраной складов. Армия была крайне унижена. То есть армия была неспособна выполнять какие-либо задачи.

Третье. Операция не готовилась. Все шло спонтанно. Давай выведем на границу Чечни, авось испугаются. Давай выведем к Грозному, авось напугаем. Вывели к Грозному, а что делать дальше? Давай наступать. Когда? Да завтра день рождения у министра, давай мы ему сделаем подарок. И то, что решения были приняты бестолково, непродуманно, и говорит гибель 81-го полка и 131-й бригады. То есть на авось, на дурака, тяп-ляп… Все это, конечно, тяп-ляп и кончилось.

Уничтожение Дудаева — это единственная удачная операция наших спецслужб.

Спрашивают, за что солдаты воевали в 94 — 96-е годы? Мое мнение — за интересы мафии. С Дудаевым можно было договориться без проблем. Предложить ему те же условия, как и Татарстану в то время, и, вне всякого сомнения, войны не было бы. А Чечня была бы одним из преданных вассалов России. До последнего момента через Чечню лилась нефть, а нам объясняли, что нельзя остановить поток, иначе качалки пересохнут. Прекратили, не пересохли, и можно, оказывается, решать все вопросы. Через Чечню прогонялось огромное количество нефти якобы на нужды суверенной республики, а потом она расползалась за границу и получались огромные деньги. Называют цифры и в 5 миллиардов долларов на тот срок, пока был Дудаев. Дудаев окреп, ему надоело делиться. И то, что надоело делиться, это и явилось одним из главных мотивов. А дальше продолжалось постоянное предательство. И жизнь солдат, жизнь мирных жителей была разменной монетой тех огромных взяток и денег, которые получались.

Возможно, не прав Лебедь, но он обвинил Березовского в том, что тот его упрекнул, мол, зачем ты прекратил боевые действия, мы так могли бы там еще поработать и поднажиться на этой войне. Поэтому повторяю — кровь была пролита за мафию.

Армия сейчас такова, что в ней служат только изгои, которые не могут откупиться или поступить в высшее учебное заведение. В войне в Чечне не воевал ни один сын руководителя из аппарата президента. Ни одного сына более-менее высокого клерка из правительства.

О роли министра обороны Павла Грачева.

Первое. Грачев довел армию до такого состояния, что она была не готова и не способна к выполнению задач.

Второе. В его распоряжении — ГРУ и другие виды разведок, а он не добился знания истинного положения дел.

Третье. При его попустительстве была осуществлена передача техники Чечне, а офицеры Кантемировской дивизии приняли участие в перевороте на стороне оппозиции Дудаева. При полном

нарушении Конституции и закона. Он, не имея в полной мере данных, принимает решение, которое привело к краху. Он активно не участвует в осуществлении этого решения — запил, будем говорить. Он принимает решение собрать неподготовленных пацанов с кораблей в полки, и необученные полки посылает в бой, заваливая пушечным мясом чеченские поселки. Бросил их на смерть. При нем продолжали отправлять вот это пушечное мясо даже после того, как появилась возможность осуществлять доподготовку молодых солдат перед отправкой в Чечню. При нем отсутствовало какое-либо управление боевыми действия в Чечне. Оно велось на крайне низком уровне.

Необходимо срочно изменить положение дел в экономике страны. Это самое главное. Срочно изменить отношение к армии, иметь боеготовые части сил общего назначения. И конечно, не для того, чтобы в очередной раз идти на войну в Чечню, а для того, чтобы все поняли и видели, что решить вопрос военным путем невозможно, но решать эти проблемы экономическими, политическими и национальными рычагами.

P.S. к «Исповеди русского генерала»:

Я много раз смотрел и слушал запись воспоминаний Рохлина о войне в Чечне. Вспоминал, как перед штурмом 31 декабря генерал позвонил жене и только успел сказать «Молитесь за нас!», и тут связь прервалась. Я уже знал, что из 2200 волгоградцев, участвовавших с ним в «разоружении незаконных вооруженных формирований», 1928 солдат и офицеров командиром корпуса были представлены к наградам, но лишь половина получила их. Сам Рохлин от награды Героя России отказался, заявив: «В гражданской войне полководцы не могут снискать славу. Война в Чечне — не слава России, а ее беда». Зато шесть человек из 8-го гвардейского корпуса получат Золотые Звезды. Я знал и то, что съехавшиеся в Волгоград отцы и матери оставшихся в живых подчиненных Рохлина будут встречать эшелоны, стоя на коленях, благодарить Бога, что их детям достался такой командир. Когда в ту страшную новогоднюю ночь «сгорали» полки и бригады, за два дня боев в городе потери корпуса составили 12 убитых и 58 раненых.

Позже я узнаю, как генералы из разведуправления Министерства обороны в личной беседе выскажут упрек: что же ты, Лева, воевал в Грозном одним разведбатом, лучших людей бросал под огонь. И комкор ответит, что еще в Волгограде именно разведбат он готовил к ведению боевых действий в городе, и тот действительно был лучшим из всех подразделений, полностью

соответствуя сложности задач и неся минимальные потери только потому, что умел воевать. Разведбат был обозлен за погибших товарищей в районе Аргуна, стыдился слабости, проявленной после штурма моста, и готов был лезть к черту на рога, чтобы генерал забыл, как ему пришлось под пулями вставать в полный рост, чтобы люди «немного встряхнулись».

Мне не довелось спросить у Рохлина, кто возглавлял то самое подразделение. Значительно позже я выяснил, что командовал тем легендарным 68-м отдельным разведбатом 20-й гвардейской мотострелковой дивизии 8-го армейского корпуса капитан Роман Шадрин, получивший в ходе боев звание майора. Уникальной смелости и военной мудрости человек. В Грозном его подчиненные провели успешную операцию по захвату укрепленного здания главпочтамта. Пробились к президентскому дворцу. Во главе штурмовой группы молодой комбат вышел в тыл к боевикам, оборонявшим бывшее здание обкома в районе гостиницы «Кавказ», двое суток был в окружении, без связи с Рохлиным, отбил десятки атак, но обеспечил взятие основными силами тактически важного здания обкома. С двадцатью семью разведчиками Шадрин выбил врагов из краеведческого музея и закрепился там. Было отражено одиннадцать атак, несколько раз сходились в рукопашном бою, а потом умелыми действиями подразделения офицер обеспечил взятие федералами гостиницы «Кавказ». С декабря 1994 года по февраль 1995-го батальон провел одиннадцать крупных операций, потеряв в жесточайших боях трех офицеров, одного прапорщика, одиннадцать сержантов, два человека пропали без вести. По представлению Льва Рохлина 1 декабря 1995 года майору было присвоено звания Героя России. Второй раз Шадрин воевал в Чечне в должности командира полка. Мне стало известно, что сейчас Роман Шадрин уже генерал.

А еще мне известно, как все, абсолютно все солдаты и офицеры за глаза, после Чечни, будут называть Рохлина батей или просто папой. «Папа приказал…», «Если папа сказал…», «Да мы за батю…». Вот такие слова. Вот такая слава.

Рохлин не забудет своих погибших солдат и офицеров. Ничего не забудет и из этой кровавой кампании, проведенной начальниками «на дурака» и «тяп-ляп». Он припомнит гибель личного состава 131-й отдельной мотострелковой бригады и 81-го полка, когда станет председателем Комитета Государственной думы по обороне и направит материалы дела в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. За преступления, за кровь молодых и необученных солдат виновные должны ответить. Так он считал.

КАВКАЗ — ЭПИЦЕНТР ИНТЕРЕСОВ

Как видим, взгляд генерала на чеченскую войну был жесткий, однозначный и, наверное, объективный, хотя многие участники тех событий могли бы с Рохлиным в чем-то не согласиться. Однако жизнь многогранна, а время иногда открывает новые факты, которые позволяют нам увидеть ранее скрытые детали масштабной панорамы истории. В связи с этим представляется интересным свидетельство признанного ученого в области фундаментальных и военно-прикладных наук, доктора технических наук, профессора, ректора Балтийского государственного технического университета «Военмех» (1987–2002 гг.), депутата Государственной думы РФ (2004–2007 гг.) Юрия Петровича Савельева:

— Как-то мне довелось со Львом Яковлевичем поговорить обстоятельно о последней войне, в которой он участвовал, и Рохлин рассказал, как в первые же дни пребывания под Грозным разведка установила, что воевать придется не с бандформированиями, а с обученными и хорошо вооруженными воинскими частями, включающими в себя, помимо горно-стрелковых бригад и подготовленных иностранными специалистами мусульманских полков, также танковый, артиллерийский и зенитно-артиллерийский полки, два авиационных полка и подразделения специального назначения.

Позднее я по различным источникам установил примерный объем вооружений настоящей армии Д. Дудаева. По самым скромным подсчетам, против Рохлина и полков МВД было выставлено свыше 40 танков Т-62 и Т-72, более 50 БМП, около 150 различных артсистем, в том числе два десятка установок «Град», системы ПВО «Шилка», ЗСУ-2Э и другие. Особую опасность представляли специальные истребительные бригады, оснащенные противотанковыми системами и системами РПО «Шмель», включая их зажигательные варианты. Уже в первые дни пребывания в районе Грозного Рохлину стало понятно, что чеченское руководство фактически поддерживается федеральным центром. Это было видно и по тому, сколько оружия оказалось в руках боевиков, и по тому, как из Москвы управляли нашими войсками. Из его слов выходило: если хочешь побеждать, то действуй самостоятельно, без оглядки на засевших в тылу многочисленных военных и гражданских чиновников. Собственно, именно он так и поступал. В результате и Дворец Дудаева взял, и людей в его корпусе погибло на несколько порядков меньше, чем в других соединениях.

В свою очередь, я поделился с ним одним из поразивших меня фактов. Летом 1994 года мне довелось участвовать в конференции по торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и США в американском городе Денвере. В числе выступавших оказался заместитель главы ЦРУ. Он делал доклад о позиции США по вопросу освоения нефтяного прикаспийского шельфа и транспортировки «черного золота» из этого района в Турцию и черноморский регион. Один из присутствовавших на конференции задал вопрос о возможности переправки нефти через Чечню при наличии в этом районе военной напряженности. Представитель ЦРУ немедленно и без сомнения ответил: «Да, мы изучали это, знаем проблему и в самые ближайшие месяцы ее решим так, как это будет целесообразно в интересах США». Меня потряс цинизм американца. Но я еще больше был потрясен, когда уже через два-три месяца начались вооруженные столкновения в Чечне.

Я спросил Рохлина, не удавалось ли ему сталкиваться с присутствием зарубежных военных специалистов в ходе военной кампании в Чечне? Генерал ответил утвердительно, но добавил, что, по его сведениям, никому из тех, кто попадался с оружием в руках, не удавалось вернуться домой.

Рохлин высказал поразившую меня тогда мысль об истинных причинах вдруг возникшей войны между федеральным центром и чеченским руководством, помимо очевидного подстрекательства США, о котором я упомянул. Дело в том, что руководитель Чечни Д. Дудаев публично высказывал недовольство искусственным развалом Союза и нелигитимностью президентской власти в России. Он считал, что СССР должен быть скорейшим образом восстановлен, а инициаторами такого восстановления могут выступить народы Кавказа, и даже предпринимал конкретные шаги по инициативным встречам с руководителями других кавказских республик. Впоследствии эту информацию Рохлина мне подтвердил в частной беседе один из известных в Питере журналистов, проведший всю первую чеченскую кампанию в штаб-квартире Дудаева.

Я вполне разделяю точку зрения, что отделение Чечни с точки зрения руководства «новой» России было бы вполне приемлемым по сравнению с опасностью восстановления СССР кавказскими народами.

В ПОЛИТИКУ!

Политическое руководство страны и российское военное командование как в мирное время, так и в ходе «контртеррористической» операции странным образом все делали во вред армии, да и государству в целом. Ельцин не принимал у себя в Кремле Дудаева, тем самым давая понять, что не признает президента Ичкерии. В ответ глава Чечни нарочито демонстрировал свою независимость от России: бесконтрольно добывал нефть, торговал ею и быстро сконцентрировал у себя огромные финансовые средства. Практически в это же время происходит невообразимое — министр обороны, выведя с территории республики воинские соединения, арсеналы с оружием передал в ведение местных военачальников. И хотя, по словам Главной военной прокуратуры, все приказы подписаны командующим Северо-Кавказского военного округа, без Грачева склады попасть в руки сепаратистов явно не могли. Не сам же Ельцин скомандовал вооружить чеченцев? Так или иначе, а для полномасштабного конфликта в этот момент не хватало самой малости — провокации. И она не заставила себя ждать. Тот же Грачев, собирающийся в Грозном наводить порядок одним парашютно-десантным полком, тем не менее на штурм города бросил «добровольцев», наспех собранных в гвардейской танковой Кантемировской дивизии. Итак, порох рассыпан, фитиль зажжен — страна мгновенно вспыхнула гражданской войной.

Не лучше велась и вся кампания по уничтожению бандформирований. Против хорошо вооруженных боевиков, многие из которых имели опыт ведения войны, были брошены необстрелянные мальчишки, попавшие в Чечню напрямую из военкоматов. Долгое время у армейской группировки не было единого руководства. Командовать брались то министр обороны, то начальник Генерального штаба, то назначали кого-то из генералов, как правило, не обладавших ни опытом, ни необходимыми качествами. Всеобщая неразбериха, отсутствие согласованности действий армии и Внутренних войск привели к трагическим ошибкам, которые повлекли большие потери личного состава.

Как мы знаем, особенно «не повезло» армии с «лучшим министром обороны» Грачевым. Имея опыт командования полком в Афганистане, он, к сожалению, за мирное время растерял тактическое и стратегическое мышление, а возня возле Ельцина и желание «прописаться» в «семье» президента сделали из него политика «чего изволите?». Оттого он все время принимал

решения с оглядкой на Кремль. Чтобы больше понравиться Ельцину, предпринял сумасбродную попытку танковой атаки на Грозный. Потом в честь собственного дня рождения без подготовки и тщательного планирования кинул войска штурмовать набитый боевиками город. Потерпев серьезное поражение по всем направлениям, кроме того, где действовал корпус Рохлина, запил. Когда же волгоградцы очистили центр Грозного, захватили Дворец Дудаева, взяли ключевую в стратегическом плане площадь Минутку и оттеснили бандформирования на окраину населенного пункта, министр очухался и дал пресс-конференцию. На ней он неожиданно заявил: «Операция по взятию города была спланирована внезапно и проведена с наименьшими потерями… А потери пошли, тут я вам честно хочу сказать, по рассеянности некоторых командиров нижнего звена, которые почувствовали легкую победу и просто-напросто расслабились». Кто знал ситуацию, слушал его, сжимая кулаки.

Надо сказать, предательство было повсюду. Информация из Кремля, Министерства обороны, Генерального штаба и штаба округа утекала со свистом. Тот же Грачев жаловался, что стоит у Ельцина получить задачу, как о ней уже знает чеченская сторона. Тайно вылетал в Грозный, а на аэродроме его выстраивались встречать не только подчиненные, но и зенитчики бандформирований. Дошло до того, что министру приходилось имитировать собственный отлет с аэродрома «Северный» — когда самолет совершил все рулежки и остановился перед началом разбега, генерал выпрыгнул на бетонку и «огородами» добрался на командный пункт.

Кавказскую войну в прессе открыто называли позором армии. Госпитали были забиты ранеными. Российские города, села и деревни, получая запаянные гробы, выли от горя, а Грачев, красуясь перед журналистами, сообщал: «Наши мальчики умирали с улыбкой на устах». Оправдания национальной трагедии не было. Осознавая, что страна попала в капкан, Кремль судорожно искал выход. Как всегда не там, где он находился. Вместо того, чтобы силой раз и навсегда подавить бесчинствующих сепаратистов и съехавшихся со всего мира головорезов, власть то и дело имитировала стремление к мирным переговорам. Военные стали заложниками бестолковой политики и продажных чиновников.

На фоне этой вакханалии, этого политического бардака образ Рохлина проступал светлым пятном. Страна с извращенными моральными ценностями, когда все по именам знают звезд российской эстрады и клички их любимых собак, кто, когда и с

кем спал, неожиданно начинает повторять фамилию генерала, обеспечившего взятие города Грозного. Журналисты, побывав в успешно воюющем корпусе, наперебой рассказывали о героизме и мужестве его солдат и офицеров, решивших исход операции по захвату столицы мятежной Ичкерии. Помимо воли военного руководства, имя ком-кора набирало звучание, его авторитет взлетал на высоту. Страна увидела — даже в этой непопулярной войне есть герои, которые спасли поруганную честь нации.

Осознавал ли генерал, что стал символом непобежденного русского воинского духа? Я об этом его не спрашивал. И язык бы, конечно, не повернулся, потому что Льву Яковлевичу чуждо было рассуждать о высоких материях, тем более говорить о себе в превосходной степени.

— Вернулись в Волгоград мы в феврале 95-го, — рассказывал Рохлин. — Много раненых. Куча проблем с семьями погибших. У них жены, дети, а кормильца нет. От всего этого не отмахнешься. Это первое. Потом награжденные. Мы представили людей к Героям, к орденам, медалям, а Москва не торопится присваивать. Чиновники… Пришлось самому ехать, разбираться, рычать на всех. Ну и третье. Из Чечни я вынес собственное видение войны и мира. Подготовил документ — выводы, обоснования, рекомендации по выполнению боевых задач с учетом местности и национальных особенностей населения. Условия ведения переговоров и заключения мира. Если бы тогда прислушались ко мне, то такого позорного соглашения, которое потом подписал Александр Иванович Лебедь, не было бы. Россию в очередной раз унизили.

Рохлина с его аналитической справкой в Министерстве обороны и Генеральном штабе выслушали, давая понять, что и здесь «таких умных» пруд пруди. Словом, в родном отечестве пророка нет. Плюнув на все, генерал вернулся в Волгоград и стал готовить корпус к новой отправке в Чечню. Он понимал, что в Вооруженных Силах на сегодняшний день таких боеспособных и познавших вкус победы военных формирований, как его корпус, больше нет. А значит, после небольшой передышки гвардейцы вновь окажутся на войне.

И тут его вызвали в Москву. В стране замаячили выборы в Государственную думу второго созыва. Разобравшись, что его прочат третьим по списку в блок «Наш дом — Россия» (НДР), генерал быстро смекнул, что на его популярности хотят завоевать голоса электората, и решил не продешевить. Корпусу требовались перевооружение, жилье, ремонт и строительство казарм, зависшие в коридорах власти награды… Торг прошел успешно— Виктор Черномырдин пообещал исполнить все, лишь бы генерал

вошел в первую тройку федерального списка. Так Рохлин оказался в политике.

Вспоминает Игорь Николаевич Родионов, экс-министр обороны, генерал армии:

— Встал вопрос о присвоении Рохлину Героя России. Лев Яковлевич позвонил мне в Москву и сказал, что от Золотой Звезды откажется, что генералы в этой войне не заслуживают наград, настоящие герои — солдаты и офицеры, которые своими жизнями расхлебывают ошибки и предательство политиков.

Когда Черномырдин стал собирать команду на выборы в Госдуму, сразу вспомнил о Рохлине — им нужны были герои. Глава правительства, пообещав, что построит несколько домов для бесквартирных офицеров волгоградского корпуса, тем самым заманил командира корпуса в списки НДР. Но обманул и ничего не выполнил. Рохлин впоследствии во всех разуверился, из пропрезидентской фракции вышел и ни к кому не примкнул. Стал создавать свое политическое движение.

Уже в сентябре, после съезда, на котором Рохлина утвердили кандидатом в депутаты Государственной думы от НДР, Лев Яковлевич отвечал на вопросы московских журналистов. Они откровенно посмеивались над угловатыми повадками генерала, еще недавно личным примером поднимавшего в бой необстрелянных солдат, привыкали к его своеобразному выговору. Но Рохлин подкупал своим героическим прошлым, открытостью и откровенностью суждений. Он напрямую заявил, что его место не в Думе. «Я должен, я умею командовать. Это не хвастовство. Меня представляли к Герою Советского Союза в Афганистане за то, что я умею командовать. Я прекрасно справлялся с задачами в Закавказье по той причине, что я умею командовать… Я считаю, что я принесу большую пользу Родине хотя бы на Северном Кавказе».

Из этого было понятно, что в коридорах власти задерживаться он не собирается. Вот развяжет чеченский узел, поддержит упавший авторитет армии, заставит власть пересмотреть свое отношение к обороноспособности страны— и назад, в свой корпус. Журналисты только дивились его политической наивности. Перечисленные задачи, которые он ставил перед собой, тянули лет на сто и быстрого решения не подразумевали.

ЗНАКОМСТВО С ИЛЮХИНЫМ

Из воспоминаний Виктора Ивановича Илюхина, депутата ГД первых пяти созывов:

— Прошли выборы в Государственную думу второго созыва. Это был декабрь 1995 года. Пятипроцентный барьер уверенно преодолели блок «Наш дом — Россия» во главе с председателем ельцинского правительства В. Черномырдиным, Компартия, со значительным отставанием прошли ЛДПР и «Яблоко» Г. Явлинского. В январе депутаты собрались на первую сессию. Как обычно, началось формирование комитетов, распределение должностей. Я продолжил возглавлять Комитет по безопасности.

А вот председателем Комитета по обороне стал Лев Рохлин. В НДР он шел по списку третьим, и фактически избирательная кампания ельцинистов во многом строилась на имени генерала, прославившего себя в боях за Грозный. Поэтому, когда спустя месяц-полтора после начала работы Госдумы ко мне в кабинет зашел Лев Яковлевич, я его встретил с определенной настороженностью. Но стоило с ним поговорить десять минут, как я понял, какой это замечательный человек. Бесспорно, он подкупал открытой улыбкой, какой-то даже крестьянской простотой разговора и образностью выражать свои мысли. А главное, стало ясно, что этот военный человек, герой войны — настоящий патриот. Он сильно переживал за состояние армии, клял верховную власть за развязанную гражданскую войну и несанкционированную передачу огромных партий вооружения чеченским сепаратистам. Через час мы с ним уже говорили на одном языке и строили планы о согласованной работе двух комитетов — по обороне и безопасности.

Засиделись у меня в кабинете допоздна. И настал момент, когда я посчитал для себя возможным задать ему вопрос, что называется, в лоб:

— Скажи, дорогой Лев Яковлевич, как же тебя угораздило оказаться в НДР? Там ведь как раз те люди, которые разваливают страну и твои Вооруженные Силы, кто вначале вооружил чеченцев, а потом бросил туда необстрелянных юнцов на пушечное мясо. Ты что, не разобрался в этом?

Лев Яковлевич улыбнулся, но улыбка эта была недоброй. Позже я часто замечал такую улыбку на его лице — вот уж точно настоящий лев! У его врагов, мне кажется, она, должно быть, вызывала мороз по коже, гасила волю к сопротивлению, отбивала всякое желание спорить. Вот если кто-то не знает, что означает понятие «харизма», то стоило увидеть Рохлина в момент его

душевного напряжения… Завораживающее зрелище…

— Угораздило, говорите, — переспросил меня Рохлин. — Слово «угораздило» подразумевает случайность. А я пришел сюда с другой целью. Вам, наверное, известно, что мне пришлось хлебнуть в Чечне. Я брал Грозный, брал Дворец Дудаева. Но такой бестолковщины нигде не встречал. Грачев, конечно, не полководец совершенно— штурмовать город в честь своего дня рождения — додуматься надо! Людей и технику бросали, как сухие дрова в топку. Задачу мы выполнили, но какой ценой!

— У вас же было немного потерь.

— У меня меньше, чем у других, но, к сожалению, люди тоже гибли, было много раненых. И когда мой 8-й гвардейский армейский корпус обескровел, нас вернули в Волгоград зализывать раны. Я понял, вывели ненадолго. Мы получили опыт военных действий, почувствовали в отличие от многих вкус победы, потери нас не выбили из седла, люди рвались в бой отомстить за своих друзей. Это и министерство поняло. Поэтому я считал, что сейчас добавят личного состава до штатной численности, отремонтируем технику, и корпус опять пойдет в бой. Моя задача была — успеть привести части в боевое состояние, «натаскать» молодняк, выбить новое вооружение, пополнить боезапасы. А тыловики и вооруженцы все тянули, тянули время. Чувствую, придется в Чечню возвращаться, с чем есть…

— А «Наш дом — Россия» при чем?

— Да вот при том. Пока мы воевали, у вас тут выборы затеялись. Меня к себе Черномырдин вызывает, говорит, ты хорошо проявил себя на войне, мы тебе Героя дадим и пойдешь во главе списка в Госдуму. Я ни в какую, у меня же за спиной корпус «голый», уйду на выборы, кто их вооружит, укомплектует, обучит? Виктор Степанович опять за свое, мол, завтра Героя на тебя Ельцин подпишет, а корпус подождет, никуда не денется. Вот тогда я и смекнул, что под это дело я могу условия ставить, видать, сильно я им нужен был.

— И какие же вы им условия поставили?

— Чтобы боевые машины пехоты и танки дали новые, а не с ремзавода. Чтобы пустые склады артвооружения пополнили. Чтобы корпус с призванным молодняком в «командировку» на Кавказ не направляли минимум полгода — их подучить надо. Квартиры вдовам офицеров и прапорщиков, пенсии их семьям без промедления. И последнее условие — Героя России не присваивать. Я же понимаю, им это для выборов надо, а какие могут быть Герои в гражданской войне? Это просто аморально, разве не так?

Слушал я генерала — и все больше проникался к нему теплыми чувствами. Надо же, среди карьеристов, чиновников и богатеев, которыми была наполнена фракция НДР, оказался вот такой «расчетливый» генерал-лейтенант с тяжелой судьбой военного человека.

Меня удивило, сколько у нас с ним было общего. Он воевал или стоял на линии огня во многих «горячих точках», там, куда я сам со следственными бригадами выезжал в командировки по поручению Прокуратуры Союза, — в Грузию, в Армению, в Азербайджан. По службе Рохлин тесно пересекался с генералами И. Родионовым и А. Макашовым, с которыми меня связывали добрые отношения. Даже в семьях нас постигла одна беда — сыновья одного возраста болели тяжелой неизлечимой болезнью. Как я его понимал! Наверное, как никто другой.

— А теперь что? — спросил его я. — Восстановишь корпус и опять в бой?

Рохлин задумался. На столе стояла бутылка коньяка, но спиртное не шло. Пили зеленый чай. Он подошел к окну, за которым из-за громады гостиницы «Москва» виднелся Кремль, и сказал:

— Вот вы, Виктор Иванович, на девятом этаже, мой кабинет — на десятом, прямо над вами. Отсюда, сверху, открывается не только красивая панорама Москвы. Отсюда ой как далеко видно. Куда как больше, чем из окна командира армейского корпуса. Вот я и посмотрел внимательно. Ко мне поступают такие документы, что за голову хватаешься. Я думал, что у нас дела плохие с Вооруженными Силами, а оказывается, все намного хуже. Просто катастрофа. И вот этот Кремль, этот президент, вся эта камарилья ставят страну на колени. Ясно, Россия погибнет, если за нее не бороться. С такими армией и флотом нас голыми руками могут взять. Поэтому придется, уважаемый Виктор Иванович, здесь задержаться.

На этом разговор закончили, разошлись по домам уже ночью. И с тех пор мы как-то потянулись друг к другу. Да и в работе действовали согласованно. Очень часто вели расследование одного дела с двух направлений, каждый со своей стороны. Например, как так оказалось, что при выводе войск на территории Чечни осталось столько автоматов, пулеметов, гранатометов, БМП, танков и даже самолетов, что можно было спокойно вооружить три-четыре дивизии? Каким образом Россия передала Армении массу оружия и боеприпасов в то время, когда республика активно конфликтовала с Азербайджаном? А чего стоило расследование по урановой сделке Гор — Черномырдин? Все это — истории большого предательства на государственном

уровне. Погибли десятки тысяч людей в гражданской войне, в различных межнациональных конфликтах. Миллиарды долларов растворились на счетах чиновников, причинив огромный финансовый и нравственный ущерб нашей стране, намеренно сделаны огромные бреши в системе безопасности и обороноспособности государства. Касаться этих тем было смертельно опасно, а Лев Рохлин не то что касался, а предметно исследовал их. Встречался с людьми, выезжал в «горячие точки», чтобы проследить пути переброски оружия, боеприпасов и топлива, докладывал об этом с трибуны Госдумы. Вместе мы готовили депутатские запросы в ФСБ, Прокуратуру, МВД, в Совет безопасности, в Министерство иностранных дел, в Администрацию президента и даже за границу.

Рохлин стал для меня не просто коллегой по депутатскому корпусу, не просто другом, с которым я разделил ответственность за выступления против правящего режима созданного им Движения в поддержку армии. Он был мне как брат, на которого я всегда мог положиться и за которого был сам готов идти в огонь и в воду.

ОТ СЛОВ — К ДЕЛУ

Когда Рохлин на своей первой пресс-конференции говорил, что постарается быстро изменить ситуацию в Вооруженных Силах и на Кавказе, он не лукавил. Возглавив Комитет по обороне, он развил удивительную активность. Организовал поездку большой группы депутатов в кавказский регион. Они проехали сотни километров, изучали ситуацию в Дагестане, побывали на границе России. Через какое-то время генерал полетел в Лондон, где обсуждались вопросы продвижения НАТО на Восток. Эти командировки многое открыли Рохлину. Когда Госдума стала рассматривать бюджет страны на очередной год, председатель Комитета убедил депутатов обратиться к президенту и правительству с предложением отложить планирование средств для военного ведомства до того, пока не будет выработана приемлемая концепция военного строительства, создан единый орган руководства силовыми структурами и определен их круг обязанностей.

Рохлин заставил аппарат Комитета работать так, как он привык это делать в войсках. Кто-то не выдержал и ушел, кого-то он заменил сам. Так или иначе, тема «самодура» спонтанно возникла теперь здесь, на Охотном ряду. Тем не менее, Комитет начал рождать идеи, вникать в смежную проблематику международных и национальных отношений, в экономику и производство, вести чуждые прежде расследования по незаконной продаже оружия, искать, куда уходят отпущенные на оборону средства. У финансовых кланов, которые, казалось бы, давно в Кремле все «утрясли», возникла опасность, что «окопный» генерал обнаружит и предаст огласке их теневые операции.

Ряд министерств, среди которых не только Министерство обороны, сильно напряглись и начали вести привычную для себя закулисную войну. Ельцину нашептывали на ухо, а потом уже говорили во весь голос, что Рохлин, критикуя внутреннюю политику государства по целому ряду ключевых направлений, дискредитирует президента и его команду. Председателя Комитета даже предупредили, чтобы он не лез не в свое дело, а занимался «солдатами, портянками, социалкой и дальше казармы нос не совал».

— В Думе я чувствую себя диким колхозником, который пришел сюда с ломом в руках. А вокруг— испытанные в различных политических баталиях люди. Во многих вопросах я задеваю интересы слишком больших игроков, всегда наступаю на чьи-то больные мозоли, — позже рассказывал журналистам Лев

Яковлевич. — Кто же виноват, что любая проблема, связанная с войной и миром, касается большого комплекса тем? И если я готовил доклад «О ситуации на Северном Кавказе», то мне пришлось «есть хлеб» многих министерств — иностранных дел, по труду и социальной политике, естественно, обороны, экономики, финансов, залазить в епархию МВД, МЧС, говорить о недальновидной работе администрации президента и правительства в целом. Понимаю, кому-то это не понравилось, но в интересах дела надо жертвовать авторитетами.

Да, Рохлин политиком на первых порах не был. Генерал и в Госдуме оставался генералом. Был порою прям до грубости, откровенен до дерзости, а когда намеренно «закруглял» в выступлениях наиболее острые углы, они от этого углами быть они не переставали.

Взять, к примеру, его известное выступление по Северному Кавказу — оно представлено в Приложении к этой книге. Прошло полтора десятка лет с момента его обнародования, а оно, по сути, актуально и ныне. Не занятое население в Чечне и Дагестане остается источником криминала и бандитизма, нищета, социальная незащищенность гонят людей с нажитых мест в соседние регионы, где их никто не ждет. Возникают новые очаги напряженности. И Рохлин показывает федеральному центру пути разрешения проблем. Фактически он требует на территориях, где сам недавно воевал, восстанавливать и строить новые заводы, дороги, порты, проводить линии электропередачи, заниматься социальными вопросами.

Школы, больницы, жилье, по его разумению, должны поднять уровень жизни, заставить население перейти к мирному и созидательному труду. Вот о чем думает председатель Комитета Госдумы по обороне. А ему говорят — твой удел портянки и казармы… Так вам хотелось, господа, отвести взгляд генерала от проблем, на которых вы наживались.

Почему генерал одно из первых своих серьезных политических выступлений в Госдуме посвятил ситуации на Северном Кавказе? Оно ведь состоялось фактически спустя четыре месяца после его назначения на должность председателя Комитета. Да потому, что Кавказ, Чечня, эта бестолковая кровопролитная бойня, в которой он участвовал, были слишком свежи в его памяти. Но он думал не об отмщении главарям бандформирований, которые положили столько молодых жизней русских солдат, а о том, как любой ценой развести стороны. Ведь президент, министр обороны все время говорили о реванше, фактически планировали войну до победного конца, а генерал, в отличие от них, понимал, что победителями здесь никто и

никогда не станет. Мясорубка будет бесконечно перемалывать и тех, и других, пока у Кремля и полевых командиров не останется, кого посылать на закланье.

Питал ли он ненависть к чеченскому генералу Дудаеву? Или Басаеву, которого под пулями и снарядами гнал по минному полю? К Масхадову, с кем переговаривался перед взятием Дворца по рации? Мне как-то довелось его об этом спросить.

— Ив Чечне, и в Афганистане, везде все, против кого я воевал, были для меня врагами, — говорил Рохлин. — Для меня враг мог быть умным, хитрым, подлым, каким, собственно, враг и должен быть. Раз он убивает моих солдат или мирных жителей, то сам должен быть уничтожен. Это бесспорно. Но вот ненависть, настоящая ненависть, у меня появлялась не к тем, кто был на вражеской стороне, а к тем, кто погнал солдат и офицеров на гибель, зная, что они погибнут. Разве Ельцин, как бы он там высоко не сидел, не осознавал, что его развалившаяся армия воевать не способна? И тем более наш генералитет, который ему поддакивал и заглядывал в рот, стараясь понравиться, — они не знали, чем кончится эта авантюра? Когда сплошь и рядом продавали военные планы, замыслы операций, маршруты передвижения войск, когда там, где намечался успех, тотчас поступала команда остановиться, начать переговоры или отвести части назад. Когда в Новый год бросили технику в Грозный и фактически спалили 131-ю бригаду и 81-й полк. А потом, уже в апреле 1996-го года из-за таких же вот горе-военачальников положили несколько десятков солдат и офицеров 245-го мотострелкового полка. Кто-то за эти преступления у нас был наказан? Вот против кого у меня ненависть…

МЕСТЬ ЗА ПОГИБШИХ СОЛДАТ

245-й мотострелковый полк… Весть о трагедии, случившейся с ним, пришла в то время, когда Рохлин только что сделал в Госдуме доклад о ситуации на Северном Кавказе и предлагал меры для достижения спасительного для воюющих сторон мира. Генерал тяжело переживал столь серьезные для федералов потери. Он не хватался за телефон и не требовал отмщения, не бегал по кабинету, не стучал кулаками по столу, не раздавал интервью, обещая, что главари банд будут найдены и уничтожены. Внешне выглядело так, словно его тело налилось свинцом. И взгляд его стал так же тяжел. Сотрудники Комитета боялись без нужды попадаться ему на глаза. Вызывал людей сам, коротко ставил задачи и тут же назначал время для доклада о выполнении. Структурное подразделение Госдумы превратилось в круглосуточно работающий штаб. И уже через десять дней Рохлин вышел на трибуну с докладом «О гибели военнослужащих 245-го мотострелкового полка в Чеченской Республике 16 апреля 1996 года». В нем он не пощадил ни политическое, ни военное руководство страны. Наверное, подобное в парламенте происходило впервые — депутат из первой тройки федерального списка пропрезидентского избирательного блока «Наш дом — Россия» открыто выступал против кремлевских обитателей.

Если говорить откровенно, то и мне, и многим другим было удивительно, что Рохлин, попавший в политику в общем-то случайно, неожиданно для всех оказался очень глубоким и компетентным человеком не только в области ведения боевых действий, оценки военно-политической обстановки и всего того, что касалось Вооруженных Сил. Вдруг выявилось, что он обладает государственным мировоззрением, способен мыслить широко и перспективно, в частном, как в капле воды, видеть море проблем, обобщив которые, он делал точные и далеко идущие выводы. Казалось, тот же 245 МСП и его трагедия для многих стала лишь поводом лишний раз обругать командиров и коварных чеченцев. А что в этом разглядел Лев Рохлин?

Вот сам факт — 16 апреля 1996 года близ местечка Ярыш-марды в результате безалаберности, тактической безграмотности, отсутствия взаимодействия, потери бдительности погибло 73 военнослужащих, 52 ранено, уничтожены шесть БМП, один танк, одна БРДМ, 11 автомобилей. А всего полк за время военных действий безвозвратно потерял более 220 человек. И генерал с трибуны заявил, что «такое положение сложилось, прежде всего, из-за недобросовестного выполнения обязанностей руководством

Министерства обороны». Оно, сокращая армию с 3,5 до 1,7 миллиона человек, не оставило в ее составе развернутых по полному штату высоко обученных, материально укомплектованных соединений и частей. Хотя опыт показывает, что наличие 2–3 таких дивизий с самого начала боевых действий могло обеспечить оперативное решение всех военных вопросов в Чечне. Таких дивизий, подчеркнул Рохлин, не оказалось, несмотря на то, что только в Западной группе войск до вывода в Россию их было 18.

Для выхода из создавшегося положения, после неудачи со взятием Грозного руководство Министерства обороны принимает решение срочно развернуть части сокращенного состава и направить их в зону боевых действий. В число таких частей попал и 245-й мотострелковый полк, дислоцирующийся в поселке Мулине под Нижним Новгородом. Получив распоряжение на подготовку к участию в антитеррористических операциях в Чечне, полк в течение 10 дней, с 8 по 18 января 1995 года, развертывается с увеличением списочной численности со 172 до 1700 военнослужащих за счет пополнения призывного контингента из Дальневосточного военного округа и офицеров и прапорщиков из состава армии. Срочным образом пытаются организовать боевое слаживание, но в связи с отсутствием времени это удается сделать лишь на уровне взводов без проведения ротных, батальонных и полковых учений. Кроме того, на должности стрелков, пулеметчиков, гранатометчиков, снайперов пришлось ставить необученных солдат, первоначальная подготовка которых обычно занимает 3—б месяцев, а не отведенные 10 дней.

«Таким образом, уже при убытии в Чечню полк своей неслаженностью, отсутствием тактического мастерства, низкой обученностью личного состава был обречен на потери» — такой вывод сделал Рохлин.

Но только этим он не ограничился. Как генерал с большим боевым опытом, причем опытом успехов и побед, он в простейших примерах, понятных даже любому гражданскому человеку, назвал перечень системных ошибок Министерства обороны при подготовке войск и при ведении операций по уничтожению бандформирований. И то, что офицеры в действующих частях, только-только получив опыт, заменяются на новых, которые ценой жизней солдат заново начинают «учиться воевать». И то, что пополнение взамен выбывших солдат идет прямо из военкоматов, без специальной доподготовки. «Министр обороны забыл о том, как готовились резервы для Афганистана, — подчеркнул депутат, — когда офицеры месяцами занимались в

батальонах офицерского резерва, а солдаты отправлялись в боевые части только после напряженной боевой подготовки в учебных подразделениях в течение не менее четырех месяцев».

И вот еще: «Со стороны руководства армии нет достаточно строгого спроса за потери. Министр обороны опять забыл, как за это спрашивали в Афганистане… Руководство Министерства обороны — редкий гость в Чеченской Республике, а если и появляется там, то не дальше аэропортов «Северный» и «Ханкала», после чего срочно улетает… Такое отношению к делу, когда все государство буквально бьет тревогу по событиям в Чечне, когда решается вопрос будущего страны, конечно, недопустимо».

Руководство страны так же несет свою немалую долю вины, посчитал Рохлин. На четвертый-пятый месяц пребывания в Госдуме, генерал фактически сжигает все мосты, связывающие его с партией власти и президентом. Он заявляет, что именно Кремль «своим невниманием и снижением контроля за силовыми структурами допустил создавшуюся в войсках ситуацию… Не был установлен и контроль за реформой в Вооруженных Силах… И, наконец, самое важное— армия осталась без финансирования. Офицеры месяцами не получают денежное довольствие. Им уже не до боевой подготовки и овладения боевой специальностью. У них стоит вопрос, как выжить. Солдаты недоедают. В войска не поступает нужная техника, без которой не решить на высоком уровне боевые задачи… В Чечне министр обороны и руководство государства стали заложниками отношения к армии и совершенных ими ошибок».

Просто ткнуть виновных в их собственные ошибки, просчеты и недоработки председателю Комитета мало. В этом выступлении, посвященном, казалось бы, причинам больших потерь мотострелков, генерал поднялся над критикой. Его мысль идет дальше, чем у «ручных» силовиков. Рохлин предлагает комплекс первоочередных мер как по коренному изменению ситуации на Кавказе, так и в Вооруженных Силах. Он ставит задачи перед президентом, правительством, Министерством обороны, предлагает внести поправки в Конституцию страны и в ряд профильных законов Российской Федерации. И вновь повторимся — это говорит не умудренный опытом политик, а генерал, который всю жизнь провел в войсках. Но, посвятив себя служению Родине, он увидел и осознал себя в парламенте не в роли статиста, по команде координатора фракции бездумно голосующего за то, что внесла в Думу администрация президента, а в качестве солдата, воюющего за поруганную честь нации, за восстановление славы русского оружия, за укрепление

обороноспособности страны.

Полгода назад он ходил по высоким кабинетам Министерства обороны и Генерального штаба, пытаясь передать военным чинушам свой опыт, изложенный в справке «По организации боевых действий федеральных войск против незаконных вооруженных формирований в Чеченской Республике». Его никто не захотел слушать. Теперь, как потом будет еще много и много раз, он заставит себя слушать. И не только ограниченное число кремлевских и армейских чиновников, которые уже сто раз пожалели, что вытащили легендарного комкора в парламент, а всю страну, граждане которой очень внимательно приглядывались к появившемуся на политическом небосклоне военачальнику, открыто и напористо представляющему их интересы.

У Рохлина болела душа за погибших. Провоевав в общем исчислении шесть лет, он не очерствел, не смирился с неизбежностью потерь, не считал, что «лес рубят— щепки летят». Он всегда помнил о тех ребятах из своего корпуса, кто не вернулся в Волгоград. А упомянутый уже 245-й мотострелковый полк? Или 131-я бригада, которая в кровавую новогоднюю ночь гибла в Грозном неподалеку от рохлинского корпуса. Меньше чем за сутки она потеряла 20 из 26 имевшихся в ее составе танков, 102 из 120 боевых машин пехоты. Было убито 25 офицеров и прапорщиков, 60 солдат и сержантов, без вести пропали 72 военнослужащих. Что значит «без вести»? Завалены рушившимися зданиями, погибли в домах, подвалах, захвачены в плен и где-то расстреляны… В итоге из 446 человек, которые по чьей-то прихоти подставились под гранатометы и ливень огня, полегла почти половина. Остальные получили ранения различной степени тяжести.

Война — это всегда смерти, ранения, кровь… В Чечне за большие потери наших войск даже не искали виновных. Это в советское время в Афганистане Рохлина сняли с должности командира полка за то, что его сводный батальон попал, как позже скажет генерал армии Валентин Варенников, в переделку. Он-то как раз и имел в виду, что тогда потери произошли не по вине Льва Яковлевича, а из-за необдуманного приказа старшего начальника. И в то время в штабе армии настоящих виновных обошли «вниманием», наказав командира.

Рохлин решил изменить систему. В докладе «О гибели военнослужащих 245-го мотострелкового полка в Чеченской Республике 16 апреля 1996 года» он прямо сказал депутатам, что руководство армии за гибель солдат и офицеров ни с кого не спрашивает. Отправляют мальчишек «на пушечное мясо» как в

порядке вещей. До каких пор так будет продолжаться?

Рохлин после доклада направил в Главную военную прокуратуру запрос с требованием дать правовую оценку случившемуся, но получил расплывчатый ответ. Совершенно очевидно, что ГВП не хотела ни в чем обвинять руководство

Министерства обороны. Объяснить это просто — Фемида в погонах напрямую подчинялась Грачеву, из армейского «котелка» черпала денежное довольствие, квартиры и воинские звания. Генерала такое положение вещей не устраивало, и он хотел заставить прокуратуру, отбросив ведомственную ангажированность, назвать конкретных виновных в массовой гибели военнослужащих в Чечне.

Система своих не выдавала: ГВП уклонялась от объективного расследования. Грачевское лобби в парламенте, как в болоте, топило многочисленные требования Рохлина обратиться в Генеральную прокуратуру от имени Госдумы с поручением расследовать бездарные действия руководства Министерства обороны на Северном Кавказе. И лишь в декабре 1996 года такое постановление, наконец, было принято.

Спустя время председателем Госдумы Геннадием Селезневым был получен ответ следующего содержания.

«В соответствии с постановлением Государственной думы от 25 декабря 1996 г. № 971-11 ГД «О рассмотрении обстоятельств и причин массовой гибели военнослужащих Российской Федерации на территории Чеченской Республики в период с 9 декабря 1994 года по 1 сентября 1996 года и мерах по укреплению обороны страны и безопасности государства» сообщаю…».

По факту гибели военнослужащих 245-го полка проверка продолжалась, а по обстоятельствам проведения боевой операции личным составом 131-й отдельной мотострелковой бригады (войсковая часть 09332), штурмовавшей город Грозный 31 декабря 1994 года, в документе отмечалось:

«Из пояснений участников этих событий, документов, изъятых в ходе проверки, следует, что в конце декабря 1994 года в городе Моздоке высшим командованием МО РФ поставлена общая задача по освобождению города Грозного. Конкретную задачу по вводу войск в город, маршрутам движения и взаимодействию ставил генерал-полковник Квашнин А.В. (в то время он был представителем Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. — *Авт.)*.

131-й бригаде была поставлена задача к 27 декабря 1994 года сосредоточиться в двух километрах восточнее Садовой, чтобы обеспечить проход в город Грозный другим войскам. В последующем бригада заняла рубеж по речке Нефтянка и

находилась на нем до 11 часов 31 декабря, после чего по радио командовавший в тот период группировкой «Север» генерал-лейтенант Пуликовский К.Б. отдал приказ на вход в город Грозный. Письменных боевых и графических документов в бригаду не поступало. После прохода по улице Маяковского штабом корпуса бригаде было приказано взять железнодорожный вокзал, что первоначально не планировалось.

Захватив вокзал, бригада попала в плотное огненное кольцо незаконных вооруженных формирований и понесла значительные потери в живой силе и технике.

Как усматривается из материалов проверки, вопросы тщательной подготовки операции должен был решать Пуликовский, однако этого в полной мере сделано не было, что явилось одной из причин гибели большого количества личного состава 131-й бригады.

В действиях Пуликовского усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 260-1 у п. «в» УК РСФСР, а именно — халатное отношение должностного лица к службе, повлекшее тяжкие последствия.

Однако уголовное дело возбуждено быть не может, так как Государственной думой 19 апреля 1995 года объявлена амнистия в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и допущенное Пуликовским правонарушение попало под ее действие».

Из документа видно, какая была чехарда. Бригадой распоряжались то представитель Генштаба, то командующий группировкой, то приказы поступали из штаба корпуса. Тем не менее, прокуратура виновного определила — Пуликовский. Только в одной бригаде погибло 157 человек, а генералу «вышла» амнистия…

— Тогда еще здорово «отличился» командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Анатолий Квашнин, будущий начальник Генерального штаба, — уже в наше время прокомментировали мне ситуацию, сложившуюся в Чечне, бывшие работники ГВП. — Он все время вмешивался то в разработку операций, то уже в ходе боевых действий начинал управлять войсками, не зная изменившейся обстановки. Тыкал пальцем в карту и говорил: пусть выйдут на этот рубеж, тогда мы обеспечим продвижение этих… Гладко было на бумаге, да забыли про овраги — солдатам дорого обошелся его палец…

Что ж, в России и так бывает.

Комментирует ситуацию Юрий Ильич Скуратов, Генеральный прокурор Российской Федерации в 1995–1999 годах:

— Чеченская кампания выявила все болезни общества того времени, показала не только армейские проблемы, но и проблемы руководства государством. Обычно признаки застоя, гниения и коррумпированности в нездоровом обществе проявляются на более поздних исторических этапах, а тут уникальный случай — власть скомпрометировала себя и обнаружила свою сущность с самых первых шагов своего существования.

После назначения меня Генеральным прокурором России первая моя командировка была в Чеченскую Республику. Мы увидели совершенно наплевательское отношение к армии. Люди завшивленные, полуголодные, грязные. Можно было частично оправдать службу тыла, если бы война шла на чужой и труднодоступной территории, куда невозможно доставить продукты и обмундирование в нужном количестве. А тут все происходит в России, и элементарные вещи не смогли организовать. К тому же мы выявили тотальное воровство, снабжение осуществлялось жуликоватыми фирмами, которые поставляли некачественные консервы и другое продовольствие. Мы увидели совсем юных мальчишек, которых чуть ли не вчера оторвали от семьи, а сегодня направили воевать. На это позже обратил внимание общественности Рохлин — молодежь не проходила серьезной подготовки и легко становилась пушечным мясом. Это преступление.

Бесспорно, главная вина в этом Грачева и всех этих генералов из службы тыла. И командующий Северо-Кавказским

военным округом Анатолий Квашнин несет большую долю ответственности. Оценки тем событиям, которые давал в своих обращениях к нам председатель Комитета Госдумы по обороне Лев Рохлин, были очень ценными: во-первых, он сам там был и все видел своими глазами, а во-вторых, критика армейского руководства исходила из уст командира, который, несомненно, обладал полководческим талантом, и его слова дорогого стоили. Он блестяще разбирался во всех нюансах чеченской кампании, и прокурорским работникам отвечать на его запросы было сложно. Военная прокуратура и мы хоть и вскрывали недостатки, но в своих возможностях были определенным образом ограничены.

Лев Яковлевич неоднократно ко мне приходил, у нас были содержательные беседы, и я видел, насколько он уважительно относится к деятельности работников прокуратуры. Он нашел общий язык с моим заместителем Михаилом Борисовичем Катышевым, и они плодотворно взаимодействовали. Рохлин прекрасно разбирался в сути работы Главной военной прокуратуры, но по ряду причин у него не сложились отношения с ее руководителем Валентином Николаевичем Паничевым, и

генерал настаивал на кадровых переменах. Хотя я считал и считаю, что Паничев — очень порядочный человек и хороший специалист. Я признаю, что замена его на Юрия Демина была моей кадровой ошибкой. Я сожалею об этом до сих пор. Во-первых, Демин был представителем спецслужб, и позже стало ясно, что для прокурорской работы он явно не годился. Черновой прокурорской работы не знал, она ему была непонятна, и он не смог наладить отношения в своем ведомстве. К тому же в нем возобладали карьеристские устремления.

В этой ситуации мы уже сами порой нуждались в помощи Льва Яковлевича и часто консультировались у него по вопросам обновления законодательства в интересах более качественного исполнения государственных задач. Он нас всегда поддерживал. Да и мы стали разделять его взгляды на роль Грачева в чеченской кампании. Мы возбудили несколько уголовных дел по фактам хищений в службе тыла. Я поменял руководителей и гражданской и военной прокуратуры по Чеченской Республике. Новые стали работать активней и эффективней.

Я написал довольно жесткое представление в адрес министра внутренних дел Анатолия Куликова как раз по материалам генерала Рохлина. Хотя надо признать, что ситуация во Внутренних войсках была чуточку получше, чем в армии. Да и Куликов, в отличие от Грачева, понимал, что мы в Чечне всерьез и надолго, организацией боевого обеспечения, тылом занимался серьезно.

Рохлин в чеченской кампании один из немногих генералов, кто показал командирскую зрелость, понимание всей меры ответственности за жизни людей. В основном же все военные успехи являлись заслугой среднего и низового звена — офицеров, сержантов и солдат. Они проявляли массовый героизм, самоотверженность, стойкость, силу духа и способность переносить тяжести военного быта. Лев Яковлевич своим примером доказал, что армия, несмотря на ее критическое положение, имеет светлые головы и все возможности для своего возрождения.

ХОД КОНЕМ

Рохлин видел, что его устремление наказать виновных в развале армии и флота, сформировать основные направления движения военной реформы не находят поддержки в Кремле, да и в самом Министерстве обороны. Грачев откровенно демонстрировал свое пренебрежение к генералу, и это отражалось на «прохождении» документов из Комитета по обороне. Все инициативы, предложения, новации законодателей чиновники в погонах клали «под сукно», телефонные звонки Льва Яковлевича выслушивали с холодной доброжелательностью, но его требования исполнять не спешили, явно опасаясь навлечь на себя гнев скорого на принятие необдуманных решений министра. В итоге страдало дело. С приходом в парламент Рохлина положение дел в Вооруженных Силах продолжало оставаться плачевным, и надо было как-то рубить тугой узел противоречий. Генерал приходит к нестандартному выводу: те, кто не желает ему помогать восстанавливать обороноспособность государства, должен уйти. На их место он поставит людей, которым можно доверять, кто разделяет его взгляды на будущее армии и России.

— Рохлин был очень решительным человеком, с ярко выраженными генеральскими замашками, — как-то делился со мной воспоминаниями Виктор Илюхин. — На первых порах я даже подумал, что он не станёт настоящим политиком. Он привык, чтобы в войсках ему все подчинялись, а в Госдуме это не проходило. Когда Рохлин четко обозначил разногласия с Грачевым, даже его родное министерство начало откровенно саботировать новации и предложения Комитета по обороне. И особенно раздражала Льва Яковлевича неповоротливость Главной военной прокуратуры, которая все делала с оглядкой на руководство военного ведомства. Он никак не мог добиться от нее ожидаемых результатов расследования дел. Генерал мне не говорил о своих планах, но, судя по его поступкам, Рохлин решил во что бы то ни стало сместить министра обороны Павла Грачева и главного военного прокурора Валентина Паничева, как препятствия в прохождении реформы.

Когда Илюхин делился со мной этими воспоминаниями, я подумал: бытует мнение о прямолинейности и примитивности политика Рохлина, а тут такой ход конем! Масштаб и дерзость планов просто поражали. Видимо, отсюда берет начало его последующее решение о смещении самого Ельцина. Война с президентом, с неугодной властью, с чертом, с дьяволом для генерала являлась естественным способом достижения

намеченной цели. Страха он не знал, слов «невозможно», «неисполнимо» в его лексиконе и вовсе не присутствовало.

— Как только Рохлин определился с кандидатурой министра обороны, мы с ним зачастили к Игорю Николаевичу Родионову, который возглавлял Академию Генерального штаба, — продолжал свой рассказ Виктор Илюхин. — Мы приезжали туда и за чашкой чая обменивались мнениями, строили планы, обсуждали текущие события. Рохлина и Родионова связывали известные события на Кавказе, оба прошли Афганистан, оба критически оценивали Ельцина и неспособность Грачева управлять процессами, происходящими в Вооруженных Силах. Параллельно Лев Яковлевич работал с кем-то из окружения президента, чтобы там постепенно готовили мнение о необходимости замены Грачева на Родионова. Чуть ли не сам Коржаков это делал, так я понял из многозначительных намеков Рохлина, но напрямую он об этом не говорил. И когда после выборов 1996 года главы государства Совет безопасности возглавил Александр Лебедь, с его подачи Родионова быстро назначили министром обороны. Ельцин был готов к этому решению благодаря усилиям именно Льва Рохлина.

Говоря о Главной военной прокуратуре, Илюхин, как прокурорский работник, владеющий этой темой более обстоятельно, отмечал:

— Валентин Николаевич Паничев был на своем месте. Человек опытный, знающий, но Рохлина он не устраивал своей определенной ангажированностью военным руководством.

Оттого запросы депутатов Комитета по обороне не получали соответствующего продолжения и ожидаемого эффекта. Рохлин хотел от правоохранительных органов, чтобы они действовали по закону, а не по «телефонному праву». К сожалению, в России оно неискоренимо. Действовать, невзирая на настроение начальства, могут немногие. Для этого надо иметь очень чистую репутацию, силу воли и убежденность в правоте дела. Вот таким человеком являлся и по моему мнению, и по мнению Льва Рохлина заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Михаил Борисович Катышев. Они хорошо понимали друг друга, их позиции по многим вопросам сходились. Но когда Лев Яковлевич предложил Катышеву возглавить Главную военную прокуратуру, Михаил Борисович наотрез отказался. Рохлин тогда стал обхаживать его с Родионовым, подключил в это дело авторитетного человека, бывшего руководителя ГВП Александра Филипповича Катусе-ва, напрямую ходили к Юрию Ильичу Скуратову, уговаривали его подействовать. Но их усилия не принесли результата.

Вспоминает Михаил Борисович Катышев, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в 1995–2000 годах:

— Льву Яковлевичу очень было важно, чтобы я возглавил Главную военную прокуратуру. Но это совершенно не вписывалось в мои интересы. Во-первых, я не хотел вытеснять Валентина Паничева, с которым мы проработали долгие годы и нас связывали добрые отношения. Во-вторых, я никогда не был военным и при всем уважении к Рохлину менять свой профиль работы не собирался. В третьих, я и без того занимал очень высокие должности — являлся заместителем Генерального прокурора и возглавлял Главное следственное управление. Работа меня полностью устраивала, дела вели громкие, интересные, требующие особого контроля и внимания. Выпустить их из рук означало затормозить следствие. Такого допустить было нельзя… И все-таки давление на Паничева со стороны министра обороны Игоря Николаевича Родионова и председателя Комитета Госдумы по обороне Льва Яковлевича Рохлина чувствовалось серьезное; им нужен был другой руководитель Главной военной прокуратуры, более соответствующий изменившейся обстановке после отстранения Грачева и назначения нового министра обороны генерала армии Родионова. В результате на эту важную и очень ответственную должность был назначен Юрий Демин. Возможно, какие-то ожидания обоих генералов он оправдал. По крайней мере, Рохлин к перестановке прокурорских работников больше не возвращался.

Как видим, и Виктор Илюхин, и Михаил Катышев подтвердили, что Лев Рохлин ни перед чем не останавливался, чтобы добиться намеченной цели. Трудности и преграды его ничуть не смущали, он шел напролом. Но время, когда его основной задачей станет смещение президента, еще не пришло. Хотя и тех, с кем он вступил в схватку, не сравнишь с ветряными мельницами, а генерал ничуть не был похож на романтический образ Дон Кихота.

КАРАМЗИН СКАЗАЛ: «ВОРУЮТ…»

Лев Яковлевич, став депутатом и взглянув на ситуацию в Вооруженных Силах с высоты поста председателя Комитета Госдумы по обороне, неожиданно часто стал цитировать классиков русской литературы. Не скажу, что он был великим книголюбом, но кое-что из Николая Михайловича Карамзина знал на память. В частности — ответ автора «Истории государства Российского…» соотечественникам по поводу особенностей того времени. Когда его спросили во Франции, чем живет Россия, писатель и историограф коротко ответил: «Воруют…». Эта фраза стала часто использоваться и в лексиконе нашего генерала.

Мы уже рассказали, как Рохлин пытался найти общий язык с Главным военным прокурором В.Н. Паничевым и не смог. На то были причины. Одна из них — неадекватно медленное расследование фактов, которые предоставил председатель Комитета по обороне депутатам Госдумы в отношении изощренного разворовывания военного бюджета первыми лицами Министерства обороны. Рохлину, за плечами которого ничего, кроме войн и военных конфликтов, не было, говорить о коррупции в армии было легко. Причем говорить во всеуслышание, о чем офицеры и генералы только перешептывались да закатывали глаза, называя суммы, растворившиеся в карманах дельцов.

Особенно скандальным оказался доклад «О результатах проверки Счетной палатой Российской Федерации фактов, изложенных в статье «Дом, который украли», опубликованный в газете «Московский комсомолец» 15 марта 1996 года», который наизнанку вывернул всю подноготную лишь одной из многих сделок, заключенных в своих интересах дельцами в погонах.

Полковник запаса Виктор Михайлович Резников, пришедший ко Льву Яковлевичу с генеральской должности штатным помощником по работе в Госдуме, вспоминает:

— Рохлин не имел опыта депутатской работы, а потому брался за любые дела, за которые опытные политики взяться поостереглись бы. Кому надо связываться с сильными мира сего? Одна головная боль. А Лев Яковлевич страха не имел, авторитетов себе не создавал, на поклон к руководству не ходил, поэтому он легко ввязывался в любую драку. Когда у него на руках появились «жареные» факты по строительной фирме «Люкон», интересы которой лоббировали крупные фигуры Министерства обороны, генерал тут же снабдил этими фактами

журналистов «Московского комсомольца». Те дали разгромную статью «Дом, который украли», и на ее основании Рохлин организовал проверку военного ведомства Счетной палатой Российской Федерации. Получив подтверждения коррупционных проявлений, Лев Яковлевич не стал их укрывать, а вышел на трибуну Государственной думы и прямо в лоб назвал все должности и фамилии участников отмывания бюджетных средств. Это был скандал, и кое-кто взвыл от негодования! Причем сильно «загрустила» даже Главная военная прокуратура, которой требовалось все это проверять. «Кого проверять?», «Разве можно «их» проверять?», «Как нам быть?» — примерно такие вопросы задавала сама себе юстиция в погонах.

Так что там «раскопал» Лев Рохлин? Опираясь на документы председателя Комитета по обороне, мы расскажем о сути интересующей нас сделки. Минобороны в лице Главного управления по строительству и расквартированию войск в 1993 году подписало договор, согласно которому 25-этажный дом с подземными гаражами на 540 автомашин, рестораном, комплексом предприятий бытового обслуживания, расположенный в Северном Чертанове, передается фирме «Люкон». Взамен она обязуется в течение трех лет, с 1993-го по 1995 год, передать оборонному ведомству 600 квартир. Но коммерсанты слова не сдержали.

Как должно было бы в этом случае по логике вещей поступить Минобороны? Наверное, расторгнуть договор, потребовать материальную компенсацию и т. д. Ничего подобного, с «Люконом» заключается новая сделка, да почище прежней. Теперь ей поручается построить 6000 квартир в поселке Октябрьский Люберецкого района Московской области. Заказчик не смог выплатить коммерсантам всю требуемую ими сумму, а перевел на счета строителей 1 миллиард рублей. Те такой скаредностью оборонного ведомства были недовольны и выставили военным иск в размере 118 миллиардов рублей. Причем работы практически и не начинали.

Наглость «Люкона» видна, как говорится, невооруженным глазом. Однако вдруг на защиту интересов зарвавшихся коммерсантов встает генеральный инспектор Минобороны генерал армии К.И. Кобец, чьей обязанностью является охрана интересов российской армии. Он пишет рапорт первому заместителю министра обороны А.А. Кокошину, в котором подробно излагает все обиды фирмачей и доказывает необходимость оказания им обязательной помощи. Но поскольку денег в казне у военных нет, то он просит рассчитаться с

компанией… авиационными двигателями и другой авиационной техникой. Причем предлагает возложить на себя контроль за строительством «Люконом» квартир для военнослужащих.

Такой же рапорт направляется на имя министра обороны П.С. Грачева, но уже за подписью трех лиц — А.А. Кокошина, самого К.И. Кобеца и аудитора Счетной палаты Ю.Н. Родионова, в круг обязанностей которого никак не входит решение подобных вопросов. И этот замечательный рапорт трех высокопоставленных лиц без промедления подписывается и в дальнейшем выполняется на кабальных для военных условиях. На 60 миллиардов рублей «Люкону» передается авиатехника, которая, между прочим, остается на складах Минобороны на бесплатном хранении. Причем общая сумма финансирования коммерсантов исходит не из коммерческой стоимости самолетных двигателей и прочего, а определена из того, по какой цене удастся ее реализовать тому же капризному «Люкону». Да еще военные платят 0,5 % за каждый день просрочки перечисления финансов.

В этом странном договоре, составленном в пользу фирмачей, много еще различных преференций. Минобороны прощает «Люкону» все, идет у нее на поводу и довольствуется тем, что компания сама готова, как нищему на паперти, пожертвовать оборонному ведомству.

Лев Рохлин в докладе перед депутатами Госдумы задает справедливый вопрос: почему такое преступное расхитительство стало возможным. И сам же на него отвечает. Цитируем выдержки из доклада:

«Основная причина заключается в том, что министр обороны (теперь уже бывший) П.С. Грачев погряз в коррупции, окружил себя прихлебателями и ворами. Тот же К.И. Кобец не просто так яростно бьется за интересы фирмы «Люкон». Его сын является соучредителем этой фирмы.

А почему аудитор Счетной палаты Ю.Н. Родионов (не путать с министром обороны И.Н. Родионовым. — *Авт.)* после обнаружения указанных преступных махинаций сам совершает преступление, приказывая убрать из акта все документы, касающиеся «Люкона»? …Одновременно следовало бы ответить и на вопрос, почему генерал-полковник Ю.Н. Родионов находится до сих пор на военной службе, хотя законом не предусматривается прикомандирование военнослужащих на должности аудиторов Счетной палаты.

Создается впечатление, что руководству Министерства обороны можно было делать все, не опасаясь за последствия… Мне пришлось дважды обращаться к Главному военному прокурору В.Н. Паничеву для получения ответа по проверке

изложенных фактов. Наконец получил ответ о том, что с этой фирмой проблем никаких нет и все благополучно. Существует ли надежда, что военная прокуратура сможет вымести всю грязь из руководства Министерства обороны?».

Далее Рохлин назвал фамилии еще ряда высоких должностных лиц, занимающихся финансовыми махинациями, но позже получит из ГВП ответ, что в отношении кого-то идет проверка, а по другим фигурантам доклада председателя Комитета Госдумы по обороне факты не подтвердились. Теперь, уважаемые читатели, вам понятно, почему депутат не поладил с военной юстицией? Просто он хотел, чтобы прокуратура не чувствовала себя служанкой наслаждающихся властью и безнаказанностью чинуш в генеральских погонах.

— После этого доклада отношения с Минобороны еще больше осложнилось, — вспоминает Виктор Михайлович Резников. — Сложилась странная ситуация: новый министр обороны генерал армии Игорь Родионов с председателем Комитета Госдумы по обороне Львом Рохлиным был в дружеских отношениях, а все окружение Игоря Николаевича боялось Рохлина и на контакт шло неохотно, будто по принуждению. Почему это происходило, было понятно. Зато офицеры и генералы рангом пониже в Рохлине души не чаяли. Они видели, что на самом высоком государственном уровне у них появился защитник, который никому спуску не даст и за честь армии будет бороться до конца. К сожалению, так и получилось. Лев Яковлевич не отступил от выбранного им раз и навсегда пути, пока его сердце не перестало биться.

«АРМЯНГЕЙТ»

Напомним, в одном из своих первых выступлений в Госдуме по ситуации на Северном Кавказе, о котором мы уже говорили, Рохлин коснулся проблемы незаконной продажи оружия Россией в некоторые соседние государства СНГ. Он предостерегал, что, помогая кому-то из конфликтующих сторон танками и ракетами, не ждите, что на границах России будет мир и спокойствие. Опасаясь, что самостоятельно не вскроет преступную схему бесконтрольных поставок боевой техники и боеприпасов, подключил к ней тогда всемогущего и очень авторитетного председателя Комитета по безопасности Виктора Илюхина. И хотя «ведущей скрипкой» все-таки был генерал, многие депутатские запросы в различные ораны власти подписывал Илюхин, различная информация, интересующая Льва Яковлевича, стекалась к Виктору Ивановичу через бывших коллег прокурора. Побывав еще несколько раз на Кавказе вместе с представителями Главной военной прокуратуры и Генерального штаба, Рохлин в итоге выявил всю нелицеприятную картину вероломного вмешательства России во внутренние дела суверенных государств. Кому-то грандиозная афера приносила столь же грандиозные прибыли в личный карман, а государство и армия не получали почти ничего. За границу оружие шло новое, порой даже в заводской смазке, а по документам иногда списывалось по цене металлолома.

«Армянгейт»… Именно так, хлестко, по аналогии с американским «уотергейтским делом» назвали журналисты выступление генерала Рохлина на закрытом заседании парламента, которое состоялось 2 апреля 1997 года. Оно носило название, на первый взгляд не предвещавшее большого скандала, — «О нарушениях при поставках оружия в Республику Армения». С ним вы можете ознакомиться в Приложении к книге. На самом же деле этот документ— настоящая бомба, которая, как и в случае с «Уотергейтом», могла подорвать авторитет страны на международном уровне и дискредитировать первых лиц государства. В США расследование, связанное с установкой «прослушки», закончилось отставкой президента Ричарда Никсона. «Армянгейт» в правовом государстве мог запросто свалить фигуры, равнозначные американским. Лев Яковлевич это хорошо понимал, а потому сразу оговорился:

«Решение о необходимости обнародовать информацию с поставками вооружения и военного имущества в Армению мне

далось нелегко. Понимаю возможные последствия этого шага. Но, анализируя ситуацию, я пришел к выводу, что изменить проводимую в данное время государственную политику в отношении стран СНГ, которая не согласуется с правовыми документами о создании СНГ и наносит вред России на международной арене, можно только под давлением общественности по следующим причинам.

Во-первых, проводимая избирательная политика в отношении стран Закавказья в вопросах поставок оружия является крайне опасной, создающей предпосылки для возникновения новой конфликтной ситуации на Кавказе и втягивания в нее России. Искусственно создавая превосходство в вооружении одного государства над другими, определенные политические силы в России тем самым толкают их на решение проблем военным путем, используя полученное превосходство. Но и Россия, и Армения, и Азербайджан вышли из одной страны — Советского Союза. И в каждой из этих стран живут друзья, близкие, родственники.

Во-вторых, не видно стремления со стороны политического руководства России изменить к лучшему негативную политику в отношении к отдельным республикам Закавказья.

В-третьих, поставки оружия становятся все более бесконтрольными с активным участием мафиозных структур.

В-четвертых, при этом разворовываются и растаскиваются Вооруженные Силы России, уничтожается оборонный комплекс. Необходимо принятие срочных мер по пресечению этого беспредела.

Данный доклад никак не направлен против Армении. Аналогичным образом я выступаю против подобных, скрытых тем или иным образом поставок оружия в любую из стран СНГ».

Чтобы читателям было понятно, откуда вообще возникла сама тема поставки оружия в ту или иную республику бывшего Советского Союза, напомним историческую ситуацию начала 90-х годов. Военный журналист и писатель Виктор Баранец в своей книге «Генштаб без тайн» так описал причины требований Армении к России:

«После падения Союза и дележки частей его армии меньше всего боевой техники, оружия и боеприпасов (в сравнении с другими республиками Закавказья) досталось Армении. И хотя в арсеналах 7-й общевойсковой армии, дислоцировавшейся на территории республики, только тяжелого вооружения (танки, пушки, бронетранспортеры) насчитывалось 1107 единиц, примерно процентов 70 всего этого «добра» нашему командованию все же удалось удержать под контролем.

Если заглянуть в архивные документы Генштаба 1991–1992 годов, то легко убедиться, что шифровок из штаба 7-й армии о вооруженных нападениях на наши базы и склады с оружием в Армении поступало заметно меньше, чем из других закавказских республик. Хотя армяне считали себя обделенными. На территории республики находились 3 дивизионных склада со снарядами, бомбами, гранатами и патронами (около 500 вагонов). Все это почти целиком досталось армянской армии. Но ее командование и руководство республики было недовольно: Ереван упрекал Москву в том, что азербайджанцам досталось боеприпасов в 20 раз больше. В условиях неурегулированного конфликта из-за Нагорного Карабаха в любой момент могла с новой силой разгореться война, и армяне были обеспокоены запасами в своих тылах.

Большим ударом по армянским боеприпасам стало ЧП на дивизионном складе Балаовит. На нем взорвалось 5 из 8 хранилищ. Армянская сторона посчитала, что это была диверсия русских, и предъявила России иск на сумму 1,7 миллиарда рублей. Руководство республики потребовало, чтобы

Россия завезла в Армению количество боеприпасов, равное уничтоженному.

Поскольку наша вина во взрывах на Балаовите не была доказана, российское руководство не сочло такое требование Еревана правомерным. Но во избежание трений и захватов армянами наших оставшихся вооружений и боеприпасов, все же уничтоженное количество боеприпасов в Балаовите было этой республике возмещено.

То, что Армения оказалась явно обделенной во время «приватизации» вооружений и боеприпасов бывшей Советской Армии, долгое время (вплоть до конца 1993 года) служило причиной многих претензий высшего политического и военного руководства республики к Москве. Эти претензии звучали тем громче, чем больше армянские разведорганы получали сведений о быстро растущей боеготовности азербайджанской армии. Представители армянского МО все чаще стали наведываться в российское военное ведомство… В конце концов в Москве нашлись люди, которые решили пойти навстречу армянским братьям».

Виктор Баранец показал объективную картину. Тем более, что он опирался в своих изысканиях на материалы именно Льва Рохлина. Факты негласной российской военной помощи, к которой оказались причастны высшие должностные лица государства и генералы российского Генштаба, были обнародованы депутатом только в начале 1997 года. Хотя Баку

шумело об этом по всему миру, Европа и Америка на раздрай в бывшем СССР намеренно закрывали глаза. Позиция понятна: чем хуже — тем лучше.

Несмотря на то, что азербайджанские власти и их спецслужбы неоднократно информировали Москву о своей озабоченности нарастающим количеством поставок российских вооружений в Армению, высшие государственные и военные руководители России отнеслись к этому с удивительным равнодушием (да, наверное, по-другому и не могло быть, если, судя по директивам Генштаба, все делалось под патронатом правительства и его главы). И очень возможно, что такое положение сохранялось бы еще долго, если бы на своих местах оставались премьер Виктор Черномырдин, министр обороны Павел Грачев и начальник Генерального штаба Михаил Колесников. Но всю «малину» испортил честный русский генерал Лев Рохлин.

Как свидетельствуют бывшие помощники председателя и сотрудники аппарата Комитета Госдумы по обороне, поддерживавшие тесные отношения с Генеральным штабом и Главной военной прокуратурой, события развивались следующим образом. Азербайджанские военные, убедившись, что на их сигналы о бесконтрольном и незаконном вооружении Армении российская власть не реагирует, документы передали лично Рохлину. Первая же проверка подтвердила информацию и заставила генерала отправиться в очередную командировку на Кавказ, но на этот раз с одной целью — вскрыть каналы поставки оружия в Армению. Позже журналистам он расскажет, что в Северо-Кавказском военном округе никто не делал секрета из систематических полетов воен-но-транспортной авиации из Ахтубинска в Ереван. «Русланы» перебрасывали танки и артиллерийские системы. Офицеры прямо сообщили Рохлину, что делается это официально, по распоряжению начальника Генерального штаба, который ссылается на указания председателя правительства Виктора Черномырдина.

Потом выяснилось, что генералитет далеко не всегда даже документально оформлял поставки, все материалы переправки засекречивались или просто уничтожались «по акту». Оказалось, что первоначально исполнялись распоряжения из Москвы, а потом уже оружие шло и по местной инициативе тех, кто нашел прямой контакт с Арменией. Военные «коммерсанты» зарабатывали миллионы долларов, «забывая», что торгуют не личным, а государственным, правда, плохо учтенным имуществом. Тем не менее, комиссии Рохлина удалось зафиксировать следующей:

«…документальная ревизия показала, что в 1992—1994годах имели место факты передачи в республики Закавказья вооружения и военной техники… без соответствующих на то директивных указаний:

ракетно-артиллерийского вооружения — более 9,5 тыс. единиц;

около 600 вагонов боеприпасов;

72 единицы бронетанкового вооружения и техники.

Отсутствуют первичные документы указанного периода, подтверждающие убытие:

по службе горючего: 21314 единиц техники и 64,2 тысяч тонн топлива;

по технике и имуществу связи: 15977 комплектов связи и 41003 км полевого кабеля…».

Рохлину удалось установить, что 25 танков Т-72 с запчастями тринадцати наименований (по директиве начальника Генерального штаба № 3316/3/0182 от 29 сентября 1994 года) были переданы армянской стороне из 102-й военной базы в Гюмри. В октябре того же года (11,14 и 21-го) запчасти были доставлены в Армению тремя рейсами военно-транспортных самолетов с аэродрома Кубинка и одним рейсом с аэродрома Каменка (Пенза).

«…5 танков армянам было передано из состава Группы российских войск в Закавказье (четыре — с военной базы в Вазиани и один — из Гюмри). 4 танка и 33 БМП были переданы со 142-го ремонтного завода по директиве Генштаба № 316/3/048 от 26 февраля 1996 года 17 БМП-2 было передано с российской военной базы в Батуми. По директиве Генштаба № 503/23-26 от 20 июля 1996 г. пятью самолетами Ил-76 были переброшены также 85 тонн запчастей с аэродрома Чкаловский…»

Рохлин утверждал, что передача осуществлялась без заключения какого-либо межгосударственного договора, что и повлекло за собой грубейшие нарушения законов.

Колоссальные объемы вооружений и боеприпасов, которые переправлялись в Армению, требовали мощных транспортных средств. Но для тех, кто получал на этой афере гигантские барыши, это не было проблемой. В «бой» за деньги бросались военно-транспортные самолеты, железнодорожные эшелоны, военные суда.

Когда генерал Рохлин и его помощники только-только начали раскручивать «армянгейт» (проверка складов боеприпасов в Моздоке (в/ч 30184), удалось документально установить, что с августа 1992 года по январь 1994-го 66 рейсами Ил-76 и двумя рейсами Ан-12 с аэродрома Моздок в Ереван было переброшено

около 1300 тонн боеприпасов.

Вскоре следствие установило, что с этих же складов в феврале— июне 1994 года через Новороссийск и Батуми двумя рейсами военно-морского судна «Генерал Рябиков» и транспортом ПРТБ-33 была переброшена огромная партия боеприпасов в Армению через Грузию.

С 8 по 28 ноября 1995 года и с 28 июня по 6 августа 1996 года 31 рейсом Ан-24 и 13 рейсами Ил-76 было переброшено с аэродрома Жасмин (Ахтубинск) на аэродром Звартноц (Армения) 50 танков Т-72, имущество и запасные части к ним, 36 гаубиц Д-30, 18 гаубиц Д-20, 18 гаубиц Д-1, 18 систем залпового огня «Град», 40 зенитных ракетных комплексов «Игла» и 200 ракет к ним, 12600 артснарядов (в том числе — 1440 к установкам «Град»).

Имущество поступило в Ахтубинск шестью железнодорожными составами. Танки шли из Омска, боеприпасы — из Волгограда, артиллерия— из Иркутской, Свердловской, Пермской областей. Приемом и передачей техники, оружия и боеприпасов в Армению руководил генерал-майор А. Степанян, бывший заместитель министра обороны республики Армения по внешним военным сношениям.

К весне 1997 года Рохлин располагал информацией, которая позволила сделать ему однозначный и верный вывод, подтвержденный впоследствии сотрудниками военной прокуратуры: в большинстве случаев отправка вооружений в Армению производилась в форме коммерческих сделок.

Вот лишь один факт из множества, который Рохлину помогли добыть наши спецслужбы. Когда в Ахтубинске оружием загружались «Русланы» и Илы, в месте операции (которая длилась 75 дней) постоянно присутствовали представители загадочной коммерческой фирмы «РРР» А. Прокопенко и В. Селифонов. Они оплачивали гостиницу не только за себя, но за все летные экипажи.

Фирма «РРР» была близка к Главкомату Военно-воздушных сил России. В ней, как было установлено в ходе следствия, работали близкие родственники высших летных генералов. Они занимались оптовой торговлей и авиационными перевозками (в том числе и оружия) с использованием военно-транспортной авиации. Сразу после проведения ахту-бинской аферы (20 августа 1996 года) расчетный счет «РРР» в Октябрьском филиале «Инкомбанка» был закрыт. Только эта сделка обошлась России в 70 млн. долларов. А их были многие десятки. Для авиапереброски оружия в Армению потребовалось 139 рейсов военно-транспортных самолетов.

По данным, которыми располагал Рохлин на момент своего доклада в Государственной думе, финансовые потери России в результате поставок в Армению составили около 1 млрд. долларов. За такую сумму армия могла бы получить не менее 30 тысяч квартир, выдавать зарплату всем офицерам и прапорщикам в течение 3 месяцев. Таких денег вполне бы хватило для того, чтобы обеспечить работой весь комплекс оборонных предприятий России в течение полугода…

Министр обороны Азербайджана генерал-полковник Са-фар Абиев вполне справедливо комментировал ситуацию так:

— Осуществляя поставки вооружения и техники в Армению — в том числе и легальные, — должностные лица РФ нарушили ряд законов Российской Федерации, международно-правовые договоренности. Согласно Закону РФ «Об обороне» порядок передачи, продажи и ликвидации оружия и военной техники устанавливает российское правительство. Между тем часть вооружения и техники в Армению с 1994-го по 1996 год была передана по директивам Генштаба России, подписанным генералом армии Колесниковым, а часть и вовсе без всяких директив. Кроме того, было нарушено распоряжение президента РФ, запрещающее все поставки вооружения, техники в Армению и Азербайджан до особого распоряжения и мирного разрешения конфликта в Нагорном Карабахе. Попраны резолюции Совета Безопасности ООН (853, 884), резолюции Генассамблеи ООН (51/45F, 51/478), Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ и прочие международно-правовые документы, в которых содержится призыв к государствам воздержаться от поставок оружия и военного имущества в регион азербайджано-армянского конфликта…

Рохлин же в своем докладе открыто говорит: «Несомненно, ни один крупный шаг в Министерстве обороны не делался без ведома министра обороны Грачева. Не позволял себе делать ничего без его ведома и начальник Генерального штаба Колесников М.П. Весь вопрос упирается в то, кто мог дать первую команду Грачеву на такие поставки?». Интересный факт— с увольнением Грачева поставки вооружения в 1996 году продолжались скрытно от вновь назначенного министра обороны. Отмечая это, председатель Комитета Госдумы по обороне делает вывод: «Зная осторожность начальника Генерального штаба Колесникова М.П., я не сомневаюсь, что если он отдавал распоряжения на продолжение поставок в обход министра обороны Родионова И.Н., то задачи получал от начальников очень высокого ранга».

На кого намекал генерал? Чью фамилию он в докладе не

назвал? На этот вопрос Рохлин ответит позже, когда открыто обвинит Ельцина в развале страны и ее Вооруженных Сил. А пока он нашел единственно приемлемый в той ситуации ход — предложил президенту проявить политическую волю и дать прокуратуре «зеленый свет» расследовать это дело.

Надо отметить, что только после доклада в Государственной думе Льва Рохлина поставки оружия в Армению прекратились. Военно-правительственная мафия скрежетала зубами и обхаживала Ельцина с мольбой защитить от «притеснителя» в погонах.

Президенту было выгодно иметь столь серьезный компромат на приближенных — это делало их ручными. Наверное, поэтому шло время, но ничего не происходило. Хотя нет, пресса «вдруг» заговорила о недоказательности фактов, которые приводил Рохлин, о его непростых отношениях с бывшим министром обороны Грачевым и о возможном желании депутата отомстить тому за новогодний штурм Грозного и массовую гибель военнослужащих.

Пройдет время. Следствие, на проведении которого настаивал Лев Яковлевич, фактически не проводилось, и, естественно, никого из фигурантов незаконных поставок оружия в Армению не наказали. Мафия бессмертна… Неужели правда?

Комментирует ситуацию Юрий Ильич Скуратов:

— Действительно, наказанных за торговлю оружием в Армению не было. И прежде всего потому, что решения принимались на самом высоком уровне. Вопросы внешней политики определяет руководство государством, и прокуратура идти вразрез с такими решениями не может. Не как должностное лицо, а как человек я сейчас могу сказать, что в этом вопросе наши политики действовали как слон в посудной лавке. Выстраивание отношений с другими государствами, и особенно с учетом ситуации в Карабахе между Азербайджаном и Арменией, — это очень тонкий вопрос. И когда политическое руководство взяло курс на одностороннюю поддержку Армении, я считаю, это была ошибка.

Для России Азербайджан во всех отношениях представляет интерес не менее, чем другие бывшие республики Советского Союза. Я проводил несколько встреч с Гейдаром Алиевым, и подтверждаю: между нашими государствами были очень хорошие отношения. Одной из причин, почему сейчас Азербайджан по многим вопросам ориентируется на Америку, как раз и явилась ситуация, когда наша страна начала вооружать одну из конфликтующих сторон. Поэтому когда Рохлин обнародовал

информацию о поставках, которая, кстати, носила закрытый характер, она произвела в обществе эффект разорвавшейся бомбы. Если смотреть на это через нормы международного права, то очевидно, что был нанесен ущерб и авторитету нашего государства. Хотя когда мы начали разбираться, то выяснилось, что решения о продаже оружия надлежащим образом оформлены не были, а это были политические решения на уровне кивка, на уровне одобрения концепции развития взаимоотношений с Арменией.

Тем не менее мы Рохлину активно как могли, помогали, насколько хватало наших полномочий. Но надо понимать, что возможности наши были не беспредельны. Потом уперлись в стену политических решений, на этом расследование и закончилось.

Генералитет, который включился в продажу оружий «от себя», умело встроился в эту политическую схему. Высшим руководством не были соблюдены правовые рамки, не определены четкие объемы поставок, и это давало возможность дельцам в погонах широко трактовать правительственные решения. Прокуратура обращалась за разъяснениями и к Ельцину, и к Черномырдину, но получали определенные ответы, которые не позволяли нам проявлять самостоятельность. И хорошо, что Рохлин понял — мы помогли ему в этом вопросе настолько, насколько смогли, и он был нам благодарен.

Более того, Рохлин получил информацию и распространил ее, а она была секретна. Азербайджан весь мир оповещал о том, что Россия вооружает Армению, но внутри нашей страны об этом говорить открыто было нельзя. И нам даже приходилось заниматься расследованием, почему эти сведения, составляющие государственную тайну, были обнародованы. Скандал был большой. Но, по большому счету, Рохлин был прав.

ЧТО С НИМ ДЕЛАТЬ?

Для Кремля и Министерства обороны Рохлин в Госдуме оказался неудобной фигурой. Неудобной — это ничего не сказать. Занозой «в мягком месте»! Постоянно саднит, а выдернуть не получается— руки коротки. Все-таки председатель Комитета по обороне. Ранг федерального министра. И если министра президент может снять с должности своим указом, то с депутатом этого не сделаешь. Он — народный избранник. И тем не менее, с генералом надо было что-то делать.

Вначале власть пошла проторенным путем— пыталась «умаслить» генерала своим вниманием. Приглашали на различные «высокие» мероприятия, в командировки за границу. За фуршетами велись «душеспасительные» беседы: «Да ты, Лев Яковлевич, молодец, на правильном пути, только оставь президента в покое…», «Не трогай ты этот Кремль, там люди гражданские, в армейских делах не понимают…», «Дался тебе этот Грачев, он такой же генерал, как ты, афганец…». Или вот еще так: «Якльч, все под Богом ходим, высовываться — себе дороже…».

«Якльч» слушал все это и втихаря посмеивался. Прекрасно понимал, что к нему «подкатываются». Дошло до того, что однажды представитель администрации президента открыто предложил ему должность заместителя министра обороны. Естественно, в обмен на то, что генерал сменит гнев на милость и станет заниматься боевой подготовкой войск.

Надо сказать, что это предложение было крайне заманчивым. Рохлин прирожденный командир, опытный вояка и на этой должности мог бы для армии принести большую пользу. Правда, при условии, что ему не будут мешать. А то, что мешать будут, сомневаться не приходилось. Во-первых, ни министр, ни вся прогнившая мафиозная система ему зубодробильной критики и расследований по массовой гибели военнослужащих в Чечне не простят. А во-вторых, снять с должности будет проще простого. Найдут за что, ведь только у бездельников зацепиться не за что. И в третьих, Рохлин хорошо понимал, что в Госдуме, где есть трибуна и стабильный выход на широкую аудиторию депутатов, министров, журналистов, добиваться поставленных целей значительно эффективней. Тем более, быть заместителем у Грачева — полная бессмыслица. Поэтому генерал от заманчивой должности замминистра отказался.

Кремль понял, что подкупить строптивого депутата не удастся, а потому надо переходить ко второй стадии

«приручения» — к запугиванию и устрашению. И тут следует отметить, что там, за «зубатой» стеной, в пристанище российских царей, с испокон веку сидели не только коронованные особы, но и их весьма неглупая челядь. И в выдумке им не откажешь. Как следует из ряда источников, в Генеральную прокуратуру из Чечни поступило требование «выдать» им генерала Рохлина, как совершившего мародерство на 1 миллиард рублей. Когда Юрий Скуратов не отреагировал, в ряде газет вышли публикации с обвинением бывшего командира корпуса в вывозе из зоны боевых действий целого железнодорожного состава с алюминиевым ломом, некогда представлявшим собой боевые самолеты чешского производства (самолеты находились на вооружении дудаевской армии, после сильнейшего артобстрела авиационная техника, находившаяся на аэродроме, превратилась в груду металла).

Когда Рохлин выводил корпус на «зимние квартиры», он приказал распилить самолеты и отправить дорогостоящий лом в Волгоград. Осажденные города отдают победителям на разграбление — это неотъемлемое правило из истории всех варварских войн. И хотя мы живем в иные времена, право сильного никто не отменял. Тем более, что авиатехника была разбита вдребезги, а конца войне не видно. Кто бы осудил генерала, не случись конфликта с Кремлем, президентом, министром обороны и прочими горе-военачальниками? Короче, в Генеральную прокуратуру стали поступать письма от депутатов и «разгневанных читателей», с требованием возбудить уголовное дело в отношении Рохлина по фактам незаконной коммерческой деятельности и непрофессионализме (?!) при выполнении боевых задач в Афганистане и Чечне.

Кстати говоря, авторы газетных «разоблачений» вместе с Рохлиным не воевали ни в Чечне, ни в Афганистане, самолеты на лом не пилили и денег, вырученных от продажи алюминия, в руках не держали и генералу их не передавали. А писали по собранной инициативе. Причем, нападки на генерала начались аккурат после того, как Кремль закончил эпопею с «умасливанием» депутата и перешел к «стадии устрашения». Так или иначе, газетные материалы не оставили председателя Комитета по обороне безразличным, и он сам написал запрос в Генпрокуратуру с требованием разобраться в ситуации: если виновен— завести уголовное дело, если нет, то снять с него все подозрения.

Генеральная прокуратура в то время вела независимую от Кремля политику и давление со стороны администрации президента и некоторых чиновников из Минобороны

выдерживала достаточно стойко. Стали разбираться в вопросе объективно, потратив на это немало сил и времени. Оказалось, что случай с рохлинскими самолетами один к одному напоминает ситуацию, произошедшую с Юрием Деточкиным из популярного фильма «Берегись автомобиля». Металлолом был продан, а на вырученные деньги куплены квартиры, которые были переданы… семьям погибших офицеров, прапорщиков и даже покалеченному солдату. Прокуратура многозначительно хмыкнула и приступила изучать «непрофессионализм» генерала при выполнении боевых задач в Афгане и Чечне.

После проверки Рохлин получил официальное письмо следующего содержания.

«Уважаемый Лев Яковлевич! Ваше обращение в связи с опубликованием 30 июля 1996 г. в газете «Известия» статьи «Встречный удар. Заинтересован ли генерал Рохлин в том, чтобы с него сняли все подозрения?» и 4 февраля 1997 г. в газете «Вечерняя Москва» статьи «Кто вы, Лев Рохлин, анфас и с изнанки?» рассмотрено в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Приведенные в этих статьях многочисленные сведения о злоупотреблении Вами служебным положением, об участии в коммерческой деятельности в период командования 8-м армейским корпусом в ходе проверки не подтвердились.

Доводы, изложенные в названных публикациях о низком профессионализме, проявленном Вами во время боевых действий в Афганистане и Чеченской Республике, специалистами Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации признаны необоснованными. Не найдено оснований для прокурорского реагирования и по иным приведенным в газетных публикациях сведениям, касающимся Вас.

По результатам проверки вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в Ваших действиях состава преступления».

Подписал письмо заместитель Генерального прокурора Российской Федерации М. Катышев. Тот самый Катышев, который ни разу не пошел на поводу Кремля и прочих сильных мира сего. За что и был впоследствии уволен. Тем не менее именно он снял с Рохлина все подозрения в нечистоплотности и в не свойственной должности комкора коммерческой деятельности. Причем Катышев оправдал генерала не по дружбе, а на основании серьезной проверки, которую провели подчиненные руководителя Главного следственного управления Генпрокуратуры. И уж поверьте, стоило Михаилу Борисовичу хоть на что-то закрыть глаза, это мгновенно стало бы известно многим его

высокопоставленным недругам. Объективность и законность спасли честь двух генералов. Одного армейского, другого — прокурорского.

План администрации президента рухнул, развязав председателю Комитета по обороне руки для новой активной депутатской деятельности.

ТАЙНЫ «УРАНОВОЙ» СДЕЛКИ

Начиная говорить о продаже российских стратегических запасов оружейного урана, изучением которого занялся Рохлин, я невольно касаюсь темы, которая для многих стала жизненно опасной, а то и роковой. Кто-то с головой ушел в расследование и попросту исчез. Кто-то сунулся в омут проблемы и «вдруг покончил» жизнь самоубийством. На кого-то покушались. Вначале запугивали, ставили палки в колеса, а потом пытались инсценировать несчастный случай с летальным исходом. Есть масса высокопоставленных чиновников, которые били тревогу и предупреждали руководство государства о преступной сути перекачки за океан фактически всего нашего арсенала высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия в перестроечные времена. Они обращались в Кремль за разъяснениями, но ни одного внятного ответа получено не было. И еще бытует версия, что Рохлина убили именно из-за тайн, окутывающих «урановую сделку», в которые генерал проник и решил предать их широкой огласке.

Впрочем, если не брать во внимание официальную версию, связанную с женой генерала Тамарой Рохлиной, то депутата могли убить из мести чеченцы, не простившие ему взятия Грозного. Могли застрелить по заказу военной мафии, которую он лишил огромных барышей от незаконной продажи оружия в Армению. Причиной смерти могла послужить и эта злосчастная сделка, которую с благословения двух президентов подписали Альберт Гор и Виктор Черномырдин. По свидетельству физика-ядерщика Льва Максимова, в день убийства Льва Рохлина ему позвонили и пригрозили: если будешь продолжать заниматься расследованиями, «как покойник Рохлин», то рот тебе закроют навсегда. Это было утром, когда генерал еще был жив. «Я еще подумал, — вспоминал ученый, — вот ведь как пугают. А ночью Рохлина убили».

Ну что ж, давайте разбираться в фактическом материале.

18 февраля 1993 года было подписано «Соглашение между Правительством РФ и Правительством США об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия». Этим документом устанавливалась передача в Америку не менее 500 тонн российского оружейного урана якобы для использования в качестве топлива для АЭС. Соответствующий базовый контракт от 25 августа 1993 года за № 261 утвержден бывшим премьером В. Черномырдиным. Двустороннее соглашение широко не афишировалось, тем не менее Россия обязалась поставлять в

течение 20 лет эти самые «не менее 500 тонн», за что должна была получить 11 миллиардов 900 миллионов долларов США.

На первый взгляд ничего здесь крамольного нет. Обычная сделка. Если бы не упущенная выгода. Как следует из рассекреченных в США материалов, затратив на создание ядерного оружия 3,9 триллиона долларов начиная с 1945 года, американцы смогли произвести только 550 тонн оружейного урана. Черномырдин же по согласованию с Ельциным обязал нашу страну передать за океан такое количество ядерного топлива, которое составляло более 90 процентов от ранее произведенных в самих США стратегических запасов оружейного урана. Причем не за те триллионы долларов, которые ранее были потрачены, а всего лишь… за 11,9 миллиарда долларов. Как говорится, почувствуйте разницу — от реальной стоимости это сущие копейки.

С каким же количеством урана после завершения сделки остается Россия? Информация эта уже не секретная, она находится в открытом доступе в средствах массовой информации: в лучшие времена производственные мощности по разделению изотопов урана в СССР превосходили американские не более чем на 10 процентов. Таким образом, можно утверждать, что по итогам урановой сделки ее организаторы оставляют Россию с запасом оружейного урана значительно менее десятой части американских стратегических запасов.

Ударило ли это по безопасности нашего государства? Судя по докладам военных, нет. Так, начальник 12-го Главного управления МО РФ генерал-полковник Е. Маслин в официальном письме (исх. № 448/16/2978 от 4 июля 1996 года) на имя начальника вооружения Вооруженных Сил РФ генерал-полковника А. Ситнова сообщал, в частности, следующее: «Соглашение между правительствами РФ и США рассчитано на 20 лет и позволяет обеспечить за это время валютные поступления в Россию в размере около 12 млрд. долларов при общей продаже около 500 тонн в пересчете на высокообогащенный уран, что составляет незначительную часть государственного запаса… Учитывая изложенное, продажа низкообогащенного урана, полученного из высокообогащенного урана на отечественных предприятиях, не затрагивает интересы национальной безопасности России».

Так ли это? Эксперты прямо утверждают, что урановая сделка была задумана и стала осуществляться как замаскированный обход ратификации Договора СНВ-2. Так, уже в 1997 году из ядерных боеголовок было извлечено более 400 тонн оружейного урана. Учитывая усредненный вес боезаряда, это означает, что в

России было демонтировано более 25 тысяч ядерных боеголовок. Таким образом, без ратификации Договора СНВ-2, а в обход его организаторы урановой сделки фактически обеспечили выполнение главнейших стратегических задач руководства США и НАТО по ускоренному одностороннему ядерному разоружению России. Это прямой путь к окончательному игнорированию России в геополитических планах и отведению для нее третьестепенной роли.

Такие выводы пресса, эксперты и физики-ядерщики начали делать позже, когда благодаря Льву Рохлину информация стала выходить наружу. До того же занавес секретности был таков, что даже в руководстве Министерства обороны, чьи ракеты потрошили самым беспардонным образом, не догадывались, куда направляется их уран. Генерал армии Игорь Родионов, став депутатом Госдумы, как-то признался:

— Как это я — министр обороны! — и ничего не знал про урановую сделку между Россией и США. Спрашивается, кто же именно, в каком составе и как провел в жизнь все эти соглашения? Всего их четыре, но тексты соглашений № 1 и № 3 отсутствуют. Мы до сих пор не можем найти эти документы. Судя по всему, они очень хорошо спрятаны. И помочь нам, депутатам Госдумы, почему-то не в силах ни ФСБ России, ни Совбез, ни Министерство обороны. Я лично обращался с тремя посланиями к президенту Путину (май 2004 года, январь и март 2005 года). Путин мне не ответил. А ведь я хотел объяснить президенту страны, что мы, возможно, имеем дело с государственной изменой колоссального масштаба. Впрочем, об этом же предупреждал и генерал Рохлин Ельцина. Но Рохлина убили…

В прессе встречается информация, что уже после убийства Рохлина активно искал «пропавшие» тексты соглашений под № 1 и № 3 другой депутат — заместитель председателя Комитета Госдумы по безопасности Юрий Щекочихин. Якобы он, как и генерал в свое время, вычислил фигурантов, участвовавших и нажившихся на этой афере века. Но журналист был отравлен, и тайна расследования так и осталась тайной.

А началось все со Льва Максимова, который первый разглядел в соглашении преступную суть и попытался раздуть шумиху. Наивный. Являясь и. о директора Новосибирского института физических проблем металлургии и специального машиностроения, он думал, что кремлевские дельцы испугаются огласки и признают соглашение недействительным. В ответ, как он сам сообщает, все научные разработки, которыми занимался НИИ, были конфискованы «неизвестными лицами», а люди с секретного объекта, коим институт и являлся, были изгнаны. Не

уволены, а просто больше никого через КПП на работу не пустили. С тех пор на Максимова начались гонения. С ним «беседовали», предлагали лаборатории за границей, угрожали, не давали заниматься изобретательской и исследовательской деятельностью. Спецслужбы на жалобы ученого не реагировали, предпочитая просто отмалчиваться.

Вот тогда Максимов и приехал в Москву к председателю Комитета Госдумы по обороне Льву Рохлину, который к словам физика-ядерщика отнесся самым серьезным образом. Более того, начал проверять, как реализуется соглашение, кто участвует в продажах, какие потери несет государство, куда перечисляются деньги. Эти вопросы в ноябре 1996 года он письменно задал Ельцину, но ответа не получил.

Генерал, занимаясь расследованием, быстро нашел в Госдуме понимание, и к исследованию «урановой» сделки подключились другие депутаты из разных фракций. В том числе и доктор технических наук, физик-ядерщик, проработавший в Арзамасе-16 почти тридцать лет, Иван Никитчук. Они проверяли информацию, полученную от Максимова, и сошлись во мнении, что она правдива. А значит, совершено преступление против России. По материалам проверок уже в 1997 году в Госдуме состоялись закрытые, а потом и открытые слушания. Участники совещаний выработали соответствующие рекомендации, а в адрес президента Ельцина, Генерального прокурора, в Совет безопасности были направлены запросы с требованием дать парламенту соответствующие разъяснения.

Некоторые коллеги посмеивались над генералом, дескать, обратился к Ельцину и ждет, что тот признает ошибку Кремля, сам подключит к работе Генпрокуратуру, Счетную палату, даст поручения правительству. Нет, конечно, Рохлин, как мы уже убедились, простачком никогда не был и в небесах не витал. Направляя запросы в высокие инстанции, он, прежде всего, давал понять, что преступление государственных чиновников зафиксировано депутатской общественностью и замять это дело никому не удастся. Параллельно сам продолжал «копать» тему, и, будьте уверены, информацию он черпал не только из слов Максимова. На его стороне были люди из армейских и иных спецслужб, которые видели в Рохлине последнюю надежду на восстановление законности в стране. Ему помогали десятки «закрытых источников», зачастую находившихся в окружении и Ельцина, и Черномырдина, и многих чиновников, занимающихся ядерными проблемами. За сутки до убийства Рохлин в интервью «Экспресс-газете» заявил следующее: «У меня достаточно документов, чтобы говорить, что некоторые чиновники из

администрации президента работают на иностранную разведку. Я нахожусь очень близко к тому, чтобы обнародовать эти документы, но пока не знаю, сколько времени это займет».

Времени на это ему не дали. А через несколько дней после похорон генерала на Максимова было совершено покушение. Ученый получил сильнейшие травмы, но чудом остался жив. Прошли годы и сейчас связь со Львом Максимовым потеряна. В Госдуму он больше не обращается. Хочется надеяться, что ученый-ядерщик жив и находится в здравии.

Говорит Александр Дмитриевич Куликов, депутат Государственной думы:

— В Госдуме второго созыва была создана Комиссия по проверке фактов коррупционной деятельности высших должностных лиц государства и субъектов Российской Федерации. Полномочиями она обладала очень высокими, имела право предметно интересоваться служебной деятельностью членов правительства, администрации президента, руководителей правоохранительных органов, губернаторов… Если к нам поступала информация по признакам коррупционных деяний чиновников, то этого уже было достаточно для начала проверки. Такими правами нас наделила Госдума своим постановлением в мае 1997 года. А с января 1998-го я ее возглавил.

Когда мы развернули работу, пошел большой поток информации из всевозможных источников по разным должностным лицам, начиная, например, с Черномырдина и Гайдара и заканчивая прокурорами, губернаторами, начальниками УВД разных регионов. Проверка шла не только в отношении должностных лиц, но и по ряду фактов, характеризующих российское правительство в те или иные годы. Среди ярких примеров — обращение американской фирмы по поводу договора, заключенного с Российской Федерацией на поиск так называемого золота партии. Договор подписывал Егор Гайдар. Тогда Ельцин возглавлял правительство, а Гайдар был его заместителем. Суть жалобы заключалась в том, что фирма свою работу сделала, а российское правительство договор перед американцами не выполнило.

Это одно крупное дело, которым мы занимались. А другое, как мне помнится, касалось обращения новосибирского ученого Максимова. Там было два принципиальных момента. Первое — продажа российским правительством 500 тонн обогащенного урана в США по так называемой сделке Гор — Черномырдин. И второй — разработки этого ученого в области ядерных реакторов.

Он придумал принципиально новые принципы работы реакторов, а его изыскания торпедировались в научном сообществе и во властных структурах.

С Рохлиным нам приходилось общаться по ряду вопросов, но проблемы ядерной сделки мы в обсуждениях не затрагивали. А проверку я начал проводить уже после того, как Льва Яковлевича не стало и ко мне приехал Максимов. Мы с ним встретились во второй половине 1998 года.

Честно говоря, в начале скепсис был большой. 500 тонн урана — невероятные объемы… Но потом это стало находить подтверждение из разных источников, в том числе от наших коллег-депутатов. Помнится, я говорил по этому поводу и с председателем Комитета по безопасности Виктором Илюхиным, и он сказал, что да, тут, скорее всего, правда. Хотя глубинную проверку парламент Российской Федерации не проводил.

В рамках этого обращения я от имени Комиссии подписал ряд запросов, касающихся достоверности самого факта договора по продаже оружейного урана. Должен сказать, что мы получили ответы из правительства, Генеральной прокуратуры в конце 1998 года, которые не подтвердили наличия подобного договора и вообще самого факта продажи урана. Во время встречи с Максимовым я ему говорил об этих ответах, на что он сказал, что, вероятно, вам дают недостоверную информацию или неполную. Одновременно наш депутат Владимир Волков, который тогда работал в Комитете по обороне, мне предоставил информацию, что все-таки сделка имела место, но официальными подтверждениями они не располагали. И если в правительстве какие-то документы есть, то, судя по всему, они идут под определенными «грифами».

Один из заместителей председателя правительства мне ответил, что в таких объемах за рубеж уран не продавался. Причем даже Служба внешней разведки тоже факт отправки 500 тонн не подтвердила, а проинформировала о поставках мизерного количества топлива, исчисляемого не то в килограммах, не то в граммах.

Сейчас, спустя время, мы знаем, что договор состоялся, известен его номер, примерное содержание, условия сделки, а тогда правительство от всего отказывалось. Поэтому ответы СВР и других правоохранительных органов заставили нас опять к информации относиться с определенной долей скепсиса. И только в Думе третьего созыва, когда Комиссия изменила направление борьбы с коррупцией, чисто инициативно в Комитете по безопасности вернулись к этой теме. Председателем Комитета уже был Александр Иванович Гуров. Нам стали

известны объемы продаж. Суммарный ущерб бюджету России был нанесен колоссальный— порядка 25 миллиардов долларов. А тогда годовой бюджет страны составлял примерно 40 миллиардов долларов. Мы потеряли практически половину бюджета государства. Причем сделка носила необратимый характер. Ее невозможно было расторгнуть. Осознав тупиковость ситуации, фактически и закончились наши изыскания.

То, что нас вводили в заблуждение, это характеризует место парламента в той политической системе, сами президентские структуры и все правительство.

В Думе шестого созыва тема так называемого договора Гор — Черномырдин пока не поднималась. Хотя я соглашусь с теми, кто считает, что для проверок такого рода нет срока давности. Для политических и морально-правовых оценок, я думаю, время не ушло. Анализируя уровень национальной безопасности России, мы хорошо понимаем, что военному могуществу США в свое время поспособствовало руководство нашего государства. Историческая справедливость должна восторжествовать, мы вправе назвать подлинные имена виновников. Так хотел сделать и генерал Рохлин.

Говорит Иван Игнатьевич Никитчук, депутат Государственной думы:

— Я уверен, что Рохлин не мог обойти стороной этот вопрос, поскольку он непосредственно касался национальной безопасности России. Все-таки 500 тонн оружейного урана отдать американцам фактически задаром, кто мог пройти мимо этого? Я, например, был инициатором проведения в Госдуме Правительственного часа, куда мЫ пригласили бывшего, ныне покойного министра по атомной энергии Виктора Никитовича Михайлова. Он пытался доказать депутатам пользу для России этого соглашения с американцами. Он ссылался на военное время, дескать, тогда страна продавала все, чтобы выжить, вот так и сейчас — если мы не будем торговать оружейным ураном, атомная отрасль может перестать существовать. Это глупость чистой воды.

А истоки этого соглашения, о которых, я больше чем уверен, Михайлов знал, очень простые. Это была середина 1993 года. Перед расстрелом Советской власти. Кремль понимал, что, кроме как уничтожить защитников Верховного Совета, других путей у него нет. Поэтому во время визита в Соединенные Штаты Америки Ельцин дает добро на продажу, а скорее всего, на передачу пятисот тонн оружейного урана, примерно половину нашего запаса. Сам назначает цену — 24 тысячи долларов за

килограмм, что на порядок ниже реальной стоимости. Это фактически были торги— американцы закрывают глаза на то, как будут расправляться с Советской властью, и в октябре Ельцин пошел на то, чтобы расстрелять Верховный Совет из танков. А за невмешательство США получили ядерное топливо. Это не коммерческое, это было политическое решение.

Мы задаром отдали то, что стоило несколько триллионов на то время. Повторяю, я очень хорошо знаю цену 500 тоннам оружейного урана, и продажа его — это не коммерция, а чисто политический договор.

Я проработал в ядерной отрасли в Арзамасе-16 почти тридцать лет и прекрасно знаю, что значит добыть 500 тонн урана. Причем варварски изъяли уран из ракет и кому-то подарили. Это же стратегический материал! Это материал, который можно использовать в оружии. Его можно использовать в энергетике, и одна треть атомных станций США сейчас работают на нашем топливе. Получают электроэнергию практически даром. И это основное топливо, которое будет использоваться в будущем в межпланетных сообщениях, потому что двигатель, который может работать длительное время с возвратом корабля обратно на Землю, это двигатель на ядер-ном топливе. Поэтому это соглашение не просто глупость, а страшное преступление перед народом России.

Лев Яковлевич Рохлин был настоящим патриотом. Болел душой за то, что происходило в стране и в армии. Конечно, он не обошел стороной эту тему. Проводились открытые слушания в Госдуме, закрытые. И поскольку генерал был человеком решительных действий, я думаю, в его планах, о чем догадывались спецслужбы, отслеживающие его деятельность, был и этот договор Гора — Черномырдина. Он знал истинную причину соглашения, мы с ним обменивались мнениями, особенно после открытого слушания, когда выступал министр Минатома Михайлов. Ведь интересно, что соглашение не ратифицировано. Несмотря на то, что мы несколько раз требовали, чтобы это соглашение, затрагивающее вопросы национальной безопасности, как и предусматривает закон, было ратифицировано. На это власть не пошла. А после этого слушания мы с Рохлиным переговорили, и я сказал, что это дело серьезное и в нем надо разбираться. Он очень серьезно отнесся к моим словам и, судя по всему, предпринимал меры для прояснения всех нюансов договора. А вскоре Льва Яковлевича убили.

Мы до сих пор многого не знаем. Договор продолжает действовать и на 99 процентов исполнен. Двадцатилетка заканчивается. Россия получила за 500 тонн урана 19 миллиардов

долларов. Сколько попало в бюджет государства, неизвестно. Там такие коррупционные были схемы, столько вокруг этого было разбирательств и «посадок», что трудно даже точно сказать. Будет ли Госдума к этой проблеме возвращаться? А что можно в этой Думе решить?..

Комментирует ситуацию Юрий Ильич Скуратов:

— Какую сторону этой позорной сделки ни возьми, она со всех сторон ущербна. Сколько жизней людских погубили, пока создавали стратегический запас ядерного топлива, какой огромный нанесли ущерб природе, к примеру, той же Челябинской области, народ, как говорится, рвал пуповину, создавая ядерный щит Родины, а распылили запасы оружейного урана одномоментно и бездарно. И с точки зрения стратегической мы понесли урон, и с точки зрения финансовой, сделку даже юридически грамотно оформить не смогли. Бесспорно, министр Михайлов все это провернул, а нагрели руки многие. Какую сторону этой темы ни возьми, кругом позор для России.

Президент Ельцин принимал решение, Черномырдин вел переговоры, поэтому Генеральная прокуратура вмешиваться в соглашение не могла — как и в случае с поставками оружия в Армению, наши полномочия были ограничены.

Это был период времени сплошных приватизаций и распродажи страны по дешевке. Распродавалось то, что вообще в принципе продавать было нельзя. Пришедшие к власти так называемые демократы не создавали экономический и оборонный потенциал государства, а торговали с легкостью, не задумываясь о будущих поколениях россиян.

Я много раз встречался с новосибирским ученым Львом Максимовым, и он, как и Рохлин, был озабочен передачей оружейного, высокообогащенного урана за океан. И я обеспокоен судьбой Максимова — пропал и не дает о себе знать.

Серьезных материалов по сделке у Генпрокуратуры в то время не было, но я теперь вижу, что по министру Михайлову можно было работать. В то же время к этой теме нас не подпускали и даже на запросы не отвечали. Поэтому по договору занимались мало и не в тех объемах. Роль Рохлина в раскрытии закулисного сговора Гора — Черномырдина просто неоценима — народ узнал, как его обманывают. И узнал тех людей, кто принимал решения и себя полностью дискредитировал.

P.S. Итак, уран продолжает поступать в США до сих пор. Россия обезоружила себя, опустошила собственные ядерные хранилища, понесла катастрофический финансовый урон,

лишилась перспектив самостоятельного освоения дальнего космоса. Лев Рохлин хотел остановить этот беспредел, назвать и наказать виновных. Это задача была сродни его высокому политическому полету, полностью соответствовала его генеральской дерзости, его масштабу личности.

Со смертью Рохлина расследование урановой сделки потеряло перспективу.

ТОЛЬКО ВЛАСТЬ РОЖДАЕТ ОППОЗИЦИЮ

У читателя может сложиться неправильное мнение, если он посчитает, что Рохлин занимался только такими глобальными проблемами, как «урановая» сделка Гора — Черномырдина, незаконными поставками оружия в Армению, установлением причин массовой гибели военнослужащих в Чечне, инспектированием республик Северного Кавказа и т. д. Это были достаточно крупные, но не основные составляющие повседневной работы председателя Комитета по обороне. На первом плане у него, как и у любого другого депутата, были подготовка законопроектов и реальная помощь избирателям, которые ежедневно присылали сотни писем. В каждом из них просьбы, мольба, жалобы, требования. И поскольку Рохлин напрямую по тематике был завязан на Вооруженные Силы, оборонно-промышленный комплекс, военнослужащих, ветеранов, военных пенсионеров, то из этих посланий и личных встреч с людьми, из посещений частей, соединений и предприятий ВПК у него складывалась общая картина совершенно удручающего положения вещей. Армия и флот разгромлены, заводы, выпускающие военную технику, стоят, НИИ прекратили существование, ученые, инженеры, высококвалифицированные рабочие, создававшие русское оружие, выброшены на улицу. Военные по пять-шесть месяцев не получают денежного довольствия, военные пенсионеры влачат нищенское существование. ДОСААФ рухнуло, военно-патриотическая работа прекращена и считается атавизмом советской власти. Что делать? Кому помогать? За что браться?

Рохлин видел, что все проблемы имеют один корень — власть не желает заниматься обороноспособностью государства. Хуже другое, она способствует разрушению Вооруженных Сил, а все остальное лишь производное от этого. Поэтому генерал «без стеснения» начал об этом говорить в Госдуме, писать письма в правительство, в администрацию президента. Невольно его запросы указывали на причины бед военнослужащих. Вот одно из характерных обращений Рохлина на имя Генерального прокурора Юрия Скуратова.

«Мной получена информация о факте самоубийства капитана Битюкова Владимира Викторовича (родился 24 мая 1953 года), проходившего службу в в/ч 95846. Судя по предоставленной информации, самоубийство явилось следствием систематической

невыплаты денежного содержания — единственного законного источника существования военнослужащих. По сути, в отношении потерпевшего (Битюкова В.В.) имели место преступные действия, которые причинили ему физические и психические страдания, в частности, его и его семью лишили средств к существованию. По мнению многих депутатов Комитета по обороне, данный факт соответствует признакам преступления статьи 110 УК РФ «Доведение до самоубийства».

Прошу Вас принять надлежащие меры к возбуждению уголовного дела по данному факту доведения до самоубийства капитана Битюкова В.В. и о результатах сообщить в Комитет по обороне Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Рохлин с болью воспринимал информацию о фактах самоубийства офицеров. Стискивая от ненависти зубы, он нередко говорил: «Летчик застрелился. Зачем? Если решил расстаться с жизнью, то мог бы найти для своего самолета «правильную» цель. Это бы заставило «их» задуматься!».

По данным Комитета Госдумы по обороне, в конце 90-х каждый год от пятисот до шестисот военнослужащих кончали жизнь самоубийством. Причина одна— нечем кормить семью. Нет перспектив в службе, в жизни — вот до чего довела их политика Ельцина. Об этом и писал Рохлин чиновникам. Но из Кремля получал лишь пустые отписки, никто на слова председателя Комитета по обороне не реагировал. И тогда Рохлин обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой принять его с докладом. Ельцин, кое-как избравшийся на второй срок, лишь отмахнулся от депутата, как от надоедливой мухи. Не царское дело слушать всех, кто к тебе желает попасть с докладом. Министры, да что министры, Генпрокурор месяцами ждет аудиенции…

Тогда Рохлин пишет докладную записку в Совет безопасности, где подробно расставляет все точки над «i». Безрезультатно — все занимаются «высокой» политикой.

Следующая попытка пробить брешь в чиновничьем безразличии — личный разговор с председателем правительства. Черномырдин выслушал Льва Яковлевича без интереса, документы взял, пообещал помочь, но слово, как всегда, не сдержал. И Рохлин понял: плевала власть на проблемы Вооруженных Сил, военных и на настырного депутата. Но генерал не тот человек, который молча утрется и отойдет в сторону. Он заставит себя слушать любой ценой. Тем более, ситуация для него предельно упростилась — враг определен. Дальше все, как в Боевом уставе, все, как на войне, — оценка обстановки, сил,

средств, методов борьбы. Вот тогда и было им написано Открытое обращение генерала к Верховному Главнокомандующему и военнослужащим. 20 июня 1997 года — дата начала большого похода Льва Рохлина на президента России Ельцина и созданную им бюрократическую систему управления страной. Но какой же генерал без войск? Его армией должно стать задуманное им Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки».

Работа закипела. Рохлин оперативно создал штаб и организационный комитет по подготовке съезда нового общественного объединения. В его состав вошли представители более 30 общественных организаций военнослужащих, ветеранов, профсоюзов ВПК и гражданского персонала Вооруженных Сил, видные ученые, руководители оборонных предприятий, казачество. 20 июля 1997 года состоялось первое расширенное заседание оргкомитета, в котором приняло участие около 300 человек. Здесь же было поддержано предложение Рохлина об образовании общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». Как говорится, не откладывая дело в долгий ящик, была назначена дата проведения Учредительного съезда Движения— 20 сентября 1997 года. Срокй выделены неимоверно жесткие — два месяца. Создать общероссийскую оппозиционную организацию за это время просто немыслимо, но генерал уверен: справится. Себя загонит, людям не даст ни дня отдыха, но результат будет достигнут. В этом весь Рохлин…

ПОЛЕТЕЛИ!

Я уже упоминал в начале книги, как сам оказался в команде Рохлина. В общем-то, случайно, прочитав то самое Обращение. Улетая в командировку, в лифте Госдумы он поручает мне к его приезду подготовить пресс-конференцию. Она состоялась в Доме журналиста 4 августа 1997 года. Это оказалось знаковым мероприятием. Дело в том, что накануне Ельцин впервые публично отреагировал на выступления Льва Яковлевича и перед телекамерами, краснея от душившей злобы, заявил: «Рохлиных мы сметем!». Это возбудило сильнейший интерес прессы — силком тащить на встречу с генералом никого не пришлось.

В большом зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Камеры стояли везде, где только можно приткнуться. Иностранная пресса, наши, приезжие из глубинки корреспонденты находились в возбуждении. Выслушав непривычные для военного человека слова о несогласии с действиями Верховного Главнокомандующего, Рохлина засыпали вопросами. Три часа не отпускали генерала. Когда пресс-конференция закончилась, довольный результатом Лев Яковлевич пожал мне руку и сказал:

— Через неделю летим опять. Надо будет охватить регионов двадцать. Лучше тридцать. Летишь со мной. Готовься.

Вылетали из Быково на Як-40. Самолетик уютный, оборудованный несколькими диванами и креслами. Не рейсовый. Оказалось, что дали его Рохлину генералы от оборонки, увидевшие во Льве Яковлевиче надежду на восстановление загубленной военной промышленности. Пролетали в сутки два, а иногда и три региона. Программа жесткая: приземлились — ив зал, к людям, уже ожидавшим его. После двухчасового общения Рохлина с пришедшими на встречу переходили к разговору с активом о создании первичной региональной организации Движения в поддержку армии, назначении руководителя. Тут же передавалась необходимая литература, инструкции.

Бывало, что власти отказывались принимать самолет. Прилетаем, а пилотам сообщают, что полосы заняты. Генерал дает команду: «Сажайте на грунт!». Несколько напряженных минут, тряска по ухабам, сердце молотом стучит в груди, смотрю на Рохлина и вижу его уверенный поворот головы. Значит, будет все в порядке. Еще несколько минут, и мы спускаемся по трапу на траву. К самолету через пустые взлетно-посадочные полосы едут машины встречающих…

Кстати о встречающих. Парадокс на парадоксе. Рохлин —

один из лидеров фракции «Наш дом — Россия». Принимают по этикету. В аэропорт приезжали, как правило, заместитель губернатора, руководитель местной партийной организации НДР, начальник военного гарнизона, он же командир соединения, какие-то чиновники. Тут же дожидается первый секретарь обкома КПРФ и несколько активистов, здесь же представители Союза офицеров, Союза советских офицеров, монархисты, черносотенцы, военные, решившие связать себя с Движением Рохлина. Все друг на друга смотрят искоса, все, как говорится, из разных лагерей, в состоянии холодной войны. Позже, если здесь запланирован ужин, вся эта пестрая команда садится за накрытый стол. Две-три рюмки — и разноголосица, сведение счетов прекращаются. Все дружно клянут Ельцина, Чубайса, Березовского, Татьяну Дьяченко, Грачева и тех, кто не дает народу нормально жить. Улетаем, а люди зачастую уже контакты наладили, какие-то планы совместные строят — объединил их Рохлин общим видением проблем.

ВОЕННЫМ, КАК И РАБАМ, ТЕРЯТЬ НЕЧЕГО…

Я уже говорил о том, как трудно в эти годы жилось и служилось военным. Пролито море крови в никому не нужной гражданской войне. Пресса беснуется в соревновании по унижению армию, настраивая граждан страны против людей в погонах. Денежное довольствие не платят, семьи нищенствуют, офицеры и прапорщики от безысходности стреляются. Поэтому на призыв генерала вступать в его Движение откликнулись многие. Причем было немало людей заслуженных, послуживших в горячих точках, настоящих ветеранов военных действий, занимавших большие и малые должности.

Вспоминает Владимир Иванович Фролов, руководитель Оренбургского регионального отделения ДПА:

— Рохлина я встречал на летном поле еще как военнослужащий, подполковник-авиатор. К этому времени я хорошо осознал, что армией никто не занимается, все разваливается. Полетов нет, самолеты стареют в ангарах, топливо не выделяется, новая техника не поступает, зарплату не выплачивают по полгода, офицеров увольняют в массовом порядке. Ельцин и его команда от военных отмахиваются, сжигая их жизни в Чечне. И тут на этом безрадостном фоне появляется генерал, патриот, участник войн, человек авторитетный, болеющий за обороноспособность страны. Я услышал его призыв встать в строй защитников армии. И пока ехали вместе в микроавтобусе, я его внимательно слушал, отвечал на вопросы. Через полчаса стал его представителем в Оренбуржье. С тех пор живу по заветам Рохлина. И не только я один — нас десятки тысяч. Портрет генерала стоит на моем рабочем столе, и я, и вся Оренбургская организация ДПА живет, борется и защищает народ, военных и Вооруженные Силы под знаменем Рохлина. Его идеи и дела живут.

Вспоминает Валерий Васильевич Ходырев, первый руководитель Удмурдской республиканской организации ДПА, г. Ижевск:

— К 1997 году я уже был полковником запаса, а до этого служил главным штурманом авиационной дивизии, той самой, самолеты которой группа русских летчиков на свой страх и риск перегнала с территории Украины в Россию. В это время возглавлял Союз офицеров и являлся секретарем

республиканского комитета КПРФ. Генерал с призывом поддержать его в создании ДПА обратился к ряду партий и общественных организаций, поэтому старшие товарищи сразу на меня в Ижевске рассчитывали. Я не только к этому времени слышал о Рохлине как о герое штурма Грозного, но и прочитал его Обращение к Верховному Главнокомандующему. Поэтому долго не раздумывал, а еще по телефону дал согласие Льву Яковлевичу возглавить его организацию в нашем регионе. Через две недели, в августе 1997 года, я уже встречал Льва Яковлевича в Ижевске.

Вспоминает Владимир Владимирович Голубев, руководитель организации ДПА Московской области:

— В то время я служил в пресс-центре Сухопутных войск и по просьбе товарища пригласил ряд журналистов на учредительную конференцию Московской областной организации ДПА. Естественно, присутствовал и сам. Там и услышал выступление Рохлина. Его слова были настолько убедительны, что у меня не осталось сомнений — я должен встать в ряды создаваемой организации. До сих пор перечитываю слова Льва Яковлевича, которые тогда записал «Мы не должны дожидаться, когда наступит хаос. Если нам ясно, что он наступает, то все здравые силы, и в том числе армия, должны объединиться и сказать: «Стой!»… Если мы извлечем вывод из тяжелого прошлого, то сохраним Россию, не дадим стране развалиться, Россия не выживет, если за нее не бороться».

В дальнейшем мне часто приходилось с ним общаться, его уверенность в словах передавалась нам, вселяла уверенность. Мы видели в нем не только генерала, но и патриота, борющегося за свою страну. Чему нас научил Рохлин, что он дал нам, останется в каждом участнике Движения навсегда.

Из воспоминаний Владимира Ефимовича Морозова, генерал-майора в отставке, первого заместителя председателя Движения:

— Помню, как живо отреагировали все генералы и офицеры на Обращение Льва Рохлина к Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами России и военнослужащим. Стало ясно, что вот сейчас каждый из нас должен определить для себя, как жить дальше. Или по-прежнему смотреть, как Ельцин разрушает страну и армию, или вместе с председателем Комитета Госдумы по обороне попытаться прекратить эту вакханалию. В первом случае можно делать вид, что ничего не произошло, и дальше убаюкивать свою совесть. А можно по призыву генерала встать в строй патриотов в военной форме. Для меня выбор был очевиден

— я с Рохлиным.

Уже при первой встрече Лев Яковлевич определил направление работы. «Нам не нужна такая власть, — говорил он. — Сменим ее — спасем страну, спасем армию и флот».

Вспоминает Владимир Викторович Федосеенков, офицер ГРУ, ветеран войны в Афганистане, некогда заместитель председателя Союза офицеров:

— Как только наша организация ознакомилась с Обращением Рохлина к Верховному Главнокомандующему и военнослужащим Вооруженных Сил России, мы тотчас пришли к нему в Государственную Думу и изъявили желание работать под его руководством. Вскоре генерал начал создавать Движение, и я как представитель Союза офицеров летал с ним на самолете по регионам страны. Помню, как меня потрясло увиденное. Рохлин за сутки проводил по восемь-девять встреч с гражданами, а вечером ехал в любой местный госпиталь на перевязку. Оказывается, у него после Чечни были изранены ноги и все не заживали. Все бинты в крови. А перед тем, как стать депутатам, Льву Яковлевичу, оказывается, еще и шунтировали сердце. Организм давал сбои, но сила духа у этого человека была необыкновенной. Утром он опять бодр, готов к работе. Тогда еще подумалось, что вот именно такие генералы и могут добыть славу русскому оружию, защитить страну, победить любого врага.

Можно привести массу воспоминаний военнослужащих, которые поверили Рохлину и пошли за ним. Не просто в общественно-политическую организацию, преследующую обыдённые цели социальной помощи. Офицеры ясно понимали, что встают в строй фактически по мобилизации, под известным стране лозунгом — «Родина в опасности!». Им, как рабам, терять было нечего — Ельцин отнял все. Он надругался над ними, их семьями, над армией и всей Россией. А значит, надо идти в бой, спасать страну. Вот такое настроение преобладало у сподвижников Рохлина. Их вначале было сотни. Потом тысячи. Потом миллионы людей встали на сторону генерала. Но это будет потом. А в самом начале, готовя Учредительный съезд Движения, он лично побывал в 43 регионах страны, более чем в 60 областях и республиках России прошли учредительные конференции, которые избирали руководителей организаций и готовили делегатов в Москву.

ЗА КУЛИСАМИ БОЛЬШОГО ДЕЛА

Мы работали как пчелы — другого сравнения не нахожу. Штаб ДПА напоминал растревоженный улей. Десятки телефонных аппаратов беспрестанно гудели от звонков, голоса хрипли от натуги, сквозь помехи неустойчивой проводной связи офицеры пытались докричаться до Владивостока, Хабаровска, Оренбурга, Ижевска, Йошкар-Олы… Тут же сутками напролет надрывно гудел мощный ксерокс, группа молоденьких девушек запечатывала и подписывала для отправки конверты. Адреса всевозможные — Кремль, воинские части, военкоматы, газеты, телевидение. Утром и к ночи, всегда неожиданно, но стабильно собирал всех Рохлин — то он требовал отчета о проделанной работе, то ставил новые задачи. О спокойном течении его речи в такие моменты говорить не приходится, его слова и оценки не всегда были дипломатичны и корректны. Если честно, то со всех, невзирая на прежние звания и должности, генерал «драл три шкуры». Без обид и пререканий не обходилось, но Лев Яковлевич умел взбунтовавшихся «задавить авторитетом». Не выдержал и я, прямо на собрании заявив, что вот сейчас выскажу все как есть и уйду. Дескать, сил больше нет каждый день получать новые задачи, не закончив прежние, видеть задерганных товарищей, которые выкладываются от и до, а их незаслуженно укоряют в нерасторопности.

Интересная получилась реакция на это выступление людей и самого Рохлина. Меня неожиданно поддержали и в глаза генералу — кто корректно, а кто тоже по-командирски — высказали свои претензии. Дескать, давайте работать планово, без дурацких авралов, все свои обязанности знают и ленивых тут нет. Словом, бунт на корабле. Лев Яковлевич народ выслушал, не перебивал, а потом сказал:

— Да, возможно, вы правы. Я бываю несдержан, бываю груб, бываю несправедлив. Но я же не сволочь! Мы с вами взялись поменять власть, на нас огромная ответственность, и места мелким обидам быть не должно. Поэтому вы обязаны сегодня же сделать следующее…

Рохлин был неисправим. Он видел цель— все и все должны были ей подчиняться. Мне же через полчаса после совещания неожиданно протянул руку, обнял и заявил:

— Ну куда ты денешься? Раз мы с тобой запряглись, то будем вместе тянуть эту повозку до конца. Давай напрягись, чтобы к съезду все СМИ были оповещены, «пришли» телекамеры, причем пусть будут даже иностранцы. Нам нужен резонанс!

И я побежал работать дальше. Никто из штаба не ушел.

10 сентября произошло событие, которое заставило всех переволноваться. До этого «Наш дом— Россия» несколько раз предлагало генералу покинуть это объединение добровольно, как говорится, по собственному желанию, но Лев Яковлевич уходил от ответа. Публично говорил: «Не дождутся! Я буду их разваливать изнутри!». И его позиция была известна всей стране. А 10 сентября вечером телевидение показало, как Черномырдин и Рохлин дружелюбно общаются, после чего диктор объявил о инициативе генерала выйти из НДР. Внешне выглядело некрасиво — пообщались, поулыбались, о чем-то договорились, и Рохлин по-доброму написал заявление о выходе, словно власть и мятежный депутат пришли к обоюдному «консенсусу». Получалось, что генерал вроде бы уже никакой и не мятежный, а вполне ручной.

В ту ночь я оставался в штабе ДПА, чтобы в 4 утра выехать с Рохлиным в Тулу, где у депутата намечалась встреча с жителями этого края. Но к приезду Рохлина сюда уже «прилетело» несколько наших людей, озабоченных этим телевизионным сюжетом. Такой ажиотаж вокруг его выхода из НДР удивил Льва Яковлевича:

— Что тут страшного? Да, я не готов был выходить из НДР, а вчера решился. Мы же на Оргкомитете обсуждали вопрос. Это даже не политический шаг, а организационно-регистрационный, что ли…

Мы бросились ему хором объяснять, что внешне все выглядело, как какой-то сговор с властью. Или вас, мол, там чем-то прижали, или купили — именно так это будет расценено и прессой, и общественностью, если не объяснить и не расставить все точки над «i». Рохлин, повернувшись к Ачалову, вопросительно посмотрел на него. Тот развел руками и показал глазами на нас с Антиповым — этим парням, занимающимся СМИ, дескать, виднее. И тогда Лев Яковлевич впервые спросил нас:

— Что же делать?

Повисла пауза. И генерал, давая команду на посадку в микроавтобус, заявил, обращаясь ко мне:

— Волков, ты поднял волну, ты и думай, как мне комментировать ситуацию!

Вот это по-военному— инициатива всегда наказуема. Перед подъездом к Туле он повернулся ко мне:

— Ну что?..

— Через десять дней — Учредительный съезд Движения. Лидер не может одновременно состоять в двух противоположных по идеологии общественных объединениях. Значит, выбор у вас один…

Микроавтобус остановился возле ДК, Рохлин открыл дверь, и к нему толпой бросились журналисты. Первый вопрос — прокомментируйте ваш выход из НДР. Лев Яковлевич чуть оглянулся на меня и уверенным, как всегда, тоном сообщил:

— Через десять дней состоится Учредительный съезд Движения. Лидер не может одновременно находиться в двух противоположных по идеологии общественных объединениях. Я, естественно, выбрал то, которое ближе душе, сердцу и гражданам России. Это Движение в поддержку армии. Мы его создаем для того, чтобы подобных «Нашему дому — Россия» пропрезидентских партий и фракций, защищающих антинародный режим, не существовало…

В этот день на него наседали журналисты еще несколько раз. И на пресс-конференции он уже в подробностях рассказал, как реально обстояло дело. У меня сохранилась запись пояснений Льва Рохлина:

«Мы понимали, что руководству НДР было крайне не выгодно объявить о моем исключении. В этом случае НДР рисковало потерять значительную часть своих сторонников. Поэтому оно тянуло время, пытаясь добиться моего добровольного ухода.

Добровольный выход из НДР на первом этапе работы по созданию общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» был на наш взгляд не целесообразен. В то же время, при наших встречах в регионах, постоянно и настойчиво ставился вопрос о моем выходе из НДР. Высказывалось непонимание ситуации одновременного нахождения в правительственном и оппозиционном движениях. Кроме того, приближается день Учредительного съезда ДПА. До него осталось 10 дней. Оргкомитет рекомендовал мне по собственному усмотрению выбрать время выхода и заявить на заседании фракции.

Вчера, 10 сентября такое заседание состоялось. И я пришел на него с готовностью сделать заявление о своем выходе. Во время заседания получил записку от А.Н. Шохина с приглашением переговорить в перерыве с Виктором Степановичем Черномырдиным.

В ходе разговора я сказал, что находясь в НДР, искренне верил, что могу способствовать изменению к лучшему ситуации в армии. Но в течении полутора лет, несмотря на все мои усилия, армия и оборонная промышленность продолжали катиться к своему развалу. Фракция НДР ни в чем не поддержала меня. Даже в вопросах борьбы с коррупцией. Мало того, зачастую, ее представители открыто мешали, пытаясь задержать проведение прогрессивных законопроектов.

Я заявил премьер-министру, что при таком подходе правительственного движения и его фракции в Госдуме, армия и оборонная промышленность обречены на полное уничтожение.

Черномырдин по многим позициям не согласился со мной. Он обратился ко мне с просьбой: добровольно выйти из НДР и покинуть должность председателя Комитета по обороне.

Решение о моем выходе из НДР уже было принято Оргкомитетом Движения. И оставалось только выполнить его. В то же время я отказался добровольно покинуть должность председателя Комитета Госдумы по обороне, высказав Виктору Степановичу, что меня принимали в НДР таким, какой я есть. А о своих взглядах и позиции я заявил с самого начала предвыборной кампании в составе НДР. И стал председателем Комитета с этими взглядами. Никогда своей позиции не менял. Всегда выполнял то, что обещал своим избирателям: боролся за армию, за Россию, за ее безопасность.

Считаю, что нам необходимо приложить все усилия для сохранения за представителем Движения должности председателя Комитета Госдумы по обороне. Это позволит нам эффективнее влиять на решение проблем армии и оборонной промышленности.

Сегодня уже 156 депутатов Госдумы высказались за создание внефракционного движения депутатов в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки. Реализация этого намерения станет еще одним условием, которое позволит нам эффективно работать над решением проблем обороны и безопасности страны…»

На обратном пути он остановил наш микроавтобус в лесу и приказал всем плеснуть в пластиковые стаканчики по две-три «бульки» водки. Мне же налил своей рукой полный стакан «булек» и с доброй иронией заявил: «Молодец, сориентировался. Почти гений…» Когда выпили, тем же тоном добавил: «Но не задавайся, а то возомнишь…» Рохлин есть Рохлин, последнее слово всегда за ним.

Чем ближе подходил объявленный срок проведения съезда, тем напряженнее становилась работа. В штабе засиживались допоздна. Возвращаясь домой, мы с товарищами с удивлением каждый раз обнаруживали, что Москва живет своей жизнью, — люди гуляют по вечерним улицам, сидят в уютных кафешках, шумят в прокуренных пивных. Словно ничего и не происходит. Мы вот замышляем такое огромное дело, которое перевернет все в стране, а люди думают о том, как попасть в Кремлевский Дворец съездов на Копперфильда. Кстати, фокусник в одном из интервью прошелся по загадочной русской душе, не догадываясь,

что говорит о Рохлине. А дело было так.

Копперфильд давал в Москве четыре концерта. Билеты продавались по заоблачным ценам, но Кремлевский Дворец был неизменно набит публикой. Перед отъездом в Санкт-Петербург в одном из интервью этот маг и чародей что-то обронил о загадочности русской души. Один «писака» поинтересовался, в чем, на его взгляд, это выражается. Ответ оказался неожиданным:

— Только русский может заплатить кучу денег и все мое представление добросовестно проспать. Удивительная страна. Удивительные люди…

Оказалось, что этим «проспавшим» был генерал-лейтенант Рохлин. Билеты «на Копперфильда» купила жена. Когда же Лев Яковлевич отказался «заниматься ерундой», она устроила маленький скандал. Генерал, и так мало уделявший ей внимания, на этот раз сдался почти без боя. Но армейская привычка целесообразно использовать любую свободную минуту взяла верх. Да и усталость, накопившаяся за бессонные ночи, дала о себе знать. До 20 сентября оставалось несколько дней…

В это время остро встал вопрос о помещении, где могли бы собраться полторы-две тысячи делегатов. Большой «хурал» в лице председателей Комитетов Госдумы: по делам ветеранов— генерала армии Валентина Варенникова; по промышленности, строительству, транспорту и энергетике — Владимира Гусева; по конверсии — Георгия Костина; депутатов Игоря Братищева, Альберта Макашова, генералов Игоря Родионова, уже к тому моменту покинувшему пост министра обороны, Владислава Ачалова, Юрия Панкратова, Михаила Титова, Владимира Морозова, известного в стране и за рубежом директора оборонного предприятия Алексея Шулунова и еще ряда других людей, составляющих мозговой центр, собирались и решали этот важнейший вопрос. Куда, как говорится, ни ткнешься, везде получали отказ. Кремль хорошо знал положение вещей в ДПА и действовал на опережение. И тогда Рохлин через руководителей ряда депутатских объединений обратился к руководству Государственной думы с тем, чтобы на 20 сентября нам дали Парламентский центр, находившийся тогда на Трубной площади. Надо думать, по этому вопросу в верхах происходила большая борьба, но история о ней умалчивает. Буквально в критический момент, дня за два до мероприятия, проблема разрешилась положительно.

— Расслабляться рано, — предупредил нас Рохлин. — В любой момент может все измениться. Окажется, что Парламентский центр заминирован, или там произошел пожар, или прорвало водопроводные трубы, и срочно начался ремонт…

Будьте готовы переориентировать приезжающих делегатов на другое место сбора. Если такая «непредвиденная» ситуация произойдет, я вам сообщу новый адрес.

Генерал и здесь оставался тактиком и стратегом— как говорят военные, имел запасной район сбора, но где — тайны не раскрывал.

Во избежание провокаций, а Рохлин и это допускал, кроме штатных представителей Федеральной службы охраны, нам не подчиняющихся, планировалось на улице выставить посты от Союза офицеров и Союза советских офицеров, внутри здания контролировать безопасность делегатов должны были ребята из охранной организации советника Рохлина по безопасности Михаила Романова и казаки атамана Михаила Филина. На входе пропускать делегатов и гостей поручалось тем, кто в принципе знал людей в лицо, по пригласительным билетам с подписью начальника штаба организации генерала Владимира Морозова. Журналистов встречал я сам, проверял удостоверения прессы, сверял списки аккредитованных. Но на съезд приходили и люди «незапланированные», с которыми надо было разбираться оперативно на месте. «Городских сумасшедших», естественно, отсекали, а парней, скрывавшихся от ельцинской охранки, но появившихся в Москве ради участия в съезде, мы пропускали. В частности, ребят из рижского ОМОНА, попавших в международный розыск по милости предательской национальной политики Кремля.

Словом, Учредительный съезд ожидали, как на иголках. Что нам принесет 20 сентября, не знал никто. Естественно, волновались. Лишь Рохлин с самого утра излучал уверенность и полное спокойствие. Спланировав «боевую операцию», он предусмотрел все повороты событий и на любую «вводную» мог отреагировать адекватно. Его солдатами на этот раз были офицеры и генералы, на которых он мог полностью положиться. Осознавая это, мы испытывали чувство гордости, единения, боевого братства в ожидании грядущих больших дел.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД

20 сентября 1997 года в Парламентский центр на Учредительный съезд Общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» прибыли делегаты от 68 региональных отделений ДПА, представители 17 общественных объединений, гости от партий, ветераны, работники ВПК, военнослужащие. В зале присутствовало 165 депутатов Федерального Собрания, работники Министерства юстиции, наблюдатели из Кремля и мэрии Москвы. Пресса представлена 167 журналистами из 12 государств. Всего набралось более двух тысяч человек. Это был настоящий триумф.

С докладом выступил Лев Рохлин. Он вспомнил июльское Обращение к Верховному Главнокомандующему, которое фактически дало старт рождению мощнейшей волны народного протеста. «В этом документе была не только моя личная позиция, — сказал **oh.j**— Обращение отражает позицию всех патриотов Вооруженных Сил и России. И поскольку президент и его правительство продолжают придерживаться курса на разрушение армии и оборонной промышленности, мы объединяем свои силы и создаем Движение».

Генерал привел страшные цифры, которые доказывали антинародную суть ельцинского режима. Только в Вооруженных Силах около 100 тысяч семей военнослужащих и около 150 тысяч семей граждан, уволенных с военной службы, на то время не имели жилья. Люди месяцами не получали денежного довольствия, солдаты и матросы голодали. На улицах населенных пунктов и даже в Москве и Питере можно было увидеть мальчишек в военной форме, которые просили прохожих купить им хлеба. А власть, доведя людей до края, совершенно неуместно начала проводить так называемую военную реформу, а фактически окончательное уничтожение армии и флота.

— Мы не верим нынешнему правительству в правильности выбранного им курса военных реформ, так как без проработанной должным образом концепции и программы военной реформы, без необходимого финансового обеспечения и социальной поддержки любые преобразования обречены на провал, — подчеркивал Рохлин. — К маю 1998 года Вооруженные Силы сократят на 700 тысяч военнослужащих. Десятки тысяч офицеров и прапорщиков будут выброшены на улицу без выходного пособия и квартир, так как денег у правительства нет. Произойдет очередной обман военнослужащих в виде выдачи им жилищных сертификатов,

ничем не обеспеченных.

Сейчас, заново перечитывая доклад Рохлина на этом съезде, я с горечью нахожу подтверждение практически всем его предупреждениям. Как он и предполагал, в последующем пошли массовые увольнения, сертификаты, выданные, на получение жилья, так и остаются просто бумажками, квартиры из сотен тысяч получили единицы. Полтора десятилетия после смерти Рохлина фактически не повышалось денежное довольствие, компенсационные выплаты задерживались, пайковые деньги после многолетних невыплат были отменены. Генерал говорил на съезде, что власть пойдет на упразднение социальных льгот по оплате жилья и коммунальных услуг, бесплатного проезда на общественном транспорте и т. д. И эти его предсказания, к сожалению, сбылись. Воровство, коррупция, обнищание народа, рушащийся авторитет России, продвижение НАТО на Восток — все это результат управления страной, когда правителя волнует лишь одно — сохранение власти.

— Шесть лет правления Бориса Николаевича Ельцина убедили нас в том, что он способен только на обещания, а результатами его действий может быть только разрушение, а не созидание. Это подтверждается развалом во всех сферах жизни, всеобщей деградацией и углубляющейся нищетой большинства народа. До тех пор, пока Ельцин будет у власти, Россия будет разрушаться и гибнуть, — говорит генерал с трибуны съезда.

А далее Рохлин делает вывод, который уже давно назрел и точно характеризовал образ мыслей генерала:

— Мы не можем с этим согласиться. По нашему глубокому убеждению, президент уже сейчас, а не в 2000 году должен уйти в отставку… Это мнение большинства патриотов России вне зависимости от их социальной и политической принадлежности…

Помните, к какому выводу пришел генерал, когда его не устраивал забывший о Вооруженных Силах и цене солдатской жизни министр обороны Грачев? Или слабый и бесхребетный, по его мнению, руководитель ГВП? Тогда, решил Рохлин, они должны уйти и освободить место для тех, кто способен умело и эффективно работать. В итоге так и получилось. А еще в бытность его командования корпусом он так же предпринимал решительные меры в отношении офицеров, не способных справляться с обязанностями. Тогда это выглядело чрезмерной жестокостью. Сейчас — требованием времени. Ельцин не устраивает народ, разрушает Россию и ее Вооруженные Силы, погряз в коррупции и властолюбии — значит, должен уйти.

Принцип простой. Возможно, примитивный, но страна по горло «нахлебалась» экспериментов. Череда откровенно слабых и

эгоцентричных руководителей государства довела народ до послевоенного уровня жизни. Но тогда недоедали и терпели лишения, восстанавливая экономику и веря в светлое будущее. Теперь люди никому и ни во что не верили. Даже парламентским партиям, которые не вышли на баррикады, а вели борьбу с режимом с высоты думской трибуны. Но вот пришел генерал и быстро поставил простую и ясную задачу — отправить президента в отставку любой ценой. Какой? Рохлин и здесь имел четкую позицию:

— Есть только три варианта отстранения Ельцина от руководства страной:

его собственное решение на оставление поста президента по состоянию здоровья;

отрешение от должности по решёнию Федерального Собрания Российской Федерации;

вынужденное оставление поста президента.

Лучшим вариантом для России было бы собственное решение Бориса Николаевича об оставлении поста. Страна с пониманием отнеслась бы к его решению. Но мы уверены, что ближайшее окружение не позволит ему сделать этот решительный и мудрый шаг.

К сожалению. Конституцией Российской Федерации предусмотрен такой сложный механизм отрешения президента от власти, что и второй вариант останется практически нереальным.

Остается только третий вариант— конституционными действиями поднять народ на мирные акции протеста и заставить Б.Н. Ельцина сложить с себя полномочия президента Российской Федерации. И это будет одной из основных задач Движения. При этом нам необходимо принять все меры, чтобы не допустить возможных антиконституционных действий власти против народа…

Это ключевые слова в понимании всех дальнейших действий руководителя Движения в поддержку армии. Это его программа. И когда кто-то кричит, что Рохлин готовил военный переворот, подбивал войска направить оружие против режима и пойти на Кремль, установить диктатуру железного кулака, привести к власти подобие чилийской хунты, этим людям надо сменить тон. Быть посдержаннее в полете собственных фантазий. Не приписывать генералу того, чего нет и не было. Вот здесь, в своем докладе на Учредительном съезде ДПА, Лев Рохлин предельно ясно все сказал. Продемонстрировал программу дальнейших действий и последовательно ее исполнял.

А что, разве мало было сказать: Ельцин, уйди! Когда это звучит из уст простого человека — это одно, для власти это

комариный писк. Когда с трибуны Государственной думы то же самое скажет лидер какой-нибудь оппозиционной партии — режим скептически ухмыльнется. Но когда об этом заявляет боевой генерал, собравший вокруг себя людей военных, привлекший на свою сторону промышленников, научную интеллигенцию, казачество, шахтеров, профсоюзы, переходящие к нему в полном составе партийные организации, кого тайно и явно по разным причинам поддерживали люди с тугими кошельками, Кремль напрягся и принял слова Рохлина всерьез. Это уже были не шутки. Это убыла угроза.

А Рохлин продолжал:

— После его отставки в кратчайшие сроки следует создать коалиционное правительство народного доверия. Это правительство должно решить две задачи: обеспечить действительно свободные выборы нового президента, принять необходимые экстренные меры по использованию сырьевых, энергетических ресурсов, производственного потенциала в национальных интересах, и прежде всего для немедленного повышения уровня жизни народа, в том числе и военнослужащих.

Генерал не метил на место Ельцина. И это правда. Многие не верят. Но не те, кто его хорошо знал. Мы, участники событий, близкие его соратники, знали, что для себя Лев Яковлевич выбирал место второго плана, не главы государства, это точно. Наверное, там, где решались бы вопросы национальной безопасности государства и Вооруженных Сил. Но стоило бы вновь избранному правительству начать пробуксовывать или стать на путь, по которому уже шли Горбачев и Ельцин, я уверен, Рохлин бы вновь сыграл команду «Тревога!». Несомненно.

На Учредительный съезд нового Общероссийского общественного движения приехали видные политики, и многие из них выступили. Поздравляли делегатов Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, представители Белоруссии, Украины. Все они хорошо осознавали, что в России появилась новая организация военных людей, претендующая в оппозиции на лидерство. Она молода, но ее дерзкие лозунги привлекают миллионы граждан обнищавшей страны. С ней следует считаться.

Съезд принял постановление о создании Общероссийского общественного движения, Программное заявление, Устав, избрал Исполнительный комитет и другие руководящие органы.

Работа началась.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ БОЯ

Триумфальная поездка по стране, Учредительный съезд, доклад на нем Рохлина широко обсуждались в прессе. На встречах с журналистами, настроенных, как правило, доброжелательно, шел весьма содержательный разговор. Новая звезда, взошедшая на политическом небосклоне, живо интересовала жителей городов, в которых побывал генерал. Газеты, телевидение на первых порах достаточно полно освещали такие визиты. Когда губернаторы начали одергивать местных журналистов, региональные информационные агентства хлынули в Москву, чтобы обо всем узнавать из первых уст. Тогда чиновники нажали на руководителей СМИ, те — на своих наемных работников. Заскрипели перьями ушлые ребята, готовые за тридцать три сребреника опорочить родную мать. ДПА и его лидера начали планомерно втаптывать в грязь. Тогда генерал подготовил обращение к журналистам, и мы его разослали во все крупные издания и телекомпании. Вот что писал Рохлин:

«Вас называют четвертой властью, людьми, создающими общественное мнение, возносящими одних на политический Олимп и низвергающими других, вчерашних кумиров миллионов. Но я хочу обратиться к вам не как к профессионалам, а как гражданам страны с обостренным чувством справедливости. Прошу об одном — будьте объективны, проявите свою гражданскую самостоятельность в оценке событий.

В который раз в XX веке Россия стоит перед выбором. В который раз бывшие сослуживцы, друзья и даже родственники оказались по разные стороны баррикад. В ваших силах сделать их единомышленниками, заставить задуматься — правильно ли они живут, помочь ответить на вопросы: что такое свобода и человеческое достоинство, кто нас толкает в нищету и бесправие?

Журналисты много ездят, много видят, ваши фото- И видеокамеры снимают не только министров, губернаторов и бизнесменов. Очень часто мы видим на телеэкранах протестующий народ с ожесточенными лицами, безумными глазами, бездомных в лохмотьях, стариков, роющихся в помойках. Их миллионы, кого нынешняя власть довела до последней черты. Но ведь это все наши граждане, чьи судьбы не менее трагичны, чем в шолоховском произведении «Судьба человека». Не горько ли вам за свою страну? Разве не хотите вы ей помочь встать с колен и отряхнуться?

Нет смысла топтать и без того униженных. Нет смысла превозносить незаслуженно оказавшихся во власти. Есть смысл

только один — правдой и высокой идеей равенства и справедливости объединять народ ради светлого будущего России. Ваше призвание — в кромешной тьме освещать дорогу, по которой пойдут миллионы».

Это обращение многих отрезвило, и со временем информационная блокада была прорвана. Да и кремлевские чиновники, видя, что президент перестал реагировать на газетные выступления Рохлина, свой пыл поубавили. Говорят, что Ельцин, при всех его отрицательных качествах, редко вмешивался в работу прессы, считая свободу публикаций любой информации завоеванием демократии, которую он привнес «россиянам». Но на самом деле думается, что он просто не видел газет, «острые» статьи от него прятали, а практикуемые тогда дайджесты целенаправленно фильтровали. Согласитесь, какой бы здравомыслящий президент, обладая всей полнотой власти и столь взрывным, как у Ельцина, характером, не закрыл издание, которое разместило бы у себя подобное вышедшее в питерской «Смене» интервью?

«— Лев Яковлевич, при всех заверениях в том, что Движение в поддержку армии носит неполитический характер, вокруг вашего имени развернута политическая борьба. Коммунисты, судя по всему, перетянули вас к себе и, по слухам, оплачивают ваши поездки по стране. Так что же Лев Рохлин в политике — самостоятельная фигура?

— После того как я разуверился в возможности конструктивно работать с «партией власти» в вопросах обеспечения обороноспособности страны и обратился к президенту с известным посланием, возник вопрос: «Что делать дальше?». В попытках ответить на этот вопрос и возникло понимание того, что общественное мнение осталось единственным, к чему можно было обратиться за поддержкой. На первом этапе у нас не было политической цели. Мы собирались лишь привлечь общественное внимание к проблемам армии и оборонной промышленности. Мы рассчитывали на поддержку общественного мнения в борьбе за армию, за обороноспособность страны. Хотели заставить власти повернуться лицом к этой важнейшей государственной проблеме.

И когда были в вашем городе, то говорили именно об этой задаче. Именно в Санкт-Петербурге нас настигла весть о том, что президент пообещал «смести Рохлиных». Таков был ответ властей.

Позднее, когда мы проехали по первым четырнадцати областям России, то поняли, что реакция президента вызвана не эмоциональным порывом. Причины лежат куда глубже. От общественности скрывается катастрофическое положение не

только в армии, но и в стране в целом. Промышленные предприятия стоят. Сельское хозяйство пришло в упадок. Финансовое положение подавляющего большинства регионов не выдерживает критики. И можно только удивляться тому оптимизму, с каким представители власти говорят о грядущем царстве благоденствия.

Лично у меня сложилось впечатление, что президент все это знал и поощрял спектакль, разыгрываемый своими приближенными. Иначе с чего бы он так отреагировал на мое Обращение?

Ведь если бы я был не прав, президенту не было нужды «сметать» ни меня, ни тех, кто поддержал мое Обращение. Подумаешь, генерал восстал. Мало ли их восставало последние годы? Тем более ни в политике, как утверждают, ни в экономике генерал ничего не смыслит. Чего беспокоиться, коли в стране все нормально: народ сыт и доволен, экономика процветает, армия сильна, безопасность страны обеспечена. Пусть себе кричит. Люди- то видят, как оно есть.

Но в том-то и дело, что не в генерале проблема. И не в его дерзости. Генерал, основываясь на знании дел в вопросах обороны, раскрыл общую ситуацию в государстве. И это страшно. Надо «смести».

А мы, в свою очередь, сделали вывод, что без изменения политического курса руководства страны невозможно решать никакие другие проблемы. Нынешний режим доказал, что не способен на конструктивные шаги. Поэтому он должен уйти.

Так сформировалась политическая позиция нашего Движения.

То, что нас поддержали коммунисты, это лишь фрагмент из общей картины. Сергея Глазьева, Мартина Шаккума, Леонида Шебаршина вряд ли можно отнести к числу людей с ортодоксальными коммунистическими взглядами. Нельзя отнести к ним и представителей Союза промышленников и предпринимателей.

А сказки о финансировании коммунистами наших поездок по стране — это лишь уловка властей, которые продолжают пугать людей жупелом темного коммунистического прошлого. Уловка эта уже потеряла значение. Режим не смог доказать, что способен построить светлое демократическое завтра. Он умудрился опорочить даже само слово «демократия».

В стране достаточно здравомыслящих людей, обладающих большими финансовыми возможностями и готовыми поддержать нас. И дело не в том, что они придерживаются каких-то идеологических догм, а в том, что у них болит душа за Россию.

Те, у кого она болит, сегодня вынуждены идти в политику. И совсем не в ту, которую проводят нынешние власти.

— Вас упорно представляют лидером (часто «свадебным генералом) ближайшего путча. Как вы собираетесь все же провести осень?

— Не думаю, что можно быть одновременно лидером путча и «свадебным генералом». У меня была полная возможность быть последним. В НДР я мог бы жить сыто и спокойно. Условие одно: молчать и не высовываться.

Кстати, путчи тоже готовятся втихомолку. Никому об их подготовке не сообщают. Мы же не заговорщики. Мы действуем открыто. И о своих намерениях говорим во весь голос: режим, ведущий страну к катастрофе, должен уйти.

При этом мы уверены — режим не уйдет добровольно. Он будет продолжать цепляться за власть и попытается привести в действие созданную им огромную машину подавления инакомыслия. Но тогда всем станет ясно — итоги шестилетней деятельности режима не результат непреднамеренных ошибок, а целенаправленная, продуманная политика геноцида народа и развала страны.

Все говорит о том, что режим готов пролить море крови, лишь бы удержаться. В ход пойдут и ложь, и танки.

Иначе, зачем было все прошедшие годы с завидным упорством разваливать армию и одновременно наращивать полицейские силы? Зачем было ставить под контроль все средства массовой информации? Зачем концентрировать в одних руках все финансы?

Я не знаю, как пройдет осень. Но если мы увидим, что народ больше не может терпеть, мы поддержим его. И все вместе заставим режим уйти. Мы, повторяю, не заговорщики. Мы ориентируемся не на тайные сговоры, а на народную волю. В этом наша сила.

— Вы неоднократно утверждали, что власть намерена развернуть хитроумную кампанию по вашей дискредитации. Не переоцениваете ли вы свою роль в сегодняшней политике? Вот Лебедь — тоже был грозен, а сейчас о нем и не слышно.

— Политик я неискушенный. Я не умею лавировать, не умею приспосабливаться, играть словами. Но я привык реально смотреть на вещи. И как военный, шесть с половиной лет провоевавший, считаю самым страшным — переоценить свои силы и недооценить противника. А противник сегодня весьма искусный. Он не простит ни малейшей ошибки. Если же ошибок не совершать, то они все равно будут придуманы.

И дело тут не во мне. Страна в беде, и этот факт может

объединить всех — и правых, и левых, и центр. История создания нашего Движения, когда за два месяца родилась общероссийская оппозиционная властям организация, — яркое тому подтверждение. Я, честно говоря, не ожидал этого и лишь волею судьбы оказался сегодня в центре такого объединения. Был бы на моем месте другой — против него так же работала огромная машина дискредитации. Это единственное, что может сегодня власть. За ее плечами нет ничего, чем можно было бы гордиться и за что можно было бы ее уважать. Ее представители сами прекрасно знают это.

— Как для вас лично прошел переход из «партии власти» к левым? Хотелось бы знать, каковы ваши истинные политические взгляды?

— Не вы первые, кто пытается выяснить мои политические взгляды. Но сколько бы раз я ни говорил об этом, всегда вижу неудовольствие на лицах. Мне кажется, что спрашивающим хочется обязательно приспособить политические взгляды под какой-то определенный цвет — красный, белый, черный… Похоже, это связано с бедностью нашей политической истории, которая приучила людей к совершенно определенным цветам и заведомо не предполагает ничего другого. Меня все время пытаются заставить поклясться в любви к тому или другому цвету. Но я всегда говорю, что я не признаю внешних оттенков. Меня волнует суть вещей. Если под красным знаменем идут люди, которые сумели обеспечить процветание страны, ее безопасность, и накормить народ, как это происходит в Китае, я за этих людей и за цвет их флага. Если такие же люди идут под каким-то другим флагом, я за них. Других причин для определения своего отношения к тому или другому цвету знамен, к той или иной политике, которая проводится под ними, я не вижу.

Мой уход из «партии власти» был предопределен поведением ее лидеров. Я пришел в эту партию такой, какой есть. Своих взглядов не менял и не скрывал их. Я искренне верил в возможность работать на страну, на ее безопасность. И меня не волновали политические страсти.'Я профессионал и знаю свое дело. Знаю, что нужно для обеспечения безопасности страны. Но оказалось, что «партии власти» этого не нужно. Ее лидеры не поддержали меня ни в чем, даже в вопросах борьбы с коррупцией.

Если сегодня говорят, что я левый, красный, пусть говорят. Если левые и красные против развала страны и армии, я за них. Если они готовы взять на себя ответственность за судьбу народа и обеспечить его лучшую долю, я с ними. Если кто-то другой готов взяться за это, какие могут быть возражения? Выбор должен

сделать народ. А время рассудит. Сегодня время судит не в пользу режима. Значит, он должен уйти. Не потянут те, кто придет на смену, они тоже должны будут уйти. Вот за такую демократию лично я готов голосовать двумя руками. Думаю, что большинство населения — тоже».

ОТ ДВИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

Деятельность молодого, набирающего силу Движения стала объектом внимания не только его сторонников, но и тех, кто не собирался «за просто так» отдавать награбленное, а тем более уступать захваченную у народа власть. Зловещее указание президента «смести» проводилось в жизнь. Это мы особенно чувствовали на этапе регистрации оформления документов в Министерстве юстиции России. Делалось все, чтобы ДПА не имело статуса юридического лица. Ему было отказано в регистрации. Наряду с этим власти развернули кампанию шантажа и попыток дискредитации лидера Движения и его соратников, в стране пошли гонения на офицеров и генералов, поддержавших Движение, некоторых предупредили об увольнении из Вооруженных Сил. Рохлину угрожали и настаивали отказаться от общественно-политической деятельности.

В ответ на отказ в регистрации Движения, главным поводом к которому было, по заявлению чиновников Минюста, «несоответствие программных установок, определенных Учредительным съездом, и способов их достижения, содержащихся в Уставе», лидер ДПА поставил задачу перед соратниками привести все в соответствие. Но не ценой изменения стратегических целей, а изменением статуса организации с общественной на политическую.

Начали готовить новый съезд, на котором было решено внести поправки в Устав ДПА. Как уже стало традицией, на выполнение любой крупной задачи Рохлин отводил два месяца. 25 декабря 1997 года созвали 2-й съезд, на который уже прибыло 87 делегатов от 65 региональных отделений и 18 общественных объединений, входящих в состав Движения. В докладе Рохлина мы услышали как прежние призывы бороться за возрождение армии и флота, требовать отстранения действующего политического режима от власти во главе с президентом Ельциным, так и новые. С трибуны звучат слова о возможности и необходимости отстаивать свои интересы любыми конституционными методами. Уже тогда генерал поставил перед Движением задачу — вывести на улицы и площади городов миллионы угнетенных трудящихся, и не уходить, пока режим не сдастся.

Как военный человек, Рохлин понимал, что народные

волнения общероссийского масштаба, несомненно, вызовут защитную реакцию режима. Ельцин, предвидя ситуацию политической активизации масс, начал наращивать полицейские силы, параллельно самым безжалостным образом сокращая численность военнослужащих, как наиболее социально опасного слоя граждан страны. Штаб ДПА, осознавая, что возможны столкновения между манифестантами и сторонниками президента, дал во все свои организации команду развернуть разъяснительную работу с силовиками. Мы питали надежды, что в критический момент милиция и войска МВД станут на сторону простого народа. «У омоновцев тоже есть жены и родители, которые, как и все, нищенствуют и недовольны бандитским режимом», — рассуждал Лев Яковлевич.

Съезд пересмотрел статус Движения, теперь оно получило название Общероссийское политическое движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». Это вызвало определенные изменения в стане наших сторонников. Ряд организаций, не согласившихся открыто выступить против власти, отошли в сторону. Среди них оказались профсоюзные организации и ряд ветеранских, подпитываемых деньгами действующей власти. Уход из ДПА Российского Комитета ветеранов войны был воспринят участниками Движения откровенным предательством и нежеланием поступиться материальными благами. Но потеря одних сцементировал ряды других. Движение стало более монолитным, более жестким в своих заявлениях и массовых выступлениях, что создавало ему дополнительную привлекательность и популярность среди протестного электората страны. ДПА быстро набирало реальную силу в российском обществе и уже было готово демонстрировать свою политическую и организационную зрелость. Это доказало необычайно мощное выступление сторонников Рохлина по всей стране 23 февраля 1998 года, которое было посвящено 80-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Особенно впечатляющее мероприятие прошло в Москве. Около трехсот тысяч человек встали под знамена Движения в поддержку армии. Такого столица и власть еще не видели. Начали движение от Белорусского вокзала, и когда колонны вытянулись, то первые шеренги оказались на Пушкинской площади. Митинг проводили на Лубянке, но на ней народ не поместился, и были запружены все соседние улицы. Рохлин громогласно заявил о недоверии президенту и правительству и потребовал их ухода в отставку.

Мы показали свою нарастающую силу. Власть это увидела. Но, естественно, Ельцин никуда не ушел. Зато Лев Рохлин из этой

манифестации сделал для себя вывод, и 9 мая 1998 года с той же трибуны на Лубянской площади он заявит:

«По нескольку раз в год мы выходим на улицы, чтобы сказать свое возмущенное слово в адрес политики геноцида, уничтожения нации и государства. А когда дело доходит до практических действий — выражения недоверия правительству, неприятия бюджета или навязанного премьер-министра, сбора подписей для импичмента президенту или проведения бессрочной политической акции протеста, все эти позитивные начинания блокируются, превращая оппозиционных лидеров в бессмысленных крикунов, разочаровывая и отвращая от них народ. Так чьи же интересы мы защищаем, если столько лет не можем отправить в отставку правителей, открыто и цинично уничтожающих все, что дорого российским людям!

Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» твердо стоит на своих позициях. Мы не только выражаем интересы военных, ветеранов и работников оборонки. Мы выражаем интересы всего народа. Поэтому 20 мая возобновляем сбор подписей среди депутатов для отстранения от должности президента Российской Федерации. Мы настроены твердо и уверенно идти до полной победы. Так, как шли к Победе 45-го герои-фронтовики, наши отцы и деды. Нам, как и тогда, тоже требуется железная воля, вера и монолитная сплоченность. Вместе мы победим!»

Не все с радостью восприняли слова нового лидера оппозиционных сил России…

КОНЦЕНТРАЦИЯ СИЛ

Массовая манифестация, которая прошла 23 февраля 1997 года, была результатом хорошей организационной работы по привлечению в союзники Движения других оппозиционных сил. Особые отношения складывались с Коммунистической партией Российской Федерации. Как уже говорилось, на Учредительном съезде ДПА побывали Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский, но лидер ЛДПР не очень тепло был встречен делегатами. Зато Зюганову дружно аплодировали, и это лишний раз говорило о том, что офицеры все вышли «из шинели» КПСС и к красному цвету флага относились хорошо, как говорится, на генетическом уровне. Да и многие члены нашей организации состояли в первичных организациях КПРФ. Рохлин учитывал это и в Компартии искал поддержку. В чем-то находил, в чем-то нет — руководство КПРФ не торопилось на равных признавать молодое Движение и держало военных оппозиционеров на определенном расстоянии. Тем не менее по инициативе генерала совместными с коммунистами усилиями был создали Штаб протестных действий, который в ту пору возглавил Виктор Иванович Илюхин. А 19 февраля 1998 года председатель ДПА вместе с лидером народно-патриотических сил России Геннадием Зюгановым подписали соглашение о координации антиправительственных усилий. Именно поэтому в годовщину 80-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота выступления Движения получались настолько массовыми и хорошо организованными — КПРФ имела большой опыт организации масс.

Возможно, это ускорило ход важных событий. Оказавшись депутатом, не входящим ни в одну из парламентских фракций, Рохлин тут же лишился поста председателя Комитета по обороне. Но, несмотря на это, он не отчаялся, его политическая активность значительно возросла. «Мне стало проще, — говорил он. — Не надо отвечать за Комитет, у меня теперь руки развязаны».

Движение принимало в свои ряды все организации, с которыми наши цели и задачи совпадали. Особенно тесные связи наладились с казачеством, естественно, с оборонщиками, которые могли нас поддержать и транспортом, и обеспечить митингующих продуктами, палатками, матрасами. Особое внимание было к военной науке, как мозговому центру Военно-промышленного комплекса, чей авторитет мог качнуть в сторону ДПА десятки тысяч людей интеллектуального труда.

Вспоминает Юрий Петрович Савельев — доктор технических наук, профессор, ректор Балтийского государственного тех. университета «Военмех» (1987–2002 гг.):

— В Санкт-Петербург Лев Яковлевич приезжал с миссией создания Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» в июле, потом— в начале сентября 1997 года, а в декабре прилетел специально на мой 60-летний юбилей, когда Учредительный съезд уже прошел и организация активно начала разворачивать свою работу. Накоротке нам удалось переговорить. Рохлин отчетливо дал понять, что рассчитывает на меня в привлечении в ДПА ученых и специалистов, работающих на военно-промышленный комплекс. Собственно, фактически он и стал вдохновителем создания Межрегионального общественно-политического движения «Конгресс работников науки, техники, образования, здравоохранения и культуры», в который впоследствии вошли тысячи моих коллег. Более того, в феврале следующего года он снова прилетел в Петербург для участия в Учредительной конференции Конгресса и выступил в переполненном зале Дворца культуры на площади Льва Толстого с политическим докладом о состоянии военной, экономической и социальной обстановки в России. Огромный зал стоя приветствовал одного из влиятельнейших лидеров России. Традиционно революционный Питер готов был идти за «мятежным» генералом — его идеи были нам близки и понятны. И если бы он в июле 1998 года дал команду выйти на бессрочный пикет антинародной власти, наш город организованно пошел на площади Санкт-Петербурга, а многие земляки поехали бы и в Москву.

Тесные отношения у Рохлина сложились с приведшими к власти Ельцина, а потом разочаровавшимися в нем шахтерами. Генерал лично встретил их на вокзале и, несмотря на грозные предупреждения замминистра юстиции Павла Крашенинникова, проводил на Горбатый мост. Шахтеры под стенами Белого дома расставили палатки и встали в многомесячный пикет. Рохлин там часто бывал. Приходили они «стучать касками» и в Государственную Думу — вначале с чисто экономическими требованиями, а потом и с политическими.

Вел переговоры Рохлин и с людьми, занимающими в стране определенный социальный статус, имеющими влияние в той или иной прослойке населения страны. Мартин Шаккум предоставлял теле- и радиоаппаратуру, на его телестудии я с опытными специалистами монтировал агитационные ролики ДПА, документальные фильмы. Бэлла Куркова присылала из Питера

телевизионные группы, которые, бесплатно отсняв материал, тут же отдавали мне пленки и вечерним экспрессом отбывали назад. Говорят, что особые отношения Лев Яковлевич строил с мэром Москвы Лужковым и в день, когда Рохлина застрелили, у них намечалась очередная встреча. А вот что пишет в книге «Власть в тротиловом эквиваленте» бывший министр информации ельцинского правительства Михаил Полторанин:

«Рохлин задумал создать протестное «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) — искал сподвижников среди известных политиков-государственников. В его кожанЬй папке лежали черновые наброски Декларации ДПА, воззваний, уставных документов. Он хотел, чтобы я вчитался в них повнимательнее и привел в надлежащий вид. И еще он хотел, чтобы я стал членом ДПА.

…Рохлину я сказал:

— Я офицер запаса, командир артиллерийской батареи, но официально вступать в ДПА не намерен. Это нецелесообразно, это может повредить делу. Потому что многие помнят меня как человека из команды Ельцина и начнут подозревать ДПА в связях с Кремлем. Они же не знают наших отношений с президентом. Но я за ДПА и буду помогать вам всем, чем могу. Я к вашим услугам!

…Готов ли Рохлин использовать ДПА как трамплин для избрания в президенты России — сторонников у него набралось бы достаточно? Страна нуждалась в своем де Голле. «Ни при каких обстоятельствах, ради такого не стоило разводить бодягу с Движением» — это была твердая позиция генерала. (Да и кто бы дал ему возможность хотя бы зарегистрироваться кандидатом!) После убийства Льва Яковлевича борзописцы от Олигархата врали обществу: он задумывал военный мятеж, чтобы самому занять кремлевский трон и стать диктатором. Говорю как на духу: это совсем не так. Рохлин вообще не помышлял о политической карьере (прикипел к армии) и деспотическими замашками не отличался — диктаторы не берегут так жизнь своих солдат, как это делал генерал на Чеченской войне.

…Рохлин согласился, что члены ДПА должны располагаться на двух уровнях. На первом — это открытое политическое движение, где собраны офицеры запаса, родители солдат срочной службы, казачество, интеллигенция, рабочие, шахтеры, моряки… Они участвуют в демонстрациях и других уличных акциях, не опасаясь «топтунов». А на втором, как бы подпольном уровне — это тайная группа верных соратников из действующих генералов Минобороны, МВД, ФСБ и действующих командиров войсковых подразделений. Им нельзя засвечиваться на публике, чтобы сразу не угодить под ельцинский нож. Они должны контактировать

только с лидером ДПА и готовить к общей операции свои участки.

К моему удивлению, среди действующих генералов и командиров войсковых частей нашлось немало решительных патриотов, готовых постоять за страну… После убийства Льва Яковлевича перепуганный Ельцин был вынужден провести массовую чистку командного состава «по площадям»: под нож попали причастные и непричастные.

«Семью» ненавидели— что естественно! — те, у кого высасывал кровь этот спрут. Но даже некоторые попутчики Кремля не прочь были помочь генералу положить конец затянувшемуся «царству троглодита». С одним знакомым банкиром я договорился о выделении для нужд ДПА крупной суммы. Поехали с Рохлиным в банк.

— Лев Яковлевич, — сказал я ему по дороге, не раскрывайте полностью карты. Черт знает этих банкиров, вдруг в Кремль настучит. Скажите, что деньги нужны на газеты, боевые листки — на пропаганду идей ДПА.

Кофе, французский коньяк, полутемная комната, обнюханная секьюрити, — все по западному стандарту. И приветливый хозяин, российский Ротшильд, без всякой фанаберии, с интересом взиравший на мятежного генерала. Рохлин изложил ему версию с пропагандой идей, которую мы обговорили в машине.

— Что вы мне голову морочите — боевые листки, газеты, — завелся банкир. — Не для того генералы объединяются. «Семья» всех подняла против себя — какие еще призывы нужны?.. Вы мне прямо скажите, сколько вам надо средств на гранатометы, на снайперские винтовки, на автоматы, на взрывчатку, чтобы поднять до неба кортеж. Я дам.

— Мы не террористы, — сказал ему Рохлин, — у нас легальная зарегистрированная организация. Мы пользуемся другими методами.

…Страна кипела. 23 февраля 98-го ДПА вывело на Лубянскую площадь больше двухсот тысяч человек. Рохлин сказал с трибуны, что Ельцина больше нельзя оставлять у власти. Кремль не решился посылать омоновцев разгонять митингующих. Но к следующему разу дубинки готовились (и Рохлин эту информацию имел).

А в следующий раз — в конце лета — генерал с командой намеревались вывести на улицы еще больше людей — приезжие шахтеры должны были занять места на Горбатом мосту и вокруг Белого дома. Требование: отставка президента и правительства.

И как только омоновцы с дубинками начинали выдвигаться на позиции для атаки, в Москву вводились войсковые части.

Министр обороны с другими ельцинистами отсекались от управления, командующие округов симпатизировали замыслам ДПА. А войска вводились для защиты народа от произвола властей и беспредела ментов…».

Так пишет Полторанин. Я ему доверяю потому, что мне довелось ездить к Михаилу Никифоровичу вместе со Львом Яковлевичем. При мне проводили переговоры только по информационному обеспечению работы Движения в поддержку армии. Нам нужно было наладить бесперебойную связь с региональными средствами массовой информации, а заодно выпускать свое издание. Газету, даже не газету, а информационный бюллетень, не мудрствуя лукаво, решили назвать «Боевой листок ДПА». В отделениях Движения знали, что там будут располагаться реальные приказы и распоряжения председателя, и на его содержание надо реагировать самым серьезным образом. Чтобы «БЛ ДПА» замаскировать, оживили еще две давно умершие, но зарегистрированные в Министерстве печати газетенки — «Око народа» и «Андреевский флаг». Их редакторы создавали много шума, печатали агитки, везде раздавали и рассылали свои издания. И если бы нас начали в информационном плане прижимать, первыми закрыли их — это была такая хитрость ящерицы, в минуту опасности отбрасывающей свой хвост. Главную же организационную роль должен был сыграть «Боевой листок ДПА».

Надо сказать, что Рохлин средствам массовой информации уделял много внимания. С десятками региональных газет у нас установились прочные связи. Мы посылали им материалы самого широкого спектра — документы, статьи, интервью. Журналисты приезжали сами, звонили по телефону, просили Льва Яковлевича что-то прокомментировать, и он никогда им не отказывал. Легко шел на контакт. Скажу больше, по его заданию мы делали «круглые столы» с чаем и прочим этому сопутствующим где-нибудь в неприметном месте. Приходило человек по двадцать, и спокойно обсуждали с генералом текущую политику государства, планы ДПА, приемлемые формы и методы достижения наших целей. Люди быстро проникались обаянием Рохлина и всегда были готовы о нас писать в своих газетах, говорить на радио.

Для чего Рохлин все это делал? Ну, это же очевидно, народ надо было готовить к массовым протестным действиям. Но перед этим генерал принял решение запустить другой процесс. Собственно, это не было ни для кого секретом, Рохлин все открыто сказал на Учредительном съезде ДПА. Помните его слова? «Есть только три варианта отстранения Ельцина от руководства страной: его собственное решение на оставление

поста президента по состоянию здоровья; отрешение от должности по решению Федерального Собрания Российской Федерации и вынужденное оставление поста президента».

Итак, импичмент!

ИМПИЧМЕНТ

6 апреля 1998 года по инициативе Льва Рохлина и Виктора Илюхина был сформирован штаб по подготовке импичмента президенту России и международного суда в Гааге. Что там собирались делать члены ДПА с Ельциным в Гааге, сказать не могу, как не скажет из военных никто другой. Судя по всему, международный суд был генералу искусственно навязан какими-то очень умными советниками из тайных аналитических групп, поэтому в дальнейшем Гаага нигде у нас не упоминалась. Просто надо было организовать и провести в Госдуме импичмент. Как это сделать, никто, кроме юриста Илюхина, не знал.

Для нас, военных, пришедших к Рохлину и готовых на любое развитие событий, Илюхин был человеком хоть и гражданским, но достойным всякого уважения. Генерал Рохлин был авторитетом непререкаемым, за его плечами— Афганистан, Чечня, взятие Грозного, отказ от Звезды Героя, слова: «В гражданской войне полководцы не могут снискать славу, а значит, и получать награды». Илюхин возбуждал уголовное дело на Горбачева за предательство страны, расследовал уголовные дела в горячих точках Союза ССР, защищал Белый дом. Второй созыв подряд возглавлял Комитет Госдумы по безопасности. Словом, был наш человек, его присутствие в руководстве Движения воспринималось как должное. Говорю о нем с большой теплотой, потому что впоследствии хорошо узнал за 13 лет совместной работы. Это был человек масштаба Рохлина!

Виктор Иванович проштудировал Конституцию и соответствующие документы, обсудил с Рохлиным суть дела, и генерал с застывшей ухмылкой льва перед броском на жертву пошел в зал пленарных заседаний собирать необходимое число подписей за отстранение президента от должности. Вернулся в удрученном настроении— всего тридцать восемь человек поддержали его инициативу.

— Лев, без Компартии дело обречено на провал, — сказал ему Илюхин. — Фракция обсудит и если сочтет, что Дума созрела, подписи соберем быстро. Я переговорю…

Не сразу далось решение, но и Компартии упускать момент, когда настроение масс — на стороне оппозиции, было нельзя. Коллективный разум взял верх, и фракция КПРФ официально выступила с заявлением о начале сбора подписей. Документ, адресованный в Совет Думы, начинался следующими словами:

«Мы, депутаты Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители различных

депутатских объединений, проанализировав действия Бориса Николаевича Ельцина за время пребывания его на посту президента Российской Федерации, пришли к выводу, что в действиях Б.Н. Ельцина содержатся признаки совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

Учитывая это и опираясь на положения статьи 93 Конституции Российской Федерации, мы предлагаем Государственной думе принять постановление об отрешении от должности президента Российской Федерации.

Просим Совет Государственной думы включить рассмотрение данного вопроса в повестку дня пленарного заседания…».

И далее шли фамилии, наименование территориального избирательного округа или объединения и дата проставления подписи.

20 мая 1998 года Движение в поддержку армии во главе с Рохлиным встало с плакатами возле дверей Государственной думы — мы требовали проведения импичмента. Федеральная служба охраны президента и милиция пытались нас оттеснить в стороны, но генерал Л. Рохлин, В. Илюхин, И. Братищев и еще несколько авторитетных депутатов в особо острые моменты вступали с ними в переговоры. Мы выравнивали ряды, стоя плечо к плечу: генералы А. Макашов, Ю. Панкратов, В. Морозов, Г. Дубров, В. Борученко, офицеры В. Голубев, В. Фонарев, В. Гришуков, В. Федосеенков, Н. Васильев и еще несколько десятков человек из Москвы и Подмосковья. Стали подтягиваться другие члены ДПА из разных районов столицы со своими знаменами. Пикет вылился в массовое мероприятие.

В этот день в зале пленарных заседаний подписи за отстранение Ельцина от должности поставили первыми руководитель фракции КПРФ Г. Зюганов и председатель Комитета по безопасности В. Илюхин. 20 мая 1998 года поддержали инициативу проведения импичмента сразу 183 депутата. Как говорится, из искры возгорится пламя… Инициатива Рохлина и Илюхина нашла поддержку у многих депутатов. И среди них оказался — вы не поверите — Александр Васильевич Коржаков, бывший глава ельцинской охраны. Вот он, тот злополучный шаг, что от любви — до ненависти…

Лев Рохлин поставил подпись 21 мая как независимый депутат. В итоге при процедурной норме в 150 голосов набрали 217. Ставили люди подписи и в тот день, когда в Думу пришло известие, что генерал ночью застрелен на собственной даче.

Забегая вперед, скажу — еще год шло исследование Специальной комиссией преступлений Ельцина. 13 мая 1999 года состоялось долгожданное пленарное заседание, когда Виктор

Иванович Илюхин, как главный обвинитель в процедуре отрешения президента Российской Федерации от занимаемой должности, зачитал доклад, включающий в себя пять пунктов обвинения. Не было в выступлении председателя Комитета Госдумы по безопасности, нового лидера Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», лишь пункта о преступлении, о котором говорила вся страна. Я имею в виду подлое убийство самого авторитетного в войсках и среди простых людей генерала, десятки раз рисковавшего за Россию собственной жизнью, имевшего несколько ранений, награжденного за боевые заслуги орденами и медалями, — Льва Яковлевича Рохлина. Общественность считала и до сих пор абсолютное большинство граждан уверено, что именно режим расправился с народным любимцем. В свои 51 год он был смелым и талантливым военачальником. В полной мере политиком ему стать не довелось.

КАК ОТСТРАНИТЬ ПРАВЯЩИЙ РЕЖИМ ОТ ВЛАСТИ

Запустив сбор подписей для конституционной процедуры отрешения президента от занимаемой должности, Лев Яковлевич Рохлин отчетливо понимал, что Госдума вряд ли наберет нужное число голосов. Тем более это не последняя инстанция. Если нижняя палата Федерального Собрания и даст добро на импичмент, то дальше материалы идут на экспертную оценку в Конституционный Суд, в Верховный Суд Российской Федерации, и при их положительном отзыве материалы должны быть направлены в Совет Федерации, который окончательно решает этот вопрос. Через такое сито организаций, в которых заседают ельцинские чиновники, благополучно пройти обвинению президента почти что нереально. Но генерал и не рассчитывал на это. Задача стояла другая — привлечь внимание граждан страны к преступлениям режима Ельцина и тем самым повысить политическую активность масс. И когда народ «созреет», вывести миллионы людей на площади городов страны и не уходить, пока Ельцин под давлением протестных требований сам не откажется от власти. Особенно важна была организация протеста в Москве.

Рохлин, изучая опыт других стран, провел глубокий анализ мирного или относительно мирного перехода власти от диктаторов в руки народа. Им была подготовлена статья, которую он разослал во все организации Движения в поддержку армии, чтобы соратники поняли суть возможных предстоящих действий. Фактически это была своеобразная инструкция, политическая программа мирного смещения режима. Она так и называлась «Как конституционным путем отстранить правящий режим от власти». Этот материал в свое время сыграл большую роль, однако в силу своего историзма не потерял актуальности и сейчас. Уверен, многие «оранжевые», «розовые» революции, которые были совершены в странах, образовавшихся на обломках СССР, питались идеями вот этой статьи Льва Рохлина. Предлагаем и вам, читатели, ознакомится с ней.

«Россия после беловежского предательства 1991 года стала всего лишь осколком, хотя и самым большим, некогда Великой Державы, называемой Советским Союзом. Она утратила громадные пространства исконно российских территорий, лишившись огромных материальных, природных, демографических и других ресурсов и, как следствие, оказалась в худшей ситуации, чем до развала СССР по геостратегическим,

геополитическим, экономическим, оборонным, социальным и другим показателям.

За прошедшие с 1991 года семь лет российская государственность— экономика, социальная сфера, национальная безопасность и обороноспособность— подверглась и продолжает подвергаться правящим режимом тотальному разрушению и развалу под инструктажем сионского расизма, неоднократно осужденного резолюциями ООН и скрытого под маской МВФ. Печальным итогом стало превращение в нищих значительной части, и сокращение на 8,5 млн. населения страны, падение нравственности, культуры, апатия и потеря веры в будущее.

Цифрами и фактами об этом пестрят все страницы как оппозиционных, так и проправительственных печатных изданий. О них уже открыто говорят даже подвластные режиму электронные СМИ.

Несмотря на это наш «всенародно избранный» президент и его окружение — бывшие научные работники и лаборанты, «реформаторы», под контролем Запада, управляющего президентом и страной, упорно твердят о неизменности курса реформ и достигнутых успехах.

В результате так называемых ваучерных и аукционных приватизаций, в точном соответствии с методиками МВФ, значительная часть общегосударственной собственности (80 %), принадлежащей всему народу, оказалась в руках торгово-спекулятивных, финансовых олигархов и иностранных владельцев. В этом и состояла вся суть и цель реформ Ельцина и его окружения.

Умышленное отстранение государства от управления экономикой, сферой промышленного производства и сельского хозяйства, повсеместное насаждение торгово-спекулятивного и банковско-ростовщического капитализма, целенаправленный развал национальной безопасности, Вооруженных Сил и военной организации страны в итоге привели к общему системному кризису.

В результате страну целенаправленно толкают к общенациональной катастрофе. И если это случится, то Россия может прекратить свое существование как единое государство, утратит свою независимость и попадет под власть иностранных попечителей.

Чтобы предотвратить распад страны, оппозиционным депутатам, группам, фракциям Совета Федерации и Государственной думы, всем противостоящим правящему режиму партиям, общественным организациям, движениям и союзам необходимо совместно принять экстренные меры по спасению

России. Такими мерами, прежде всего, должна стать скорейшая отставка или отрешение от должности президента РФ и передача власти вновь созданному правительству народного доверия.

Президент, спасая лицо своего, полностью обанкротившегося правительства, вовремя отправил его в отставку, так и не дав отчитаться о результатах своей антинародной деятельности. Но что изменилось, если президент во всеуслышание заявил о неизменности проводимого курса? Поэтому следующим шагом должно стать кардинальное изменение экономической, внутренней и внешней политики страны.

Методами и инструментами политической борьбы для решения поставленных оппозицией задач могут быть как действия парламентариев, направленные на объявление импичмента президенту, так и протестные акции населения, демонстрации, митинги, пикеты, забастовки вплоть до всеобщей стачки и организации актов гражданского неповиновения властям.

Возможно ли это осуществить при существующем режиме, который, чтобы не отдавать власть, пойдет на любые крайние меры, как это уже было осенью 1993 года? Вопрос весьма неоднозначен, учитывая наспех и насильно навязанную народу Конституцию Российской Федерации, дающую неограниченные полномочия президенту и оставляющую практически бесправным Федеральное Собрание.

Прежде чем перейти к анализу возможности отстранения от власти президента, обратимся к нескольким историческим прецедентам.

В любой стране для отстранения от власти руководства требуется наличие базовых факторов и обстоятельств. К ним можно отнести:

разрушение экономики и обороноспособности; последствия военного поражения (или скрытой финансово-экономической экспансии, имеющей последствия поражения, ничем не отличимые от открытых боевых действий); коррупция власти;

крупные просчеты и ошибки внутренней и внешней политики, которые привели к кризисному состоянию страны, и, как следствие:

недовольство населения (классов, различных социальных групп, этнических общин и т. д.) правящей властью из-за ухудшения жизни, ущемления своих прав, ориентации на иностранные государства, организации, т. е. продажности власти различного уровня (что отвечает признакам состава «государственная измена» Уголовного кодекса РФ), а также: готовность населения к протестным действиям.

Наличие оппозиционных партий, движений, союзов, группировок и присутствие в политической жизни авторитетных для народа лидеров дает возможность активно вести политическую борьбу и организовать массовое протестное движение, чтобы противостоять существующему режиму.

Анализируя исторические примеры протестных действий — бунты, восстания, революции и контрреволюции, следует отметить, что все приведенные выше факторы имели место в тех или иных соотношениях. Их можно проследить на примерах восстания римских рабов во главе с Аристонником и Спартаком, российских бунтов Разина и Пугачева, Великой Французской революции, революции 1905 года в России, Февральской и Великой Октябрьской революции. Однако отличительной чертой всех этих событий были кровопролитные столкновения, разные формы революционного и контрреволюционного насилия, гражданские войны.

Для нас больший интерес представляют прецеденты новой и новейшей истории протестных действий, приводившие к практически бескровной или ненасильственной смене государственной власти. Характерным примером использования ненасильственных протестных действий в борьбе за национальную независимость является движение Индийского Национального Конгресса, возглавляемого Махатмой Ганди. Ему и возглавляемому им движению удавалось выводить на митинги в Дели и других городах Индии многотысячные массы населения, что, в конечном счете, заставило английское правительство в 1947 году предоставить Индии независимость.

Мощное народное движение в Иране в 1978 году, направленное на ликвидацию монархического режима, привело к падению монархии, бегству шаха и провозглашению Исламской республики Иран.

Практически бескровной и скоротечной была как революция в Египте 1952 года, когда под руководством военной организации «Свободные офицеры» был свергнут режим короля Фарука, так и революция в Португалии в 1974 году под руководством «Движения вооруженных сил» («Движения капитанов», получившего название за исключительно средний офицерский состав, участвовавший в движении), приведшая к ликвидации фашистского режима диктатора Салазара.

Общим и характерным в выше приведенных примерах являлось как мощное народное протестов движение, которое фактически и обеспечило свержение правящих режимов и изменение государственного строя, так и успех партий и организаций, возглавивших эти движения.

Самым ярким примером наших дней является отстранение от власти главы Республики Армения. В феврале этого года президент Армении Тер-Петросян был вынужден уйти в отставку после того, как в стране прошли массовые демонстрации протеста против его правления. Этот «реформатор», как и его московские собратья, под диктовку МВФ распродал в частные руки, в том числе и иностранцам, всю Армению, доведя народ до полной нищеты.

На улицы с лозунгами об отставке президента вышли все, кому был ненавистен этот режим, — и левые, и правые. Вот такой пример подала маленькая Армения большой России! Ельцин выразил «сожаление» Тер-Петросяну. Видимо, пример Армении изрядно напугал российского президента и его окружение — уж очень прозрачная напрашивается аналогия.

Возможно ли в сегодняшних условиях хаоса в экономике и развала государства отстранение от власти президента конституционным путем? Ответ будет положительным только при благоприятной обстановке и соблюдении ряда обязательных условий подготовки и организации выступления народных масс.

Все протестные акции в городах и регионах страны, а также в отраслях экономики необходимо тщательно готовить. Бессмысленно бастовать какому-то одному заводу (большинство из них и так стоят), если эту забастовку не поддержат другие предприятия города, региона, отрасли. Бесполезно голодать не получающим полгода зарплату шахтерам города Новошахтинска Приморского края, если к ним не присоединятся шахтеры всего Приморья.

Необходима кропотливая повседневная работа оппозиционных партий и движений среди населения с разъяснением обстановки в стране и мобилизации масс на протестные акции. Наш народ терпелив, но до каких пор он будет смиренно молчать, не получая по полгода и более нищенскую зарплату?

Законопослушные немцы и склонные к революционным действиям французы, как об этом свидетельствуют примеры забастовочного движения в западных странах в послевоенный период, не потерпели бы ни дня подобного издевательства.

Активность российского населения, к сожалению, остается пока слабой. Народ устал от передряг и издевательств, которым его подверг правящий режим. Он дезориентирован, оболванен ложью о нашем прошлом, изливаемой СМИ, индифферентен к происходящему, находит забвение в пьянстве и, увы, тяжеловат на подъем.

Особое внимание при организации протестных акций следует

уделить молодежи, которая в своей подавляющей массе не желает вникать в происходящие события, уходит от политических проблем и не представляет, какая перспектива ожидает ее в будущем.

Тем не менее народы России постепенно все больше приходят к убеждению, что изменение обстановки в стране и прекращение геноцида собственного народа возможны только после смены руководства страны. Это позволяет надеяться на возрастание в ближайшем будущем активности населения и увеличения массовости участников протестных акций.

Необходимо усилить парламентскую борьбу в Федеральном Собрании и законодательных собраниях регионов. Сочетать и координировать требования, выдвигаемые к исполнительной власти, с проведением массовых протестных мероприятий и инициировать импичмент президенту.

Базовым условием является объединение всех оппозиционных партий, движений, союзов в единый руководящий центр борьбы с правящим режимом. Возглавить центр (условно назовем его Национальным Фронтом отрешения экстремистского режима — НФОЭР) должна группа лидеров, авторитетных в народных массах.

В него смогут войти все оппозиционные силы — левые и правые, «красные» и «белые». В ходе протестных акций необходимо выдвинуть политические требования. Национальный Фронт должен сформировать и состав правительства народного доверия.

Следует отметить, что подобное объединение — самая сложная проблема оппозиционного движения. Уже были и Фронт национального спасения, и разного рода координационные советы, но все они оказывались недееспособными и распадались из-за разногласий и амбиций лидеров. Поэтому, прежде всего, должна быть преодолена болезнь вождизма.

Оппозиция уже имеет в своем активе программы вывода страны из глубокого кризиса. В ее рядах есть много высококлассных специалистов — управленцев и ученых, готовых приступить к выполнению намеченных программ. Но на сегодняшний день главной целью объединения всех оппозиционных сил является отстранение правящего режима от власти. Антинародный режим может и должен быть отрешен, но эта задача осуществится только при радикализации и согласованности действий большинства патриотических сил».

ГОРБАТЫЙ МОСТ

Весной 1998 года в Москву прибыли шахтеры. Прошли с вокзала маршем по городу, неся антиправительственные и антипрезидентские транспаранты. Оседлали Горбатый мост, что под стенами российской правительственной резиденции, и начали бессрочный пикет. Все это проводилось под непосредственным руководством Льва Рохлина. И хотя Министерство юстиции грозило закрыть Движение в поддержку армии, если увидит, что мы взаимодействуем с шахтерами, на чиновников мало кто обращал внимания. Генерал приезжал к шахтерам чуть ли не каждый день, заботился о бытовом их обеспечении, прислал палатки, матрасы, малогабаритные газовые плиты. Их профсоюзные лидеры систематически бывали у Рохлина в Госдуме и однажды устроили массовое выступление на главной лестнице перед залом пленарных заседаний. Стучали касками, требовали от депутатов отправить Ельцина в отставку.

Решающее массовое выступление планировали на июль, а до этого региональные организации Движения должны были подготовить самые широкие слои населения к приезду в Москву. Эмиссары ДПА курсировали между перекрывшими в Воронеже железную дорогу учителями и донскими казаками атамана Николая Козицина в Новочеркасске, выезжали к бастующим шахтерам Кузбасса и ветеранам военных действий Волгоградского гарнизона. В столицу шли марши протеста из самых разных областей России.

Горбатый мост стал объединяющим центром всех антиельцинских сил. Рохлин здесь бывал чуть ни каждый день. Если не приезжал сам, то ехали к шахтерам другие депутаты. Через них держали связь с профсоюзами разных отраслей экономики страны. В это же самое время Виктор Илюхин, возглавив Всероссийский штаб протестных действий, вырабатывает тактику выдвижения в столицу забастовщиков, уточняет схемы перекрытия автомобильных и железных дорог в Подмосковье, Ярославской, Воронежской и других областях, ведет поиск наиболее эффективных форм протестных действий, мобилизации и объединения людей. Личным авторитетом он приобщает к предстоящей общероссийской акции наиболее революционизированные организации КПРФ. Некоторые политики вдруг вышли в телеэфир и предостерегли граждан не участвовать в грандиозной провокации, в которую их втягивают Рохлин и Илюхин. Но это уже не могло повлиять на настроения простых людей, уставших от нищеты и бесперспективности

существования. Они ждали команду генерала на выступление в Москву.

Вот листовка, подписанная Рохлиным и распространявшаяся в то время:

«ГРАЖДАНЕ РОССИИ!

Страна на грани общенациональной катастрофы!

Пришедший к власти режим ведет политику в интересах кучки людей, которые захватили все богатства страны, обманом взяли под контроль ее сырьевые ресурсы, промышленность и финансы. Они живут как в чужой стране, — разоряют заводы и фабрики, вывозят за границу сырье и деньги. (С 1992 года из России вывезено капитала на 160 млрд. долларов.) За шесть лет производство упало на 70–90 процентов. Население лишено всех сбережений и вымирает, ежегодно сокращаясь на полтора миллиона человек. А приближенные режима сумели за эти несколько лет сколотить богатства, сравнимые с состояниями известнейших фамилий мира, которые накапливали их столетиями.

Система безопасности страны разрушается. Армия, как показали события в Чечне, уже не способна выполнить никаких задач. Оборонная промышленность остановлена. Военная наука лишена перспектив развития. К 2010 году страна лишится и ядерного щита: гарантийные сроки стратегических ракет заканчиваются, и они уже не будут надежным сдерживающим оружием против агрессора.

Вместе с тем режим с завидной настойчивостью укрепляет полицейские силы. Не решая экономических и социальных проблем населения, власти готовятся к беспощадному подавлению любого проявления народного недовольства.

Запад аплодирует «реформаторам». Нас уже «обмывают для похорон».

В этих условиях армия осталась единственной надеждой страны. Если она будет окончательно уничтожена, можно будет сказать так, как уже говорят на Западе: «Прощай, Россия!» Чтобы этого не произошло, мы начали создание Общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки».

Основными целями нашего Движения являются:

укрепление экономической мощи Российской Федерации;

повышение обороноспособности страны на основе развитой оборонной промышленности и военной науки;

решение социальных и правовых вопросов военнослужащих, гражданского персонала оборонных предприятий, лиц, уволенных

с военной службы, и их семей.

В то же время мы даем себе отчет, что не может быть сильной армии и процветающей оборонной промышленности в нищей, униженной стране с обманутым и обворованным народом.

Мы убеждены, что режим, который довел страну и народ до такого состояния, не способен и не желает изменить свою политику.

России требуется новый курс! Режим должен уйти!

Но мы уверены, что ближайшее окружение президента не позволит ему сделать этот решительный шаг.

Остается только одно — конституционными действиями, всенародно потребовать от Б.Н. Ельцина сложить с себя полномочия президента Российской Федерации.

Мы приложим все усилия для того, чтобы эти предложения были реализованы.

Мы несем ответственность перед прошлыми поколениями России, перед нашими детьми, внуками и правнуками, которые в результате нашей бездеятельности и нерешительности будут жить не в процветающей стране, а в нищих ее осколках, представляющих сырьевые придатки других государств, выплачивая долги нынешней власти Международному валютному фонду.

Мы уверены, что большинству личного состава армии, МВД и спецслужб небезразлична судьба своего государства, настоящее и будущее народа.

Присоединяйтесь к нам! Будущее страны — в Ваших руках!

От нас, нашей решимости, а также взаимодействия со всеми патриотами страны и их единства зависит будущее России!

По поручению Исполкома Движения Лев Рохлин».

Движение в поддержку армии только за время пребывания шахтеров на Горбатом мосту с мая по июль 1998 года выпустило и распространило не менее полутора миллионов листовок, прокламаций, обращений к различным категориям граждан — военным, ветеранам, работникам ВПК, молодежи, студентам, женщинам, членам семей военнослужащих. Отдельные листовки-обращения направлялись в войска МВД, в те структуры, которые могли в определенных условиях быть брошены против народа. Рохлин рассчитывал, что они не будут исполнять преступные приказы власти на разгон, избиение демонстрантов, требующих отставки президента.

За это время было проведено в стране более 300 митингов, выставлено около 500 пикетов у государственных организаций, проведено более 150 демонстраций. Временно перекрывалось

более 20 автомобильных и железных дорог. В этих акциях, по нашим подсчетам, приняло участие около миллиона человек. Примерно столько же Рохлин планировал привезти в Москву к 20 июля.

Миллион человек… Им надо указать места дислокации, организовать взаимодействие, накормить, напоить, где-то разместить. Курьеры ДПА разъезжали по присягнувшим Рохлину организациям, которые выделяли нам сотни полевых кухонь, тысячи большегрузных автомобилей и автобусов. Бывший руководитель охраны Ельцина Александр Коржаков' уже в наше время признался, что тоже был задействован Рохлиным и нашел спонсоров, которые заказали на заводах сцепки для буксировки автоприцепов. Их было изготовлено несколько сотен. Директора предприятий концентрировали в Москве продукты. Генерал ездил к Лужкову и о чем-то договаривался.

МЫ ГОТОВИЛИСЬ К БОЛЬШОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Поднимался вопрос и о поддержании порядка в этом грандиозном пикете столицы. Важно было энергию масс направить в нужное русло. Назначались и инструктировались представители Общероссийского штаба протестных действий, которые должны были координировать действия народа. Налаживались связи с командирами воинских частей, которые должны были в случае активизации полицейских сил режима прикрыть собой безоружных людей, выражающих политическую волю граждан страны. Рохлин лично «в закрытом режиме» встречался с генералами, способными повлиять на ход событий. Кто-то из них колебался, а кто-то обещал полную поддержку.

Ставились задачи членам ДПА и такого характера — задержать проельцинские войска в местах дислокации и не дать им выйти в нужный момент в Москву.

Вспоминает Владимир Иванович Фролов, руководитель Оренбургского отделения Движения в поддержку армии:

— Накануне запланированных событий Лев Яковлевич собрал руководителей региональных отделений ДПА и беседовал с каждым в отдельности. Соблюдалась полная секретность. Все замыкались лично на него. У меня он интересовался, могли бы мы с офицерами в Оренбурге «закрыть» на определенное время аэродром, с которого возможен старт в столицу самолетов с войсками МВД. Судя по всему, другим он тоже задавал подобные вопросы или поручал поставить блокпосты на автомобильные и железнодорожные магистрали. Идея была понятна — нельзя было позволить правительственным силам расправиться с митингующими людьми, требующими отставки Ельцина.

В продолжение темы нельзя не обойти вниманием еще одно свидетельство о планах лидера Движения в поддержку армии. Я приведу выдержку из книги бывшего министра МВД генерала армии Анатолия Сергеевича Куликова «Тяжелые звезды». Рохлин и подчиненные Куликова в Чечне систематически выполняли совместные боевые задачи, и между генералами наладились доверительные отношения. Вот что пишет А.С. Куликов:

«Уже после моей отставки — в конце апреля 1998 года — Лев Рохлин неожиданно позвонил мне на дачу и попросил разрешения встретиться. Я охотно согласился, и мы, как только

он приехал, зашли в охотничью комнату. Сразу же бросилось в глаза, что Рохлин несколько возбужден, как бы наэлектризован. Без всяких вступлений он задал прямой вопрос: «А.С., как вы думаете, если армейские части войдут в Москву, будут ли внутренние войска этому препятствовать?». Вот так — не открывая никаких планов, буквально с порога… Но в этих словах было нечто, что заставило меня отнестись к его словам более чем серьезно: не тот человек Рохлин, чтоб пугать меня словесной пургой. Не те у нас с ним отношения. Значит, что-то произошло. Значит, что-то заставило его примчаться ко мне на дачу за неким советом, который нужен ему позарез.

Что ж, высказал то, что думал. Выдержал его тревожный взгляд и ответил твердо: «Лева, если речь идет о вооруженном мятеже или о попытке устранения нынешней власти с помощью Вооруженных Сил, то скажу тебе прямо — эта идея не имеет никакой перспективы, кроме перспективы гражданской войны. Я уже не говорю о том, что тебе самому придется ответить за это, и ты должен помнить, что от тебя в таком случае будут зависеть тысячи, а быть может, десятки и сотни тысяч человеческих судеб. И сам я — убежденный противник таких методов, и тебе их использовать не советую».

Надо сказать, что буквально за день до нашей с Львом встречи прошла информация о том, что часть военнослужащих, в том числе командир Волгоградского армейского корпуса, которым ранее командовал сам Рохлин, отстранены от должности. Кажется, упоминались еще кто-то из его заместителей и офицеров командного состава. Поэтому спросил напрямик: «Не в этой ли связи происходят отставки?..» Лев нехотя согласился: «Да, наверное, в этой…».

Детали были мне неизвестны, но и того, что я слышал, оказалось достаточно, чтобы связать в единое целое и визит Рохлина ко мне, и некие события, взбудоражившие 8-й гвардейский корпус. Не стану утверждать, что именно об этих, некогда подчиненных ему армейских частях, говорил Лев, когда упоминал «поход на Москву», однако не было у меня и причин отметать эту версию целиком. Был со Львом откровенен: «Но ты же сам себя подставляешь!!!». На это он среагировал так, как это свойственно именно публичным политикам: «А.С., я абсолютно ничего не боюсь. И если меня арестуют, это только придаст мне политический вес, и он пригодится на перспективу».

С этим я никак не мог согласиться и принялся его убеждать: «Да, Лев, я знаю тебя как смелого и храброго человека. Но в данном случае ты должен думать не о себе, а о тех людях, которых ты поднимешь. Я не сомневаюсь — ты можешь их

поднять, вот только последствия твоего шага могут оказаться для них трагическими, а никакого результата не будет».

На эти слова он ничего мне не ответил, но я понял, что он крепко задумался».

Действительно, в Волгограде начались волнения в корпусе Рохлина. Генерал наезжал туда с завидной периодичностью, и явно в чем-то рассчитывал на своих офицеров. Поскольку слежка за Рохлиным была тотальная, то эти вояжи не могли остаться незамеченными. Но в то время, о котором пишет Куликов, корпус еще существовал, и офицеры внимательно следили за происходящим в Москве, обсуждая складывающуюся ситуацию, высказывая свое желание в ответственный момент находиться рядом с «папой», поддержать его, чем можно. Спецслужбы, предположив, что генерал задумал вывести свой корпус в столицу, обложили Волгоград войсками МВД, а сами всеми возможными силами и средствами добывали информацию. Полковник Николай Баталов, офицер честный, преданный Рохлину всем сердцем, но обладающий необузданной фантазией, порой захлестывающей через край, позже журналистам распишет красочную картину:

«…Как вообще это мероприятие планировалось? Хотели силовой захват власти. Силовой! Вот даже разговора не было о каких-то там «протестных мероприятиях». Это так, несерьезно. Вот сюда, в центр Волгограда, на площадь Павших Борцов и площадь Возрождения, планировалось вывести силы корпуса.

— Буквально как декабристы на Сенатскую?

— Верно. Но Ельцин здесь не имел тех сил, которые были в Санкт-Петербурге у Николая I, расстрелявшего восставших картечью. Кроме корпуса, здесь вообще никаких сил не было. Ну, бригада внутренних войск в Калаче. Еще конвойный батальон. И остановить нас, если бы мы действительно вышли, было бы некому.

— А что дальше?

— После выступления корпуса происходит оповещение по другим армейским частям. Нас поддержали бы в самых разных местах. Всю схему я не знаю. Говорю за то, что знаю. Вот Кремлевский полк, полк охраны, он был пополам: часть командования за Рохлина, часть — за президента. Этот полк не смог бы нам помешать, хотя бы мы прямо в Кремль пришли. Главный запасной командный пункт Вооруженных Сил был просто куплен — дали деньги кому надо, хорошие бабки, и он говорит: «Все, в это время будет снята охрана. Я уйду, и вот вам связь со всем миром». А уж со страной — там и говорить нечего, со всеми армейскими структурами. У нас два самолета

транспортных, допустим, на Тихоокеанском флоте стояли, морпехи, два батальона, двое или трое суток на аэродроме прожили.

— Зачем? Чтобы лететь в Москву?

— Да! И то же самое на Черноморском флоте. В Севастополе стояла в готовности бригада морских пехотинцев. Естественно, Рязанское высшее училище ВДВ. Курсантам стажировку отменили. Они где-то на полигонах были, но к определенному моменту их вернули в Рязань. Потому что Рязань — это двести километров от Москвы. Училище было на сто процентов за нас. И договоренность была с руководством Таманской и Кантемировской дивизий, что они как минимум не выступают против нас».

А вот еще из захватывающего рассказа Николая Баталова, который каждый желающий может найти в Интернете:

«Первая попытка выступления была назначена на двадцатые числа июня. Лев Рохлин тогда в очередной раз приехал в Волгоград.

— После баньки мы это все дело обсудили, утром командиры разъехались, а в четыре утра все здесь загудело: нас блокировала бригада внутренних войск. Та самая, из Калача, — вспоминает Николай Баталов. — Я ко Льву Яковлевичу мчусь, говорю: «Так и так, что делать? Нас накрыли». Но они не знали, где командный пункт, КП уже вышел в поле, машин двадцать, связь и все остальное. Рохлин говорит: «Давай все в исходное возвращать. А я еду в Москву. Ничего не получится— повяжут всех». Мероприятие пришлось отложить. Две недели он не прожил… Я на «восьмерке»— посадил Льва Яковлевича и погнал в Москву, прямо до Госдумы. Он успел на заседание и там говорит: «Ничего, мол, не знаю». Пока был жив, нас прикрывал. А потом меня в ФСБ вызывали. Но я с должности замкомандира корпуса к тому времени ушел и только отделение ДПА возглавлял. А офицеров по-шугали. Кого-то сразу уволили, кого-то перевели. Мне давали слушать весь наш разговор в этой бане.

— Вас писали?

— Да. Все они, в общем, знали. Вот когда Рохлин в парилке непосредственно с кем-то разговаривал — этих записей у них не было. Мы по одному туда ходили. Жарко — аппаратура, видимо, и не работала. А в зале они все слышали…».

Там же, в Интернете, выложены и слова Владислава Ачалова:

«Я с Рохлиным был в нескольких командировках — в Казани, других местах, слышал выступления, видел, как его воспринимают. Выражался он предельно жестко. Услышать такое сегодня от федерального депутата немыслимо. И все его тогда

испугались — не только Кремль, но и КПРФ, ЛДПР…

Бывали моменты, что мы очень узким кругом собирались у него на даче, нас было буквально пять-шесть человек. Конечно, первоначально не было планов вооруженного захвата власти, вооруженного восстания. Но потом жизненная обстановка к этому подтолкнула. Потому что чехарда в государстве набирала темпы, росла просто катастрофически быстро. Вы же помните 1998 год? С весны премьером был мальчик Кириенко, а в августе случился дефолт. Вот и представьте себе, что случилось бы, если б Рохлина не убили в июле. Вариант привлечения армии был вовсе не исключен».

Баталов говорит без сомнения — вооруженный переворот. Ачалов вначале повторяет слова Баталова, а потом несколько «понижает градус»— привлечение армии было не исключено. Фролов из Оренбурга получил предложение на какое-то время задержать возможный вылет войск МВД в Москву, но при всем желании вряд ли смог это сделать. Слушая и читая это, может действительно сложиться впечатление, что Рохлин готовил штурм Москвы силами своего корпуса, курсантами-десантниками, батальоном морпехов, черноморцами и т.д.

Позже члены Движения сами много спорили о том, что же готовил наш руководитель. По ряду внешних проявлений кому-то тоже казалось, что за ширмой протестной деятельности основных сил ДПА планировался военный переворот. Но если взять те же исходные знания о договоренности генерала с некоторыми командирами воинских частей о прибытии в столицу, но поменять знак минус на противоположный знак плюс, то картина кардинально меняется. И четко вписывается в прежнюю схему отстранения ельцинского режима от управления государством. Миллион, полтора миллиона людей прибывают в Москву и встают на площадях и вокруг Кремля в бессрочный пикет с требованием отставки Ельцина. Совершенно очевидно, что им нужна защита от полицейских сил — Внутренние войска ведь оставались на стороне существующей власти. Более того, они уже себя не раз проявляли, жесточайшим образом разгоняя демонстрантов, избивая безоружных защитников Белого дома, и рассчитывать на неожиданное милосердие МВД не приходилось. Нейтрализовать силу можно только силой — это очевидно. Вот что надо было Рохлину.

Привести в Москву Волгоградский корпус с боевой техникой и вовсе было делом немыслимым. Рохлин это понимал, и Баталов прав, когда говорил, что «вот сюда, в центр Волгограда, на площадь Павших Борцов и площадь Возрождения, планировалось вывести силы корпуса». Заметим, не дальше. Нужно было власти

и другим воинским частям показать, что военные недовольны политикой Кремля, они выходят из повиновения Верховного Главнокомандующего, поддерживают протестующий народ и не будут участвовать в силовом подавлении митингующих. Вот смысл поездок генерала в свой корпус. Он должен был просто показать пример Вооруженным Силам и всей стране.

Развивая мысль дальше, и я, и мои коллеги по ДПА ставили вопрос и о том, что бы случилось, если бы полицейские силы были брошены на безжалостный разгон пикета Рохлина? И вот тогда должны были вмешаться те самые миротворческие части, которые присягнули на верность генералу. Смогли бы они это сделать или нет, сейчас неизвестно, но мы были уверены: миллион людей, приехавших по призыву лидера Движения в Москву, не позволили бы Внутренним войскам остановить разгневанный народ. Какие вообще войска можно противопоставить такому числу людей, объединенных единой целью?

Говорят, что Рохлин был не осторожен в своих телефонных переговорах и, связываясь с некоторыми офицерами и генералами, открыто задавал вопрос: ты с кем? Разве он не понимал, что его слушают? На этот вопрос хочется задать другой вопрос: кто считает, что генерал наивен и недалек? Если он так открыто вел переговоры, может, ему надо было, чтобы Кремль узнал о том, что есть войска, готовые противостоять полицейским силам. Это должно было остудить горячие головы, желающие выслужиться перед Ельциным и его «Семьей». Помните, как в Чечне он поставил полку Верещагина задачу штурмовать переправу, где хорошо подготовленные формирования чеченских сепаратистов ждали федеральные войска, а сам повел основные силы корпуса в обход? Даже комполка не знал, что участвует в обманном маневре генерала. Или когда в Кизлярском районе пустил ложный слух среди местных жителей о прохождении колонны там, где и не думал быть, двинув войска по бездорожью. Принимать такие решения — свойство натуры Рохлина. Не доверять никому — тоже. Проверять и перепроверять в большом и малом слова и действия врагов и друзей, сослуживцев и подчиненных — совершенно обычное для него дело. Поэтому слова «не осторожен в своих телефонных переговорах» следует трактовать как-то иначе, не в прямом смысле.

Я сам был свидетелем, когда Рохлин в ком-то из своих помощников сильно сомневался и предупреждал меня: будь осторожней, не болтай лишнего, присмотрись и поймешь. Когда советник по безопасности Михаил Романов доложил генералу, что в Штаб затесался человек с мутной криминальной

биографией, провокатор, состоящий на службе у властных структур, Рохлин ответил: не трогать, он мне пока нужен… Генерал был хорошо информирован не только о тех, кто вставал на его сторону, но и о планах Кремля. Старался многие их действия предупредить, дать понять, что знает об их намерениях дискредитировать его как лидера оппозиционных власти сил.

Я помню, как мне довелось участвовать в пресс-конференции, когда Рохлин, обращаясь к журналистам, вдруг заявил, что против него планируется провести ряд дискредитирующих мер. Возможно, это будет «участие в пьяной драке» или автомобильная авария и даже прямое физическое устранение. Все с удивлением слушали эти странные формулировки, и даже соратникам казалось, что Лев Яковлевич в раскрутке собственного имиджа переусердствовал. Как можно с его участием организовать провокацию, если он никогда не бывает один? С ним всегда ездят два бывших разведчика из Волгоградского корпуса Александр и Максим, постоянно работает специальная служба, ее машины сопровождают переезды депутата.

Вот что рассказал по этому поводу советник генерала по безопасности Михаил Федорович Романов:

— Еще до того, как Рохлин начал организовывать Движение в поддержку армии, он озаботился собственной безопасностью. Как-то Лев Яковлевич приехал поздравить с днем рождения генерала, писателя и участника войны в Афганистане Александра Ляховского, с которым его связывали дружеские отношения. Разговорились… Председатель Комитета Госдумы по обороне начал рассказывать своему товарищу о тех проблемах, которыми ему приходится заниматься, и Ляховский вдруг заявил:

— Лев Яковлевич, ты сильно рискуешь. Чеченцы за твою голову объявили награду. А тут еще военная мафия зашевелилась. Ты думаешь, тебе простят «Люкон» или вмешательство в поставки оружия в Армению?

— Не надо сгущать краски, я никого не боюсь, — ответил генерал.

— Мы все знаем твою смелость, о тебе легенды ходят. И все же надо серьезно отнестись к вопросам безопасности. Давай я тебя познакомлю с моим другом Михаилом Романовым, он занимается охранной деятельностью, уверен, в помощи тебе не откажет.

Тут же именинник познакомил меня с генералом, а через день-другой я назначил машины сопровождения, которые обеспечивали безопасность Рохлина на дорогах. Приходилось со Львом Яковлевичем выезжать и в командировки, охранять делегатов съездов и конференций, которые он проводил. А когда

у него отношения с властью обострились, нам и вовсе пришлось постоянно быть начеку. Заранее проезжали планируемые маршруты, выявляли опасные места. А когда выезжал генерал, наши люди в критических точках оказывались раньше его машины и докладывали старшему сопровождения о своих наблюдениях.

Приходилось осуществлять и технические работы по проверке помещений, обеспечивать его конфиденциальность переговоров. Лев Яковлевич ценил работу группы, был благодарен нам. А когда одна из охранных структур предложила ему исполнять наши обязанности за меньшую цену, то их люди были страшно удивлены, когда узнали, что мы помогаем Рохлину бесплатно.

Замечали ли мы слежку? Откровенного говоря, нет. Возможно, и следили за Рохлиным, но не тогда, когда с ним были наши люди.

Бесспорно, охранная организация Михаила Романова сильно мешала осуществлять тотальную слежку за генералом, но порой мы выезжали из Госдумы неожиданно, никого не предупредив. Рохлин есть Рохлин, иногда ему требовалось, чтобы никто не знал его маршрута. Так мы ездили, к примеру, к Михаилу Полторанину, и они уже вместе объезжали банкиров или предпринимателей. Не хотел Рохлин «засвечивать» и адреса, где встречался с военными, с генералами от оборонки. Поэтому при всех стараниях многих соратников Лев Яковлевич оставался в некоторые моменты без защиты. Смерти он не боялся, но предвидел, что с ним могут расправиться.

Вспоминает Владимир Викторович Федосввнков:

— Нас с Рохлиным связывали тесные рабочие отношения. Наш Союз офицеров помогал создавать ДПА. А потом проводили совместные мероприятия на Горбатом мосту. И когда ситуация накалилась, я однажды услышал от него:

— Застрелят меня, Володя. Попомни мои слова, застрелят..

Я был потрясен. Но в последующем, ближе к июлю, еще дважды он мне сказал то же самое. Поэтому когда действительно это случилось, я ни на минуту не сомневался, что это сделала не жена. Он предвидел исход своей жизни.

По-женски предупреждала Рохлина и его сестра, Лидия Яковлевна Зорина:

— Лева, что ты делаешь? Тебя же убьют. Тебя убьют, а мы все останемся жить с этим горем. Подумай ты о нас, Лева…

Лев Яковлевич, как мог, успокаивал ее, говорил, что все не так страшно, что все обойдется. А что еще мог сказать мужчина,

военный человек переживающей за него женщине? Опасения свои держал при себе, поделился ими, как видим, лишь с подполковником Федосеенковым. И как мы теперь знаем, эти опасения возникали не на пустом месте. Вот что написал в своей книге «Власть в тротиловом эквиваленте» Михаил Полторанин:

«…Не могу ручаться за достоверность фактов: за что, как говорится, купил, за то и продаю. Но утаивать последний разговор с генералом не имею морального права. Пусть он даже воспринимается как предположение.

Лев Яковлевич сказал, что, по информации его агентов из службы безопасности «семьи», четверка в составе Бориса Ельцина, дочери-имиджмейкера Татьяны Дьяченко, руководителя администрации Валентина Юмашева и зама руководителя Александра Волошина обсуждали варианты устранения лидера ДПА. Любые решения — автокатастрофа или пуля снайпера в людном месте — посчитали неприемлемыми, опасными для власти. Нужно организовать хитрую бытовую загогулину, чтоб была с «изюминкой».

Кому поручить?

Рассматривали кандидатуру зама руководителя администрации Евгения Савостьянова. В свое время он был начальником управления КГБ по Москве и Московской области. Вертели так и эдак — отклонили. Психологически не готов. Набрался правозащитного мусора, работая с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Гавриилом Поповым, а в КГБ его занесло случайным порывом ветра. Демократ и чистоплюй. А нужен гэбист бериевской школы.

Татьяна Дьяченко с Юмашевым сказали Ельцину, что есть подходящий человек с хорошей выучкой — Тихий. Таким псевдонимом (Рохлин до разговора со мной не вычислил его) они нарекли другого кремлевского чиновника. «У него холодные глаза и холодный рассудок». Работайте, сказал им Ельцин, сделает — рассчитаемся. Если надо, пусть подключит грушников.

— Я не остановлюсь, успеть бы, — сказал генерал. На том мы с ним и расстались».

Значит, Рохлин знал, что говорил на той «странной» пресс-конференции. Он уже обладал информацией…

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Из воспоминаний Виктора Ивановича Илюхина:

— Накануне, 2 июля, вечером, у меня в кабинете мы обсуждали тактику действий по блокированию Москвы силами оппозиции. Разложили карту, перебирали магистрали, которые надо перекрыть, чтобы в город не пропустить полицейские силы, остающиеся на стороне президента. Рохлин настаивал, что блокпосты следует выставлять на магистралях, ведущих к местам дислокации частей МВД. Получалось, четыре, максимум шесть шоссейных дорог. Я был этим не удовлетворен и доказывал, что силы сторон окажутся неравны, наши посты или сметут или просто обойдут параллельными путями. Ничего не решив, запланировали встретиться опять у меня в кабинете пораньше, часов в 8 утра, чтобы до пленарного заседания успеть продолжить обсуждение. Я поехал домой. Рохлин — на дачу к застолью в честь дня рождения сына.

Утром вместе с несколькими близкими товарищами уже собрались в кабинете, когда прозвенел телефон на моем рабочем столе. Сообщили страшное — Лев Яковлевич застрелен на даче. Там уже работает следственная бригада прокуратуры. Тамара Рохлина задержана и подозревается в убийстве мужа. Я вместе с руководителем аппарата Комитета Евгением Чугановым срочно выехал туда.

Что там увидел? Сломленную горем супругу, мертвого друга, бывших коллег по прокуратуре, заранее определивших виновника и «бытовую версию». Два отверстия от пули — один в висок спящего на втором этаже, другой на первом этаже под потолок. Гильза валялась на полу, и по ней ходили, не стремясь для экспертизы зафиксировать, где она лежит.

Разрешили переговорить с Рохлиной. Я спросил, как же так, Тамара Павловна, что случилось? В ответ— все не очень внятно. Понятно, стресс.

Подумалось тогда, кто следующий? Но эту подленькую мысль пришлось отогнать сразу. Если все время об этом думать, можно руки опустить. А ведь столько начали дел! Импичмент президенту, идет уже сбор подписей. Движение в поддержку армии на подъеме и готовится к выступлению. По стране поднята огромная волна протеста, если не мы сейчас, все равно народ заставит Ельцина уйти. Совместное расследование ряда очень важных преступлений режима, их надо завершить и передать в правоохранительные органы. Вот только ответственны ли сегодня

они? Скуратовых, Катышевых в прокуратуре раз, два и обчелся. Это честные и порядочные люди. За других не ручаюсь…

Из книги-дневника «Записки красного профессора» Бориса Сергеевича Хорева, сподвижника Льва Рохлина, доктора географических наук, почетного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова:

«4.07. Вчерашний день отбросил страну далеко назад: ночью, в 4 утра, убит Рохлин. Будто бы выстрелила жена (Тамара), мол, в пьяном виде, нервнобольная. Не верю.

В 8.30 я был в кабинете Илюхина на заседании штаба протестных действий. Примерно в 9 часов поступило сообщение. Весь день провел в Думе. Вечером штаб принял специальное заявление…

Было сумбурное заседание ДПА.

…Сегодня весь день идет дождь, даже природа оплакивает Льва. Такого удара — на взлете — мы не ожидали. Значит, нам не везет.

Очень до боли жалко Льва. Другого такого не найти. Это — раз в столетие. Не все это понимают.

…Итак, вчера была поистине черная пятница— 3 июля 1998 года. Лично у меня рухнули все надежды на победу при жизни. И хотя верю в «классику» рабочего движения…

Илюхинский штаб только-только развернулся — числа с 22/VI, а «устаканился» с 29/VI (приняты заявление штаба и утверждена структура), и тут, бац, гибель Рохлина!

8.07. Вчера, 7/VII, хоронили Рохлина. К траурному катафалку в Доме офицеров Московского военного округа в Лефортове люди шли 4,5 часа! Даже газеты написали: десять тысяч, а по мне так все сто».

Вспоминает Игорь Михайлович Братищев, депутат Госдумы 1-го и 2-го созывов, доктор экономических наук, профессор, академик РАГН, член Исполкома ДПА:

— Убийство Рохлина — это потеря всего левопатриотического движения. Это был выдающийся, харизматичный, волевой, решительный и в то же время обаятельный и сердечный человек. Испытал в жизни много, на войне был успешен, но потерял здоровье. Делал шунтирование сердца, на нервной почве не заживали раны, часто ездил в госпиталь на перевязки. Чутко реагировал на изменение политической обстановки. Когда понял, что Ельцин ведет Россию и армию в тупик, отсиживаться на депутатской должности не стал, начал угрожать президенту и создавать Движение в

поддержку армии. Попросил меня принять в этом участие. Моя задача заключалась в укреплении контактов ДПА с депутатами Госдумы и членами Совета Федерации, с губернаторами. Его цели разделяли многие и негласно помогали, чем могли.

Хоронила Рохлина вся Россия. Народу было очень много. Ни Дом офицеров МВО, ни Троекуровское кладбище столько людей, пришедших проститься, не видели, это точно. Офицеры и генералы в форме, без фуражек шли за гробом, стояли молча, сжимая кулаки, а дождь смывал предательские слезы. Обстановка была тяжелой, душераздирающей. Мы потеряли самого близкого друга.

На следующий день, 8 июля, собрали III Чрезвычайный съезд ДПА. Еще перед похоронами нашли возможность с Исполкомом собраться, ходили совещаться с Геннадием Андреевичем Зюгановым, определялись с будущим руководителем Движения. Выбор был большой. Готовы и хотели возглавить организацию бывший министр обороны Игорь Родионов, бывший командующий ВДВ и заместитель министра обороны Владислав Ачалов, генерал-полковник и депутат Альберт Макашов. Рвался перехватить руководство еще один известный всем нам молодой провокатор с криминальным прошлым, суть которого Рохлин знал, но от себя не гнал (зачем, пришлют нового, которого мы не знаем, говорил генерал). Но посовещавшись в малом кругу, приняли единогласное решение — избрать Илюхина. Такое настроение было и у большинства членов Исполкома ДПА, экстренно приехавших делегатов съезда.

Съезд вел я, шел он в закрытом режиме — журналисты толпились на улице. Выступающих было много, говорили горячо, Виктора Илюхина избрали почти единогласно — голосованием против него выдали себя провокаторы и «засланные казачки». Илюхин объективно был вторым лидером ДПА, возглавлял штаб протестных действий, замыкал на себя не только армейских товарищей Рохлина, но и спецслужбы. Тут же решили начатое генералом дело продолжить, от уставных целей и задач не отклоняться.

Рохлин готовил массовые выступления. Со многими трудовыми коллективами контакты остались, а с военным руководством, которое замыкалось непосредственно на Льва Яковлевича, были утрачены. Выходить без поддержки армии против вооруженных до зубов омоновцев и войск МВД было самоубийственно — только людей подставить. Пока проводили ревизию наличных сил, революционная волна пошла на спад.

Мы потеряли не только Рохлина, но и момент, когда народ был готов выступить по призыву генерала.

И все же Движению повезло, что знамя из рук Рохлина подхватил именно Виктор Иванович. Он мыслил трезво, когда надо — действовал стремительно, если позволяла обстановка— вел организационную и просветительскую работу масс, был непримирим к антинародному режиму, давал ему принципиальные оценки. Вот и на следующий день после избрания Илюхина председателем ДПА вышло его Обращение к гражданам России «Мы готовы к борьбе и победе». Он пишет: «Мы потеряли Л.Я. Рохлина… Нам предстоит продолжить борьбу за возрождение армии, оборонной мощи великой державы, достоинства человека… Вот почему первоочередной задачей Движения становится политическая борьба за удаление от власти Ельцина и его окружение…Пришло время борьбы. Будем мужественны и сильны. Победа будет за нами!».

И в этот же день, 9 июля 1998 года, он направил Открытое письмо президенту России Б.Н. Ельцину. «Вы и ваше правительство не способны вывести Россию из исторического тупика, в котором она оказалась вследствие компрадорской реформаторской деятельности и прямого предательства ее исторических традиций. В народе не осталось и капли доверия к вашему курсу, поставившему страну на грань общенациональной катастрофы. Настал час, когда надо предстать перед лицом Истины, признать трагедию случившегося и во имя возможного и неизбежного спасения России отречься от власти… На небе Бог, на земле Россия! Помните об этом».

Что же в ответ? «Не уйду, я никуда не уйду! Не отрекусь!». Эти слова Ельцин повторил несколько раз и в разное время. Президент думал, что с убийством Рохлина народ успокоится и разойдется по домам. Но на место генерала пришел прокурор, который не кавалерийским наскоком, а методичной повседневной работой будоражил умы граждан и обнажал перед обществом преступную сущность правящего режима.

ДПА, созданное Рохлиным, продолжило начатую генералом борьбу.

КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА РОХЛИНА?

Кто же убил генерала Рохлина? После рокового выстрела прошло уже почти пятнадцать лет, а Россия до сих пор задает этот вопрос. Смерть мятежного генерала наступила в очень нужное время для тех, против кого он боролся. Ни раньше, ни позже. В мае — середине июня лидер ДПА только-только начинал поднимать в стране волну народного протеста, и было неясно, удастся ли ему осуществить задуманное. А значит, серьезной опасности Рохлин в этот момент еще не представлял. Но его усилия нашли отзыв в обнищавшей и крайне униженной России — ветераны, военнослужащие, шахтеры, казачество, учителя, рабочие, студенчество готовились по призыву Общероссийского штаба протестных действий 20 июля прибыть в Москву и встать в бессрочный пикет под лозунгами «Ельцина в отставку!», «Вся власть правительству народного доверия!». И хотя Волгоградский корпус был уже нейтрализован, страна гудела от предстоящей схватки с ненавистным режимом.

И тут прозвучал выстрел. У всех шок! В оппозиции ступор! На похоронах звучат отчаянные призывы — с гробом Рохлина стотысячной толпе двинуться на Красную площадь. Кого-то разоружить, пойти на Кремль, воспользоваться моментом стечения народа. Здравый смысл возобладал над эмоциями — нельзя бросать убитых горем людей на вооруженных до зубов церберов, охранявших уже неделю как опустевшую резиденцию президента. Потом был внеочередной съезд, пересчет тающих сил. Цунами народного гнева, только-только зародившись в глубине России, медленно, но верно пошла на спад. Через пару недель после убийства генерала страна вернулась в прежнее состояние. Дожидаться нового Рохлина…

Депутат Госдумы генерал Лев Рохлин был застрелен у себя на даче в поселке Клоково Наро-Фоминского района

Московской области в ночь на 3 июля 1998 года. По подозрению в убийстве задержали его жену Тамару.

Генеральная прокуратура, соратники генерала и журналисты каждый по своей линии принялись расследовать убийство лидера ДПА. И все нашли преступников. Оттого мы сейчас можем рассмотреть несколько версий гибели Льва Яковлевича Рохлина. Все они имеют под собой веские основания. Я думаю, что читатель, ознакомившись с ними, сам для себя выберет ту, которая ему покажется наиболее весомой.

Версия первая и официальная — Льва Яковлевича Рохлина

застрелила жена на почве неожиданно возникшей неприязни.

В тот день, 2 июля, у сына генерала был день рождения, собрались родные и близкие. Лев Яковлевич вернулся домой поздно, без подарка для ребенка, чем вызвал у супруги естественный приступ негодования. Проводив гостей, Рохлин лег отдыхать, а жена чуть позже поднялась в подпитии в спальню и выстрелила из пистолета в висок мужа. Потом разбудила охранника Александра и сообщила о случившемся. Тот поверил не сразу, а когда поднялся в спальню и убедился, что шеф убит, вызвал правоохранительные органы.

Неясные детали: выстрелов было два. Один прозвучал в спальне, где спал **генерал,** другой — на первом этаже. Пуля застряла в стене по касательной вверх. Пистолет, обнаруженный под забором дачного участка, был вымыт химическими средствами, отпечатки пальцев отсутствовали. Прокуратура смывы с рук присутствующих не брала, многие детали состояния убранства помещения не закрепила, словом, допустила массу «небрежностей». Такие действия следственной бригады объяснялись тем, что жена Рохлина прокурорским работникам призналась в убийстве мужа непосредственно на месте преступления.

Позже, в ходе следствия, она отказалась от признательных показаний, но в 2000 году Наро-Фоминский суд признал Рохлину виновной и приговорил к восьми годам заключения в колонии общего режима. В декабре Мособлсуд сократил срок наказания до 4 лет. Летом 2001 года Верховный суд России отменил обвинительный приговор, направив дело на новое рассмотрение. А Рохлину выпустили на свободу под подписку о невыезде. В 2005 году городской суд Наро-Фоминска вторично признал Тамару Рохлину виновной и назначил ей наказание — четыре года условно.

На чем основывались выводы следствия и суда?

Вспоминает Михаил Борисович Катышев:

— Я хорошо помню материалы уголовного дела, хотя прошло много лет, и считаю: убийство совершила Тамара Рохлина. По заключению судебно-психиатрической экспертизы Тамара Павловна в момент совершения преступления могла отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Поэтому экспертами была признана вменяемой. Есть обвинительный приговор суда, который вступил в законную силу. То есть она осуждена за совершение умышленного убийства мужа. До сих пор этот приговор не отменен.

Несмотря на то, что мы со Львом Яковлевичем были в очень

хороших, даже дружеских отношениях, я считаю, что в данном случае произошла семейная трагедия. Об этом определенному кругу лиц хорошо известно.

Вот такая основная и официальная версия, которую нам подтвердил бывший заместитель Генерального прокурора — начальник Главного следственного управления Генпрокуратуры Российской Федерации Михаил Катышев, бережно хранящий память о своем друге, ставшем одной из знаковых фигур середины 80-х годов уже прошлого века. Но вопросы по вынесенному судебному решению остаются. Многие высказывали мысль, что если совершено убийство, то срок за него 4 года — странно мало. Если нет — то 3 года мытарств по следственным изоляторам и колониям— очень много… Так или иначе, суд никого, кроме Тамары Рохлиной, в убийстве ее мужа не обвинил.

Версия вторая, неофициальная, но впоследствии опровергнутая Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Некоторые сторонники Рохлина начали собственное расследование. Спустя неделю после гибели Льва Яковлевича на имя Генерального прокурора Юрия Скуратова было отправлено письмо, а потом и проведены пресс-конференции, где приводились следующие аргументы, свидетельствующие о невиновности Тамары Павловны. Они заключались в следующем:

• в ночь убийства на даче находилось четыре человека, но никто не слышал звуков двух выстрелов из пистолета. Следовательно, использовалось оружие, оснащенное глушителем. Пистолета с глушителем у генерала не было;

• по свидетельству родных, вечером, несмотря на достаточно поздний приход генерала домой, ссоры, на что следствием акцентировалось внимание, между Львом и Тамарой не было. Рохлина еще в 2 часа ночи звонила подругам и была в добром расположении духа;

• Тамара Павловна Рохлина, как отмечалось на пресс-конференциях, «с огромным пиететом относилась к общественной значимости мужа и проводимой им политической линии». Кроме того, генерал был единственным источником финансирования семьи;

• по свидетельству зятя и дочери, еще в декабре жена генерала похищалась, была насильно посажена в автомобиль неизвестными, угрожавшими расправой генералу, ей и семье, если Рохлин не прекратит оппозиционную деятельность. После убийства Льва Яковлевича Тамара Павловна дочери заявила, что это были «те же самые лица»;

• наутро тяжелая входная дверь на дачу была распахнута, хотя никто из домочадцев ее не открывал, а Тамара Павловна и вовсе не могла это сделать, так как «ей просто не хватало бы сил»;

• при осмотре прилегающего к даче леса, в непосредственной близости от дома Рохлина, на дереве был обнаружен «насест», с которого, якобы, велось наблюдение за перемещениями генерала;

• в том же лесу были найдены сожженные трупы несколь-ких человек, предположительно тех, кто непосредственно исполнял акт убийства и принуждения жены к собственному оговору.

Все эти свидетельства впоследствии были Генеральной прокуратурой опровергнуты. Часть из них признаны субъективными. Заявления семьи о похищении Рохлиной неизвестными лицами в правоохранительные органы не поступало. Трупы были сожжены до убийства Рохлина и являлись результатом бандитской «разборки». Было проведено следствие, виновные найдены и наказаны.

Но те сторонники Рохлина, кто не доверял выводам правоохранительных органов и решениям судебных инстанций, и по сей день продолжают отстаивать версию «неизвестных в масках», которые под угрозой заставили Рохлину выстрелить в мужа.

Комментирует ситуацию питерский ученый Юрий Петрович Савельев:

— Лев Яковлевич пригласил меня приехать в Москву для важного разговора, и я не заставил себя ждать. Встретились в штаб-квартире ДПА: дым коромыслом, непрерывный поток людей. Я с любопытством наблюдал, как в небольшом прокуренном помещении заваривалась политическая каша, которая в самое ближайшее время должна была потрясти так называемую «новую» Россию. Когда он «раскидал» неотложные дела, мы уехали к нему на дачу, поднялись по высокому крыльцу, вошли в дом, охрана заняла свои позиции.

В маленький холл спустилась Тамара, воскликнула: «Надо же, не забыл этот день: я думала, не вспомнишь!». Обняла Рохлина, и я понял, что эта женщина любит своего мужа. Рохлин меня представил, сел в кресло, устало вытянул ноги, вытащил из правого кармана брюк пистолет, протянул Тамаре: «На, передай охране!». Видимо, это была обычная процедура. Она ушла. Я спросил, о каком дне говорила жена: оказалось, что я попал на маленькое семейное торжество — годовщина совместной жизни. Праздновали втроем: пили кавказское вино, смеялись.

Я вспоминал впоследствии этот вечер. После убийства генерала болтали о каких-то неурядицах в семейной жизни

Рохлиных, что и послужило, якобы, основанием для рокового выстрела. Полная чушь!

После ужина Лев Яковлевич повел меня осматривать дом. Спустились в полуподвал первого этажа: там была небольшая баня-сауна. Отсюда одна дверь вела наружу, в приусадебный дворик. Рохлин посмеялся: «Здесь без поллитры дверь могу открыть только я». Взял маленький железный ломик, стоявший у косяка, подсунул под дверь, приподнял и толкнул ее. После второго раза она распахнулась. Впоследствии именно эта дверь фигурировала в обстоятельствах совершенного преступления: скорее всего, сообщник убийц генерала, находившийся в доме, также знал этот секрет и заранее открыл ее, поскольку снаружи это сделать было невозможно.

Версия третья, короткая.

Тамару Павловну выкрадывали «неизвестные в масках», лечили израильские врачи и определенным образом зомбировали. По телефонному звонку и произнесении в трубку ключевого слова, та, помимо собственной воли, исполнила заложенную в нее программу.

Методики спецслужб, говорят, это сделать позволяют. По крайней мере, многие обыватели так думают.

Версия четвертая, неофициальная, но основная, которой придерживаются практически все сторонники мятежного генерала. Она заключается в том, что с Рохлиным расправились его политические противники.

Виктор Илюхин, который побывал на даче и разговаривал с вдовой генерала, уже через некоторое время сделал политическое заявление, обвинив ельцинский режим в том, что он исполнил свою недавнюю публичную угрозу — «рохлиных мы сметем!». Слишком опасен стал лидер Движения в поддержку армии для криминальной власти олигархов и чиновников. Генерал смог за короткое время сформировать мощнейшую общественную организацию из военных, которая активной оппозиционной борьбой привлекла на свою сторону миллионы российских граждан. От слов обвинения режима в совершенных преступлениях лидер ДПА перешел к практической подготовке масс на организованное выступление «до победного конца». Ему, в отличие от других современников, удалось поднять огромную по масштабам волну протеста, которая в июле 1998 года должна была смыть в политическое небытие и президента Ельцина, и его «семью», и незаконно нажившихся на варварской приватизации и ухватившихся за власть чиновников. На смену им Рохлин вел за

собой правительство народного доверия, которое, по его планам, и должно было поднять Россию с колен, восстановить честь армии и флота, дать людям уверенность в завтрашнем дне.

Каждый из нас вправе выбрать для себя любую версию убийства Льва Рохлина. А кто-то, как Михаил Полторанин, продолжает поиск убийц и время от времени называет новые имена, иные обстоятельства. Так или иначе, Рохлина не стало в очень ответственный для политической жизни России момент. Именно тогда, а не в какой-то другой период исторического развития страны мы потеряли патриота, отдавшего всего себя служению Родине и ее народу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этом году Льву Рохлину исполнилось бы 65 лет, но его не стало в 51. Мы воспринимали его тогда как человека, чей возраст возвышался над нашим вершиной, уходящей за тучи. А теперь мы перегнали нашего командира и лидера ДПА, оставив свои 51 позади. Но странное чувство — Лев Рохлин так и остался старше нас, выше нас, мудрее, чище, лучше. Его жизненного опыта вояки, вкусившего вкус побед и горечь утрат друзей, сослуживцев, подчиненных, с лихвой хватило бы на всех. Мы безоговорочно принимали его старшинство и главенство. Потом образ генерала, прячась в тумане наслаивающихся лет, стал для нас символом беззаветного служения Родине, маяком, по которому следует ориентироваться в делах и поступках.

Нам повезло, что Рохлина на посту руководителя Движения в поддержку армии сменил другой патриот страны, его друг — бывший прокурор, когда-то возбудивший уголовное дело на президента Горбачева, Виктор Илюхин. И ДПА не заглохло. Мы не смогли использовать потенциал, наработанный Рохлиным, и поднять людей на бессрочный пикет, который готовил генерал, но организация сделала многое, чтобы Вооруженные Силы не были окончательно уничтожены, НАТО не чувствовало себя в России хозяином, а такое понятие, как социальные льготы военнослужащим, не перестало существовать.

На памятник генералу средства собирал Виктор Иванович Илюхин. Еще один великий патриот страны скульптор Вячеслав Михайлович Клыков изваял бронзовую фигуру генерала. Собранные деньги пошли на материалы и установку памятника на Троекуровском мемориальном кладбище. Открывали его, гордясь, что смогли увековечить образ нашего товарища. Сейчас, в ста шагах от Рохлина, за спиной белой колокольни, что на центральной аллее, могила Виктора Ивановича Илюхина. Два лидера Движения, два боевых товарища и после жизни остались рядом. Нет с нами и Клыкова. Он похоронен у себя на родине в Курской области.

Бежит время. Приходят новые властители человеческих душ, шумят в стране иные страсти. Кто-то у власти, кто-то в оппозиции, кто-то толкается локтями, чтобы занять свою собственную политическую нишу. Обычное дело. На слуху и на языке всегда те, кто громче крикнет, хлестче ответит, крепче ударит, больше наобещает. Но народная память живет не текущим днем. Не запорошил песок столетий ни Минина с Пожарским, ни Суворова, ни Кутузова, сложены и поются песни

про Стеньку Разина, Емельяна Пугачева. Несут охапки весенних цветов к памятникам Маршалов Победы Жукову, Рокоссовскому, Василевскому. Вот в этом ряду и имена Льва Рохлина и Виктора Илюхина. По вкладу, который они внесли в освобождение порабощенного молодым капитализмом сознания россиян. Они доказали, что не словом единым живет оппозиция, что есть и должно быть Дело. Большое дело, на алтарь которого не зазорно положить жизнь свою. Настанет день, когда и их имена будут выбиты на постаменте патриотов России.

Честь имею, ***Александр Волков.***

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА I СЪЕЗДЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «НАШ ДОМ — РОССИЯ»

Уважаемые товарищи! Разрешите мне как гостю съезда не останавливаться на работе и программе съезда, а остановиться на том, почему я поддерживаю движение «Наш дом — Россия».

Служа в горячих точках Закавказья, я лично видел, к чему приводят государства только отдельно выдвинутые лозунги. Анализируя программы отдельных партий, которые на данное время рвутся к власти, я вижу много схожего, знакомого…

Так, в Грузии только два слова — Грузия для грузин, — сказанные Гамсахурдия, немедленно вздыбили страну, восстала Южная Осетия, Абхазия, а сам Гамсахурдия был сметен тем, что породил.

В Азербайджане совсем недавно неплохо жили армяне, как правило, работавшие ремесленниками и управленцами. Также неплохо жили в Армении азербайджанцы, прекрасные земледельцы. И все это благополучие рухнуло благодаря одному слову— национализм. И сейчас эти народы живут в крови, нищете и злобе.

По этой причине я не приемлю те партии, которые делают своим знаменем национализм. Я не приемлю те партии и деятелей, которые уже попробовали власти, не удержали ее, довели страну до крайности, а теперь вновь рвутся к власти, уверяя, что теперь у них обязательно получится.

Я решил поддерживать движение по той причине, что оно, по моему мнению, правильно делает ставку не в общем, а на лучших из лучших в России — тех, которые на практике доказали, что они способны справиться с любой задачей, завоевали уважение людей и могут повести их за собой.

Это решение, по моему мнению, может в корне перевернуть деятельность правительства, положение в регионах и общую обстановку в стране.

Но это не значит, что на данный момент мы, военные, довольны положением дел в государстве и армии.

Я не буду говорить о бедственном положении народа, о стоящих заводах, о потере нравственности, забытых боевых и трудовых традициях. Об этом куда лучше скажут другие. Я хочу сказать о тяжелом положении в армии.

Только на территории Северо-Кавказского округа на данное время 20 446 бесквартирных военнослужащих. Многие из них

выполняли решение правительства по разоружению незаконных бандформирований в Чечне, раненые и контуженные. Даже не все семьи погибших военнослужащих обеспечены квартирами. Чем они провинились перед Родиной?

Трудно смотреть в глаза лейтенантам, которые через день заступают на сутки в караул, неделями находятся на полигонах, готовы в любой момент отдать свою жизнь, выполняя приказ Родины и правительства, и которые спрашивают у меня: «Почему мы два месяца не можем получить деньги? Нам не на что купить хлеб». А ведь это люди, у которых нет возможности подработать сторожем ночью или накопать картошки на своем приусадебном участке.

Только по продовольствию задолженность округа составляет 40 млрд. рублей. Это значит, что хлебозаводы отказываются выдавать хлеб солдатам, совхозы отказываются поставлять продовольствие при таких задолженностях.

Если это будет продолжаться так же, то в российском масштабе повторится трагедия острова Русского.

Долги по коммунальным услугам округа составляют 84 млрд. рублей.

При полной укомплектованности и обученности только двух дивизий хватило бы решить все вопросы в Чечне в короткие сроки. Но таких дивизий не нашлось, и по этой причине пришлось со всей России собирать солдат и матросов.

И 8 гвардейский армейский корпус действовал в Чечне лишь сводным полком, и если он выполнил задачу, то только по той причине, что день и ночь занимался. И я, пользуясь моментом, низко кланяюсь главе Волгоградской области Шабунину Ивану Петровичу, который в то время, когда на боевую подготовку, на мишени не было выделено ни рубля государством, сумел в крайне сложной экономической обстановке для области помочь бескорыстно нам деньгами, квартирами, благоустройством. Входе ведения боевых действий по-отечески помнил о каждом солдате, одев в теплые свитера весь 8 армейский корпус, и, возвращаясь, для семей погибших мы получили помощь не от государства, а от губернатора.

Много говорится о реформе в армии, которая то ли идет, то ли уже закончилась.

Какая может быть реформа при таком огромном недостатке финансирования? Даже после событий в Чечне не сделаны должные выводы.

Личным составом 20 гвардейская мед укомплектована на 45 %, техникой на 50 %. В этом году в части корпуса не поступило ни одной новой единицы техники, а

доукомплектование планируется за счет устаревшей техники.

Но есть основополагающие моменты, которые, не требуя денежных затрат, могли бы в корне перевернуть обстановку в армии. Это переход на территориальное обеспечение войск.

На данное время войска являются обузой для территорий. В то же время федеральные налоги для обеспечения тех же войск взимаются с территорий и возвращаются назад для обеспечения этих войск. Но проделывают сложный путь, проходя через коммерческие банки, учреждения и управления, решая проблемы отдельных заинтересованных лиц.

Так, к примеру, за овощами я посылаю 50 машин в Ростовскую область при наличии таких же овощей в Волгоградской. И обходятся они государству уже в два раза дороже, но зато решаются вопросы отдельных лиц. Мы предлагаем, исходя из необходимости содержания группировок войск на той или иной территории, оставлять часть федеральных налогов на территории и решать непосредственно на месте вопросы денежного довольствия, питания, вещевого обеспечения, коммунальных услуг, обеспечения горючим, строительства жилья и ряд других вопросов, за исключением обеспечения вооружением, техникой, боеприпасами и специальными средствами.

Даже когда деньги выделяются правительством, они благодаря коммерческим банкам и всяким иным учреждениям или не доходят до войск в полной мере, или доходят обесцененными.

Что дало бы наше предложение?

Первое. Мы миновали бы промежуточные инстанции и исключили бы закупку материальных средств по завышенным ценам.

Второе. Для территории войска были бы не пасынками, а сыновьями, которые давали бы работу, возможность реализации местной продукции.

Третье. Даже при недостаточном наличии финансовых средств на территории она могла бы, за счет обмена векселями, решать все вопросы, обменивая продукцию местной промышленности и сельского хозяйства.

Четвертое. В то же время армия и территория должны иметь равные права на запрет приобретения той или иной продукции.

К примеру, если мы хотим приобрести обмундирование за территорией области, то область имеет право сказать: «Мы вам предлагаем то же обмундирование, но по более низкой цене», или наоборот.

Следующее, на чем бы я хотел остановиться, это

притягательность службы в армии. Она зависит от очень многих факторов, но не последним из них является материальное обеспечение. Не выполнен правительством Закон «О статусе военнослужащих». Много говорилось о профессиональной армии, но оклады назначены такие мизерные, что желающие служить в нашей армии не могут себе это позволить. Не продуманы тарифные сетки должностных окладов и окладов по воинским званиям. Разница в денежном содержании между нижестоящими и вышестоящими должностями настолько мизерна, что при выборе — переехать на вышестоящую должность или остаться в благополучном месте — военнослужащие предпочитают последнее. Нет значительной разницы в денежном содержании для тех, кто служит в Москве, Забайкалье или в предстартовых точках, готовых в любой момент выполнить боевую задачу.

И, конечно, самое больное— это доброе слово об армии. Почему нас посылают воевать и делают виноватыми тех, кто на этих войнах ничего не получает, кроме возможности погибнуть или пролить свою кровь?

Великие соболезнования высказываются журналистам, банкирам, но не находится тех, кто выразил бы благодарность, позаботился о солдате, сказал ему спасибо. Почему-то из 2,5 тысячи военнослужащих корпуса, представленных к наградам за выполнение воинского долга, награждено чуть более 800. Наверное, в воинских и гражданских бюрократических кругах Москвы, сидя в мягких креслах, лучше видно, кто что заслужил.

Дорогие товарищи!

Я уверен, что в этом зале и в нашем движении новый подход опоры на личность перевернет ситуацию в стране и армии.

Спасибо за внимание!

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЯ. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ «О СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»

В своем выступлении я хочу обратить ваше внимание на две жгучие проблемы:

• первая — как предотвратить нежелательное для России развитие событий на Северном Кавказе, угрожающее безопасности страны;

• вторая— об опасных последствиях передачи оружия воюющим странам СНГ вопреки интересам России и в целом об ошибочности нашей политики по отношению к бывшим республикам СССР.

В последней декаде сентября мне вместе с членами Комитета по обороне Сулейменовым И.А. и Зеленовым Е.А. пришлось поработать в регионе, граничащем с Чечней, и еще раз убедиться в том, что урегулирование чеченского вопроса далеко не ограничивается только выводом войск из Чеченской Республики.

Применив войска в Чечне, федеральная власть не решила ни одной из стоящих перед ней проблем, а наоборот — усугубила их. Она оставляет в Чечне разрушенное хозяйство, обездоленных людей, тысячи боевиков, за пять лет отвыкших от труда, не представляющих, чем им заняться в мирное время, и в большинстве своем не намеренных расставаться с оружием, оставляет кровную месть и ненависть к России.

По какому пути пойдет Чеченская республика — останется ли она в составе Российской Федерации или выберет полную государственную независимость? Этот вопрос еще предстоит решать.

Не будем тешить себя иллюзиями. Не для того боевики воевали, чтобы остаться в составе России. И об этом ясно и четко заявил так называемый президент Ичкерии Зелимхан Яндарбиев. Как только из Чечни будут выведены федеральные войска, она будет вести себя как полностью независимое государство. А руководство страны будет опять делать вид, что этого не замечает.

Суверенитет Чечни — это только часть несчастий, которые могут ожидать Россию. Это может стать началом ее развала.

Предотвратить беду может только своевременное принятие целого комплекса мер, касающихся укрепления армии, проведения более взвешенной и тонкой региональной политики, поддержки пророссийски настроенных руководителей Северного

Кавказа и возглавляемых ими республик.

В настоящее время в результате чеченских событий в некоторых республиках Северного Кавказа создалась взрывоопасная ситуация, и если мы не предотвратим ее, то граница России пройдет по рубежу Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Для такого хода событий сейчас есть все условия.

Во-первых, Чечня без экономической поддержки задохнется в рамках своей территории. И поэтому она будет предпринимать все меры для расширения своего влияния. Чечня станет «гнездом» терроризма, перевалочной базой оружия, наркотиков, местом подготовки боевиков для других регионов, как это было до 1995 года, но уже в существенно больших масштабах.

Во-вторых, чеченскими экстремистами и местными националистами на Северном Кавказе будут предприняты все меры, чтобы на примере Чечни разжечь огонь так называемой «освободительной войны» в остальных республиках.

Возьмем для примера Дагестан, который является воротами России на Ближний Восток. Эта республика с населением 2,1 млн. человек, больше, чем все остальные республики Северного Кавказа, находится в тяжелейшем состоянии. Не получая должной финансовой помощи из центра, Дагестан в течение 5 лет находится в экономической блокаде. В республике безработица достигла ужасающих размеров в результате остановки большого количества заводов военно-промышленного комплекса, упомянутой блокады и разрыва экономических связей. При общей нищете, стоимость основных товаров в республике в 2 раза выше, чем в среднем по России.

Не вызывает сомнения и целеустремленность руководства «Республики Ичкерия» воздействовать на эту республику, пробить себе путь на Ближний Восток. Заявление А. Масхадова при подписании с А.И. Лебедем договора в Хасавюрте о том, что договор подписывается на священной Вайнахской земле, всколыхнуло Дагестан. А заявление Ш. Басаева, что без моря Чечня жить не может и что ему необходимо два дня для того, чтобы овладеть Махачкалой, обеспокоило республику, и там уже звучат требования о создании ополчения для защиты населения и территории.

Только началом и мелким инцидентом считают в Дагестане акцию чеченских боевиков по угону 1000 голов скота, являющегося достоянием и единственным средством существования большого аула. В последнее время грабительские акции чеченских боевиков расширяются.

При этом, несмотря на опыт Чечни и сложившуюся ситуацию,

силовыми структурами должных выводов не сделано. В Дагестане нет достаточных федеральных сил, которые смогли бы противостоять возможной экспансии, нет единого управления силовыми структурами, отсутствуют возможности по оперативной переброске войск в опасные районы.

Беспокоясь о стабилизации обстановки на Северном Кавказе, следует иметь в виду, что Республика Дагестан находится на острие геостратегических интересов России. Через Дагестан проходят железнодорожные, автомобильные, морские, трубопроводные коммуникации в Закавказье, Иран, Турцию и Среднюю Азию.

В Дагестане сложились чрезвычайные условия. Республика последние четыре года буквально «закупорена»: южная граница закрыта для легальных грузов и законопослушных граждан, четыре года не работает железная дорога, проходящая по территории Чечни, не функционируют кабельная связь, линии электропередачи, нефтепровод. Из-за отсутствия возможности транспортировать нефть в Дагестане приостановлена ее добыча. Бюджет республики этого года дотационный на 85 процентов, а следовательно, экономическое развитие республики не предусмотрено. В то же время финансирование осуществляется на уровне 30 процентов, что создало дополнительную социальную напряженность. Такая обстановка на руку экстремистам и националистам всех мастей.

По существу, вследствие отсутствия межгосударственного решения проблемы разделенных народов, договорно-правового оформления и соответствующего оборудования российско-азербайджанской границы на ней совершается преступление против интересов России. Под видом пресечения поставок оружия из Азербайджана разделены народы, в том числе лезгины, разорваны традиционные экономические связи, из-за чего экономика республики за эти годы понесла огромный ущерб. Заинтересованными кругами на границу республики поставляется оружие, готовятся боевые отряды и террористы.

В то же время горные перевалы остаются недостаточно прикрытыми от проникновения контрабанды как на азербайджанской, так и на грузинской границах.

Какой может быть разговор о пресечении поставок оружия из-за границы, если в Чечню с территории России без проблем поставляются БТР-90, грузовики с оружием и боеприпасы для боевиков? Плати деньги — и оружие будет. Но ведь это оружие и боеприпасы производятся и хранятся на государственных заводах и складах.

Кстати, до сих пор ни от Генеральной прокуратуры, ни от

ФСК, ни от МВД нет ответов на вопрос, откуда осуществляются эти поставки.

Побывав на государственной границе, наша делегация увидела там границу горя и слез. Жившие ранее на единой территории дети не могут попасть к своим родителям. Есть случаи, когда сутками покойника не могут перевезти через границу для похорон в соответствии с национальными традициями. Ближайшие родственники не могут попасть на похороны. Целая проблема взять в жены лезгинку, проживающую по другую сторону границы, перевезти через границу приданое невесты. С оставшегося на противоположной стороне границы подсобного хозяйства местные жители не могут вывезти плоды своего труда.

В связи с установлением соответствующими постановлениями правительства Российской Федерации чрезвычайно жесткого режима на государственной границе сложились условия для коррупции и злоупотреблений служебным положением в приграничье и на самой границе. Все делается за деньги — отработаны сотни приемов получения поборов. Да что там говорить, если журналисту, сопровождающему депутатов Государственной думы, предложили дать взятку за организацию перехода границы.

Из-за принятых ограничений автомобильная дорога, когда-то забитая до предела, пуста. Через границу проходят ***А***— б грузовиков за сутки. Не лучшее положение на железной дороге. Там, где проходили до 75 пар поездов (то есть до 150 поездов в обе стороны), сейчас проходят 3–5 поездов.

На границе каждый день меняется схема досмотра. Если рабочий день на контрольном пункте начинается в 8 утра, то работники этого пункта прибывают в 10–11 часов.

На границе скопилось огромное количество контейнеров выезжающих россиян, которые нещадно грабятся.

На одну железнодорожную станцию с одной и другой стороны прибывает пассажирский поезд. Но чтобы попасть на другую сторону станции, пассажиры вынуждены совершать обход около 40 километров до центрального пропускного пункта, для оборудования которого Министерство путей сообщения до сих пор не приняло никаких мер. При этом движение транспорта до указанного пункта не организовано. Цена преодоления этих 40 км. выше, чем стоимость билета до Махачкалы.

У основной массы приграничного населения Дагестана единственное материальное достояние — это скот. На зимнее время он выгоняется на пастбища на азербайджанской стороне. Сейчас это практически невозможно осуществить. Что делать

людям? Как жить? Как остановить их недовольство? Что делается для урегулирования указанных проблем соответствующими министерствами (МИД, Миннац, Минсотрудничества)?

Все это объясняется, как уже было сказано, борьбой с поставками оружия. Но оружие за два года удалось задержать всего дважды в смешном для Чечни количестве.

При отсутствии ответов на эти вопросы, в условиях безысходности создана благоприятная почва для призывов к созданию единого Лезгистана. Делается как будто все, чтобы взорвать ситуацию.

По чьей инициативе это делается? Что могут сказать по этому поводу наши спецслужбы? Кто позволяет разжигать новый огонь войны на Кавказе?

Хочу спросить: по чьему указанию и по чьей злой воле готовится новый взрыв на территории России? Кто опять пытается бросить российских сыновей в пламя новой войны?

В связи с изменениями в Чечне следует ожидать «выброс» огромной криминальной массы именно в сторону Дагестана. Уже в настоящее время так называемые неконтролируемые чеченские отряды боевиков свободно и разгульно ведут себя в Хасавюртовском и Ботлихском районах Дагестана. В дальнейшем, если не установить соответствующий режим на границе, следует ожидать расширения масштабов «освоения» чеченскими боевиками территории Дагестана в направлении Махачкалы, Дербента и Магарантненского района.

В сложившихся в Дагестане условиях просто вызывает удивление, что республика до сих пор не взорвалась.

Но терпение народа небеспредельно. Необходимо, используя все возможности, действенно помочь республике встать на ноги.

Для этого нужно:

Первое— немедленно профинансировать всю задолженность в бюджет республики, в том числе капвложения и средства на восстановление г. Кизляра и с. Первомайское.

Второе — рассмотреть на самом высоком уровне проект бюджета Дагестана на 1997 год; выслушать хотя бы раз руководство республики и понять нужды и трудности Дагестана.

Третье— навести надлежащий порядок на российско-азербайджанской границе, принять меры к ее соответствующему оборудованию и созданию тем самым необходимых условий для защиты интересов России и цивилизованного общения граждан России и Азербайджана. Принять действенные меры по прикрытию административной границы с Чечней.

Четвертое — приступить к строительству 80-километрового обводного участка железной дороги вокруг Чечни, завершить

строительство обводных линий электропередачи, кабелей связи, газопровода и нефтепровода, чтобы исключить возможность блокады республики.

Пятое — рассмотреть вопрос о создании свободной экономической зоны в Дагестане, или как первый этап этой работы — «точечных» свободных таможенных зон и межгосударственной свободной экономической зоны на юге Дагестана и севере Азербайджана.

Шестое— увеличить для Дагестана квоты продажи нефти за границу и отлова рыбы.

Седьмое — восстановить и запустить максимум заводов в республике.

Восьмое— начать в 1997 году, предусмотрев в бюджете отдельной строкой средства, реконструкцию единственного в России незамерзающего морского торгового порта на Каспии в г. Махачкале (проект имеется). Связать паромами через этот порт Россию с Ираном, портом Шевченко, а через него — со всей Средней Азией и другими регионами;

Девятое— обеспечить действенную военную безопасность республики, предусмотрев размещение на ее территории дополнительных воинских формирований, единое военное управление, а также возможность оперативного использования мобильных войск.

Уважаемые депутаты! В Дагестане работала комплексная правительственная комиссия. Там побывали и некоторые министры, сделаны правильные выводы. Так, немедленно после своего посещения министр железнодорожных путей сообщения Зайцев Анатолий Александрович организовал изыскательские работы по обводному участку железной дороги вокруг Чечни.

Однако не все понимают сложившуюся обстановку, надеются на русское авось, что еще немного Дагестан потерпит. Поверьте, дальше он не выдержит.

Я только на примере Дагестана показал те проблемы, которые стоят перед Россией. Такие же проблемы существуют и в других республиках.

Первостепенной мерой по сохранению России является создание боеспособного ядра армии, наличие которого остужало бы ретивые головы.

Мало кто верил в распад СССР, но это случилось. За два дня собирались укротить Чечню, но проиграли. Никакие принимаемые экономические и политические меры не смогут уберечь Россию от развала, если она не будет иметь боеготовые вооруженные силы, способные предотвратить и остановить любой конфликт в любом регионе.

Надо понимать, что если случится еще один конфликт, то воевать там будет не только эта республика, но и Чечня, а возможно, и представители Конфедерации народов Кавказа.

С момента возникновения государства мудрыми российскими правителями принимались все меры к объединению народов России. Основой для решения всех этих проблем была армия. И мы с благодарностью вспоминаем Ивана Грозного, Петра I, Екатерину II, которые с помощью армии так много сделали для сохранения Великого Государства.

В тяжелейшие двадцатые — тридцатые годы страна, начав военную реформу и понимая важность защиты Отечества, год от года повышала обороноспособность, возводя предприятия оборонной промышленности и укрепляя армию. Это позволило нашей стране в коалиции с другими государствами разгромить гитлеровскую Германию и не допустить распространения фашистской чумы по всему миру.

И если государства Европы, а также США, Япония, Китай, проводя свою государственную политику, в том числе и в военных вопросах, в настоящее время процветают и укрепляются, а армии этих стран и вооружение совершенствуются и модернизируются, то в нашей стране наблюдается обратное.

В чем же дело? Неужели опыт Чечни не показал, что унижение и уничтожение армии — это развал России?

Уважаемые депутаты! В течение полугода мы с вами постоянно обсуждали тяжелейшее положение в армии и оборонном комплексе. Многие из вас крайне возмущались и заявляли, что готовы отдать последний кусок ради единства России, сохранения армии. Этот момент настал. 19 апреля с. г. вами было принято мудрое постановление и обращение к президенту и руководителю правительства страны не рассматривать бюджет силовых структур до тех пор, пока не будет выработана единая концепция военного строительства, создан единый орган руководства силовыми структурами и определен круг обязанностей этих структур.

При этом в основу должна быть положена задача сохранения России. Боевые действия за Грозный, когда два раза войска МВД его сдавали, ясно показали, что они для боев не приспособлены. Вот и надо решить, какие силы во Внутренних войсках и частях ОМОН необходимо иметь для выполнения присущих им задач, а не для ведения боевых действий.

Следует разобраться и с тем, почему МЧС закупает иностранные вертолеты и главную ли опасность для России в настоящее время представляют природные катаклизмы? И есть ли необходимость для устранения их последствий иметь

специальные войска? Необходимо уточнить задачи, состав и численность других силовых структур. Я ничего не имею против этих силовых структур. Но уж слишком в большой опасности находится Россия, и быть добрыми ко всем и разбазаривать государственные средства в этот ответственный момент мы не имеем права.

Я обращаюсь к вам, уважаемые депутаты, и прошу проявить твердость, сохранить чувство достоинства депутатов, поддержать авторитет Государственной думы в решении насущных государственных задач.

Необходимо вернуть проект бюджета в правительство. Добиться от него государственного осмысления обстановки, связанной с безопасностью России. К чему может привести армию выполнение предложенного бюджета, вы можете представить себе на основе данных имеющейся у вас таблицы. Выделенных ассигнований хватит только на погашение задолженности за 1996 год и непосредственное содержание армии на уровне текущих урезанных нормативов.

На все остальные нужды, включая боевую подготовку, поддержание в готовности к применению вооружения и военной техники, оборонную промышленность и другие расходы, требуются дополнительные бюджетные ассигнования. По нашему мнению, никакие политические причины не могут быть приняты во внимание при рассмотрении данного проекта бюджета в первом чтении, так как вопрос стоит прямо: сохраним ли мы армию и обороноспособность страны или взорвем ее и практически приведем Россию к катастрофе?

Уважаемые депутаты! Находясь на конференции в Лондоне по вопросу расширения НАТО на Восток, с большой горечью я выслушал выступление заместителя председателя Государственной Рады Украины господина И. Зайца. С глубоким возмущением он вещал, что Россия — как собака на сене: и сама не вступает в НАТО, и не дает сделать этого Украине. Подумалось — это же самая близкая нам республика, в которой трудно найти семью, у которой не было бы родственников в России. И еще подумалось, не слишком ли ретиво советники, близкие к руководителям страны, якобы борясь за интересы своих государств и прикрываясь патриотизмом, все более отдаляют друг от друга братские народы. Не помирить ли этих борцов за национальные интересы, собрав их в один мешок и сбросив с борта боевого корабля в Черное море?

При этом невольно напрашивается вопрос: а осталась ли при хитроумной политике некоторых государственных деятелей хотя бы одна республика, близкая нам? Ответ возникает

неутешительный: Белоруссия бросается к нам на грудь, но мы ее гоним, Молдова собралась в НАТО. Узбекистан поворачивается к Америке, Казахстан во главе с Нурсултаном Назарбаевым устал призывать нас к братству и идет своим путем.

Работая в Северо-Кавказском регионе и в Закавказье по ситуации, связанной с Чечней, не могу не сказать о той преступной политике, которую проводят отдельные руководители государства в вопросах, напрямую связанных с интересами России и стран СНГ. Не может быть правды и справедливости отдельно для России и отдельно для стран СНГ. Почему Россия не может допустить суверенитета Чеченской республики и развала страны, но вполне допускает суверенитет Абхазии в Грузии, суверенитет Карабаха и захват земель Азербайджана?

Для меня все республики бывшего СССР равны. Но как можно специально подогревать войну на Кавказе? На данный момент огромные склады боеприпасов в Закавказье пусты. Куда ушло их содержимое? Давно в Закавказье дрались бы палками, если бы огонь войны не поддерживался систематическими поставками оружия и боеприпасов той или иной стороне.

С помощью российского оружия захвачены земли одной из республик СНГ, однако нет никакой реакции со стороны официальной России. Вряд ли счастливо население Армении, в течение 8 лет находящееся в жестокой экономической блокаде благодаря такой политике.

Итогом недальновидной политики России является потеря ее интересов практически во всех регионах СНГ. В братские нам в прошлом государства, где и сейчас почти у каждого из нас остались родственники, для разработки месторождений нефти и других ценных ископаемых пришли специалисты из далекой Америки и других стран. Политика России в отношении Азербайджана является образцом предательства интересов России. Эту республику пытались задушить террором, жесткой блокадой, поставками в нарушение всех международных правил оружия и боеприпасов.

Однако получилось обратное. Не находя поддержки у России, тот же Азербайджан вынужден был принимать все меры для развития трансазиатской магистрали путем расширения паромной переправы через Красноводск. И мы при такой пассивности можем дождаться, когда все товары, производимые в республиках Средней Азии, поплывут через Азербайджан и Грузию мимо России. И это будут вынужденные меры республик. Не вам мне объяснять, сколько возможностей утеряно Россией в результате такой политики.

Только экономические потери России от разрыва отношений

с Азербайджаном составляют 6,1 миллиарда долларов. Твердой ногой становятся в республике Америка и Англия, осваивая нефтяные шельфы, и этот район станет в ближайшее время зоной особых интересов Америки.

Поверьте мне, что и карабахский вопрос под давлением стран, вложивших миллиарды в разработку азербайджанской нефти, будет решен с большим учетом интересов этих стран. По оценкам специалистов, запасы нефти в Каспии составляют порядка 20 миллиардов тонн. Это будущая основная кладовая мира, и Америка не упустит ее, и нефтепродукты пойдут через Карабах в Турцию.

При таком развитии событий для России уже не будет Закавказья и Ближнего Востока. Так ответит ли в нашем безответном государстве кто-либо за эту бездарную политику?

Тот же Казахстан, потеряв все надежды на дружбу с непредсказуемой Россией, решил пустить тенгизскую нефть не через Махачкалу и Новороссийск, а через Баку и Грузию (порт Поти). Уже сейчас автодороги на Грузию забиты, а в Россию пусты. Уже сейчас, не справляясь с товарным потоком из Средней Азии в Грузию и далее, в Баку построили шесть паромов и строят еще четыре, а железная дорога в Россию ржавеет.

Неужели кому-то не ясно, что, пока не будут решены вопросы сближения республик бывшего СССР, войны будут продолжаться бесконечно, а Россия будет продолжать терять там свои интересы?

Уважаемые депутаты! От решения поднятых проблем зависит безопасность и стабильность в стране. Проблемы решаемы, но для их решения нужно немедленно принимать необходимые меры. Я обращаюсь к вам, уважаемые коллеги, с просьбой разделить высказанную озабоченность обстановкой, сложившейся на Кавказе, и поддержать предложенные проекты постановления и обращения Государственной думы к председателю правительства Российской Федерации.

ДОКЛАД Л.Я. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ «О ГИБЕЛИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 245-го МОТОСТРЕЛКОВОГО ПОЛКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 16 апреля 1996 года»

Трагедия с расстрелом колонны 245-го мотострелкового полка явилась следствием его неподготовленности к ведению боевых действий.

История формирования, развертывания и боевой деятельности полка является типичной для массы таких же полков и бригад Министерства обороны и войск МВД, воюющих в Чеченской Республике. Потери полка с момента его ввода в зону боевых действий составили 220 человек. Только за последние четыре месяца полку трижды наносились чувствительные удары:

• первый — при захвате дудаевцами блокпоста № 24, когда в связи с полной потерей бдительности были разоружены часовые, захвачен в плен 31 военнослужащий, 12 человек погибло и 8 было ранено;

• второй — в бою за населенный пункт Гойское, в котором из-за неправильно принятого решения погибло 24 человека, 41 ранен и 3 пропали без вести;

• и третий — расстрел 16 апреля колонны в ущелье в полутора километрах севернее Ярышмарды, где в результате безалаберности, тактической безграмотности, отсутствия взаимодействия, потери бдительности погибло 73 военнослужащих, 52 ранено, уничтожены 6 БМП, один танк, одна БРДМ, 11 автомобилей.

Систематически полк нес и более мелкие потери.

Такое положение сложилось прежде всего из-за недобросовестного выполнения обязанностей руководством Министерства обороны. Вина руководства Министерства обороны состоит в том, что, сокращая армию с 3,5 до 1,7 миллиона человек, оно не оставило в ее составе развернутых по полному штату, высоко обученных, материально укомплектованных соединений и частей. Опыт показывает, что наличие 2–3 таких дивизий с самого начала боевых действий могло обеспечить оперативное решение всех военных вопросов в Чечне. Таких дивизий не оказалось, несмотря на то, что только в Западной группе войск до вывода в Россию их было 18.

Для выхода из создавшегося положения, после неудачи со

взятием Грозного, руководство Министерства обороны принимает решение срочно развернуть части сокращенного состава и направить их в зону боевых действий. В число таких частей попадает и 245-й мотострелковый полк, дислоцирующийся в пос. Мулине под Нижним Новгородом.

В течение 10 дней с 8 по 18 января 1995 года полк развертывается с увеличением списочной численности со 172 до 1700 военнослужащих за счет пополнения призывного контингента из Дальневосточного военного округа и офицеров и прапорщиков из состава армии. Срочным образом пытаются организовать боевое слаживание, но в связи с отсутствием времени это удается сделать лишь на уровне взводов без проведения ротных, батальонных и полковых учений. Кроме того, на должности стрелков, пулеметчиков, гранатометчиков, снайперов пришлось ставить необученных солдат, первоначальная подготовка которых обычно занимает 3–6 месяцев, а не отведенные 10 дней.

Таким образом, уже при убытии в Чечню полк своей неслаженностью, отсутствием тактического мастерства, низкой обученностью личного состава был обречен на потери.

Эту обреченность усугубили другие ошибки Министерства обороны. К таким ошибкам следует отнести решение о смене офицеров в зоне ведения боевых действий через 3 месяца.

В период нахождения полка в Чечне сменилось 4 комплекта офицеров. При этом уровень профессиональной подготовки присылаемых на замену офицеров постоянно снижался из-за ограниченных возможностей округа, в котором находятся в основном части сокращенного состава, а также из-за малого времени их подготовки на специальных сборах. Этот недостаток дополняют и сжатые сроки смены офицеров, которая осуществлялась в течение 2–3 дней без передачи накопленного опыта.

По собственной службе знаю, что 3 и даже б месяцев нахождения в районе боевых действий явно недостаточно для приобретения боевого опыта. Поэтому, еще толком не научившись воевать, приобретя первоначальный опыт ценой потерь личного состава, офицеры сдавали должности вновь прибывшим, которые вновь учились на своих ошибках, неопытными решениями подставляя себя и подчиненных под огонь противника.

Второе упущение связано с пополнением по замене выбывшего из строя личного состава добровольцами прямо из военкоматов без проведения предварительной подготовки в расчете на полученные ими ранее навыки при прохождении

срочной службы. Ввиду того, что многие из призванных отправлялись не по специальности, многое забыли или имели слабую прежнюю подготовку в армии, по сути дела они становились пушечным мясом.

Министр обороны забыл о том, как готовились резервы для Афганистана, когда офицеры месяцами занимались в батальонах офицерского резерва, а солдаты отправлялись в боевые части только после напряженной боевой подготовки в учебных подразделениях в течение не менее четырех месяцев.

Третье упущение связано с отсутствием достаточного контроля и помощи войскам как со стороны Министерства обороны, так и руководства страны.

Многие воюющие части, особенно в войсках МВД, укомплектованы личным составом всего лишь на 70 процентов, исправной техникой— на 50–60 процентов. В течение нескольких месяцев военнослужащим не выдается заработная плата, имеются перебои в обеспечении частей продовольствием и вещевым имуществом. Зачастую идет беспрецедентное давление на армию средств массовой информации.

Со стороны руководства армии нет достаточно строгого спроса за потери. Министр обороны опять забыл, как за это спрашивали в Афганистане.

Руководство Министерства обороны редкий гость в Чеченской республике, а если и появляется там, то не дальше аэропортов Северный и Ханкала, после чего срочно улетает.

Такое отношению к делу, когда все государство буквально бьет тревогу по событиям в Чечне, когда решается вопрос будущего страны, конечно, недопустимо.

Все перечисленное подтверждает, что 245-й мсп, как и многие другие части, в течение всего периода боевых действий был обречен на потери. Это же подтверждает и опыт лучших подразделений, таких, как 13б-й омсбр (командир — подполковник Дианов Виктор Васильевич). Эта бригада была развернута до начала боевых действий, перед вводом в Чечню ее доукомплектовали и предоставили возможность провести в течение трех месяцев напряженную боевую подготовку.

На данный момент бригада воюет с большими успехами и минимальными потерями. В бригаде умело используются все виды оружия, грамотно организуется взаимодействие всех имеющихся сил и средств.

Виновато в случившемся и руководство страны, которое своим невниманием и снижением контроля за силовыми структурами допустило создавшуюся в войсках ситуацию.

Как могло случиться, что сейчас, кроме отсутствия в армии

развернутых частей, в Чечне не хватает боевой техники?

Войска выводились не только из Западной группы войск, но были еще Центральная, Северная, Южная группы, группа войск в Монголии и Северо-западный военный округ.

Своевременно не был остановлен в период эйфории демократии и натиск на армию, в результате которого она оказалась без призывного контингента. В частях не оказалось солдат. В караулы ходили офицеры.

Не был установлен и контроль за реформой в Вооруженных Силах. Сокращение коснулось в основном боевых частей, а осталось множество лишних управлений, институтов, предприятий, своевременная ликвидация которых повысила бы укомплектованность боевых частей и уровень их обеспечения.

И, наконец, самое важное — армия осталась без финансирования. Офицеры месяцами не получают денежное довольствие. Им уже не до боевой подготовки и овладения боевой специальностью. У них стоит вопрос, как выжить. Солдаты недоедают. В войска не поступает нужная техника, без которой не решить на высоком уровне боевые задачи.

В Чечне министр обороны и руководство государства стали заложниками отношения к армии и совершенных ими ошибок.

Кроме указанных выше объективных причин, в рассматриваемом случае имел место и ряд грубых профессиональных ошибок как непосредственно в 245-м мсп и соседнем 324-м мсп, так и в руководстве Оперативной группы Министерства обороны.

При подготовке к отправке колонны 245 мсп из пункта дислокации близ Шатоя в Ханкалу, планируемой на 15 апреля, за материальными средствами командование и штаб Оперативной группы (командующий— генерал-майор Кондратьев) допустили серьезные нарушения в установленном порядке предотвращения нападения бандформирований на войсковые колонны. Командующий лично планированием и подготовкой проводки колонн не занимался, возложив эти вопросы на начальника штаба Оперативной группы.

Штабом при подготовке проводки колонны не были уточнены задачи командирам частей, в зоне ответственности которых определены маршруты движения колонн, не организовано взаимодействие сил и средств в базовых центрах с проигрышем эпизодов по отражению нападения на колонну. Не было отдано письменного распоряжения командиру 324-го мсп об обеспечении проводки колонны. Штаб не потребовал доклада о готовности маршрута от командиров 245 и 324 мсп. Был нарушен приказ о необходимости наличия в колоннах двух командно-штабных

машин для организации надежной связи. Не было выделено авиационное обеспечение, хотя колонна не выпускалась из Ханкалы до 12.00 16 апреля из-за плохих погодных условий.

Внезапное нападение боевиков на колонну стало возможным вследствие необученности, халатности и потери бдительности командования и личного состава 324 и 245 мсп, длительное время находящихся в районе, подписавшем мирные соглашения. Большинство постоянных блокпостов в зоне ответственности полков были сняты. «Огневая обработка» наиболее опасных участков местности не велась.

Командир 245 мсп при наличии прямой связи взаимодействие с командиром 324 мсп не организовал. Не было отработано решение командира 324 мсп на проводку колонны в своей зоне ответственности, где произошло уничтожение колонны. Разведка маршрута движения не проведена, временные блокпосты на опасных участках не выставлены, что позволило боевикам заблаговременно подготовить в инженерном отношении и тщательно замаскировать огневые позиции на выгодных для засады участках местности.

Проверка состояния дел в базовых центрах показала, что в 324 мсп имеются серьезные недостатки в служебно-боевой деятельности. Информация о прохождении колонны с блокпоста на командный пункт полка не была доведена, броне-группа, отправленная начальником штаба полка для оказания помощи колонне, была возвращена командиром полка. О снятии блокпостов в зоне ответственности полка начальник штаба вообще не доложил командиру полка.

В свою очередь командир 245 мсп, отправляя колонну, назначил старшим заместителя командира полка по вооружению — лицо некомпетентное в вопросах ведения общевойскового боя. Из общевойсковых командиров в составе охранения колонны самым высшим должностным лицом был командир взвода.

В ходе проводки колонны не велась разведка местности с использованием пеших боевых дозоров, даже в наиболее опасных местах. Не осуществлялось и выставление на наиболее опасных участках боковых сторожевых застав, а также занятие выгодных высот на маршруте движения. В полку не были созданы резервы сил и средств для оказания немедленной помощи колонне. А отсутствие резерва связи не позволило немедленно передать сигнал о нападении.

Бой разворачивался следующим образом.

В 14.20 в район 1,5 км южнее Ярышмарды колонна попала в засаду, устроенную крупной бандой боевиков, в составе которой были иностранные наемники. В связи с тем, что командирская

машина с «первых минут боя была подбита, а старший колонны майор Терзовец был убит, старшина роты связи попытался передать сообщение о нападении по переносной рации, но оно не было принято.

По докладу командира 245 мсп подполковника Романихина, в 14.40 он услышал звуки разрывов, которые доносились из ущелья. В 14.45 он поставил задачу командиру разведывательной роты, находящейся в Аргунском ущелье на временных блокпостах, выдвинуться навстречу колонне, уточнить обстановку и при необходимости оказать помощь.

В 15.30 командир разведывательной роты доложил о том, что на южной окраине Ярышмарды рота попала под сильный огонь.

В 16.00 командир полка высылает сформированную им бронегруппу во главе с командиром 2 мсб, которому ставится задача обойти Ярышмарды, огнем танков и БМП уничтожить огневые точки противника и прорваться к колонне совместно с разведывательной ротой. Одновременно командир пол-ка ставит задачу своему заместителю подполковнику Иванову, который находился под населенным пунктом Гойское с 1 мсб, выслать бронегруппу со стороны 324 мсп с той же целью.

В 16.50 командир 2 мсб доложил, что огнем танков уничтожил два пулеметных расчета на южной окраине Ярышмарды и продвигается к колонне. В 17.30 он же доложил, что вышел к колонне. В это же время подошла бронегруппа со стороны 324 мсп. В 18.00 сопротивление дудаевцев прекратилось.

Приведенный анализ показывает, что требуется принятие срочных мер по упорядочению деятельности Объединенной группировки войск в Чеченской республике и Министерства обороны Российской Федерации, а также по обеспечению обороны и безопасности государства в целом.

С этой целью предлагается:

I. По Объединенной группировке войск в Чеченской республике

1. Усилить ответственность силовых министров за положение дел в Чечне.

2. С целью усиления координации действий силовых структур в интересах Командующего Объединенной группировкой, а также контроля за состоянием войск и за их всесторонним обеспечением предложить президенту Российской Федерации назначить при руководстве группировкой своего полномочного представителя.

3. Предложить президенту Российской Федерации своим Указом срочно ввести дополнительные льготы участникам боевых действий в Чеченской республике.

Указанные льготы предусмотрены в проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих»», разработанном Комитетом Государственной думы по обороне.

Было бы крайне целесообразно Государственной думе и Правительству Российской Федерации принять все меры по ускорению введения в действие указанного законопроекта.

4. Увеличить сроки прохождения службы офицеров в Объединенной группировке войск в Чеченской республике до одного года.

Одновременно предусмотреть особые льготы, стимулирующие прохождение службы офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами сверх установленных сроков.

5. Произвести срочную замену подготовленными войсками наименее боеспособных частей в Чеченской республике.

6. Срочно организовать усиленную подготовку в учебных подразделениях личного состава, предназначенного для доукомплектования частей в Чеченской республике.

7. Срочно организовать подготовку на специальных сборах офицеров, направляемых для замены в Чеченскую республику.

8. Предложить Правительству Российской Федерации:

принять решение о производстве самой необходимой

военной техники, прежде всего средств связи и управления, всех видов разведки и радиоэлектронного подавления;

принять меры по всестороннему обеспечению войск, в том числе своевременной выплате денежного довольствия и материального обеспечения.

II. В Министерстве обороны Российской Федерации

1. Провести ревизию всех управлений, частей сокращенного состава, баз, арсеналов, институтов, полигонов, предприятий и других учреждений Министерства обороны, сократив их состав и структуру до разумных пределов.

2. Создать необходимое количество полностью развернутых боеспособных дивизий, способных решить при необходимости любой локальный внутренний конфликт.

III. По обеспечению обороны и безопасности государства в целом

Исходя из крайне Сложного экономического положения страны, целесообразно определить задачи в области обеспечения обороны и безопасности государства на ближайшую и дальнюю перспективу.

Предлагается задачами на ближайшую перспективу считать:

1. Недопущение внешней агрессии, направленной против

России, за счет средств ядерного сдерживания.

При этом все возможные противники должны твердо знать, что у нас нет каких-либо претензий ни к одной стране, но у нас в то же время хватит решительности для пресечения любой внешней агрессии с использованием ядерного потенциала.

2. Следует признать, что, пока Россия не окрепла, основную опасность в ближайшей перспективе представляют внутринациональные конфликты.

Для их оперативного пресечения необходимо иметь боеспособную объединенную группировку всех силовых структур.

Создавая дивизии, следует учесть, что матери безразлично, в каких войсках погиб ее сын. Горе ее во всех случаях будет безмерно.

Легче и дешевле поправить статью Конституции или закона, чем параллельно в разных силовых структурах плодить дивизии и дублирующие друг друга органы.

Что касается дальнейшей перспективы, то мы стоим перед выбором, какие силовые структуры нам необходимо иметь.

Одни утверждают, что армия должна составлять 1 процент от населения страны. Другие пытаются обосновать ее состав и структуру в зависимости от внешних угроз.

Но при нынешней нищете государства, какая бы прекрасная структура ни была предложена, если это нам «не по карману», она обречена на провал. Не может существовать армия, когда в ней не выплачивается по нескольку месяцев зарплата, когда недоедают солдаты, когда за год не обновляется ни одного танка.

Поэтому во имя дальней перспективы основной задачей должно быть сокращение силовых структур на основе комплексного решения ими всех задач обеспечения обороны и безопасности государства и поддержание за счет этого приоритетных направлений создания и производства вооружений.

Это позволит при появлении благоприятных условий в дальнейшем обеспечить необходимую оснащенность армии и флота.

Для реализации этого предлагается:

1. Определить единую концепцию дальнейшего строительства всех силовых структур в интересах обеспечения обороны и безопасности государства с установлением жестких рамок для каждой из них.

2. Установить нормы финансирования каждой силовой структуры, определив уровень ассигнований по статье «Национальная оборона» не ниже 5 процентов от валового внутреннего продукта.

При этом особый приоритет должен быть отдан поддержанию

перспективных направлений НИОКР и производства вооружений.

3. Создать единый, постоянно действующий, профессиональный орган под руководством президента Российской Федерации для контроля и координации деятельности всех силовых структур, их строительства и реформирования.

Подчинить данному органу независимую инспекцию, которая могла бы правдиво и объективно доложить истинное положение дел в той или иной структуре.

4. Обеспечить всемерное поднятие престижа военной службы и выполнения воинского долга, как самой трудной и опасной профессий.

Возродить военно-патриотическое воспитание населения на базе историко-культурных традиций русского народа.

И, конечно, решить социальные проблемы военнослужащих.

В упомянутом ранее разработанном Комитетом проекте закона о статусе военнослужащих предложены дифференцированные подходы к службе и обязанностям военнослужащих. В случае поддержки его правительством и Думой многое в жизни военнослужащих изменится к лучшему.

Настоящий доклад планируется направить президенту Российской Федерации.' В его развитие Комитетом планируется провести парламентские слушания по проблемам военной реформы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ «О НАРУШЕНИЯХ ПРИ ПОСТАВКАХ РОССИЕЙ ОРУЖИЯ В РЕСПУБЛИКУ АРМЕНИЯ»

Уважаемые депутаты! В соответствии с вашим решением мною проведено расследование по фактам незаконной передачи вооружения Республике Армения.

Решение о необходимости обнародовать информацию с поставками вооружения и военного имущества в Армению мне далось нелегко. Понимаю возможные последствия этого шага. Но, анализируя ситуацию, я пришел к выводу, что изменить проводимую в данное время государственную политику в отношении стран СНГ, которая не согласуется с правовыми документами о создании СНГ и наносит вред России на международной арене, можно только под давлением общественности по следующим причинам.

Во-первых, проводимая избирательная политика в отношении стран Закавказья в вопросах поставок оружия является крайне опасной, создающей предпосылки для возникновения новой конфликтной ситуации на Кавказе и втягивания в нее России. Искусственно создавая превосходство в вооружении одного государства над другими, определенные политические силы в России тем самым толкают их на решение проблем военным путем, используя полученное превосходство. Но и Россия, и Армения, и Азербайджан вышли из одной страны — Советского Союза. И в каждой из этих стран живут друзья, близкие, родственники.

Во-вторых, не видно стремления со стороны политического руководства России изменить к лучшему негативную политику в отношении к отдельным республикам Закавказья.

В-третьих, поставки оружия становятся все более бесконтрольными с активным участием мафиозных структур.

В-четвертых, при этом разворовываются и растаскиваются Вооруженные Силы России, уничтожается оборонный комплекс. Необходимо принятие срочных мер по пресечению этого беспредела.

Данный доклад никак не направлен против Армении. Аналогичным образом я выступаю против подобных, скрытых тем или иным образом поставок оружия в любую из стран СНГ.

Каждый далее упомянутый случай по поставкам вооружения я готов подтвердить документально.

Раздел собственности дислоцирующейся в Армении 7-й гвардейской армии бывшего СССР, состоящей из армейского и трех дивизионных комплектов, был завершен в 1992 году. Российской стороне оставлены военные базы в городах Помри и Ереване на основе находящихся там мотострелковой дивизии и мотострелкового полка этой дивизии, а также часть техники и вооружения. Указанные военные базы вошли в образованную Группу российских войск в Закавказье.

Таким образом, на 1 января 1993 года после проведенного раздела исключаются какие-либо взаимные претензии России и Армении по вопросам собственности вооружений. Однако, несмотря на это, в период с 1993-го по 1996 год Группой российских войск в Закавказье было передано Армении огромное количество вооружений и боеприпасов, в том числе:

8 оперативно-тактических ракетных комплексов Р-17, к которым в мае — июне 1996 года было передано 24 ракеты и столько же боевых-частей;

27 зенитно-ракетных комплексов «Круг» с 349 ракетами к ним;

40 ракет к зенитному комплексу «Оса»;

84 танка «Т-72» и 50 БМП-2 с ЗИПом и имуществом к ним;

36 гаубиц Д-30 (калибра 122 мм), 18 гаубиц Д-20 и 18 гаубиц Д-1 (калибра 152 мм), 18 реактивных установок залпового огня «Град», 40 переносных зенитных ракетных комплексов «Игла» и 200 зенитных ракет к ним;

26 минометов и 7910 автоматов;

306 пулеметов и 1847 пистолетов;

20 станковых гранатометов;

около 230 млн (227 253 000) патронов к стрелковому оружию, в том числе к крупнокалиберным пулеметам;

около 480 тысяч (478 480) снарядов к БМП-2 и «Шилкам»;

около 500 тысяч (489160) снарядов к пушкам, гаубицам, танкам, БМП-1;

945 ПТУРов и около 350 тысяч (345 800) ручных гранат;

а также большое количество другого вооружения, техники и военного имущества.

Эта передача осуществлялась без заключения какого-либо межгосударственного договора, что и повлекло за собой огромные нарушения. Многое из переданного, по мнению членов работавшей в Группе войск комиссии, сделано незаконно. Приведу текст из акта:

«Вместе с тем тщательная документальная ревизия показала,

что в 1992–1994 годах имели место факты передачи в республики Закавказья вооружения и военной техники из состава Группы войск без соответствующих на то директивных указании:

ракетно-артиллерийского вооружения— более 9,5 тыс. единиц;

около 600 вагонов боеприпасов;

72 единицы бронетанкового вооружения и техники.

Отсутствуют первичные документы указанного периода, подтверждающие убытие:

по службе горючего 21314 единиц техники и 64,2 тысячи тонн топлива;

по технике и имуществу связи — 15977 комплектов связи и 41003 км полевого кабеля».

В средствах массовой информации появились опровержения по моему заявлению о передаче Россией Армении 84 танков и 50 БМП-2. На деталях о переброске 50 танков 19 рейсами «Руслана» из Ахтубинска в Ереван я остановлюсь позже. Докладываю по остальным фактам.

25 танков «Т-72» с запчастями 13 наименований (по директиве Генерального штаба 3316/ 3/0182 от 29.09.94 г.) переданы из 102-й военной базы Гюмри. Ранее запчасти 11, 14 и 21 октября 1994 года были доставлены туда тремя рейсами самолетов с аэродрома Кубинка и одним рейсом с аэродрома Каменка (Пенза);

5 танков передано из состава Группы войск в Закавказье (4— с военной базы Вазиани — Грузия и 1 — из Гюмри);

4 танка и 33 БМП-2 переданы со 142 ремонтного завода по директиве Генерального штаба № 316/3/048 от 26.02.1996 года;

17 БМП-2—с военной базы в Батуми.

То есть передача указанного мною количества танков и БМП-2 полностью подтверждается.

По директиве Генерального штаба № 503/23-26 от 20.07.96 г. пятью самолетами «Ил-76» были переброшены также 85 тонн запчастей к ним с аэродрома Чкаловский.

Уважаемые депутаты! Военная база в Гюмри на 1 января 1993 года была полностью на 100 % укомплектована вооружением, военной техникой и боеприпасами и на 25 % личным составом. Поэтому расход боеприпасов на боевую подготовку практически был ничтожен. И вы прекрасно понимаете причину поставок такого количества боеприпасов. Они были предназначены для ведения войны между двумя странами СНГ.

Мною проверены склады боеприпасов в г. Моздоке (в/ч 30184). С августа 1992 года по январь 1994 года бб рейсами «Ил-76» и двумя рейсами Ан-12» с аэродрома Моздок в Ереван

было переброшено около 1300 тонн боеприпасов. С этих же складов в феврале — июне 1994 года через Новороссийск и Батуми двумя рейсами военно-морского судна «Генерал Рябиков» и транспортом ПРТБ-33 были переброшены еще дополнительные боеприпасы в Армению.

Я не думаю, что все перечисленное выше делалось бескорыстно. Приведу один пример.

С 8 по 28 ноября 1995 года и с 28 июня по б августа 1996 года 31 рейсом «Ан-124» и 13 рейсами «Ил-76» было переброшено с аэродрома Жасмин, г. Ахтубинск, на аэродром Звартноц 50 танков «Т-72», имущество и ЗИП к ним, 36 гаубиц Д-30,18 гаубиц Д-20,18 гаубиц Д-1,18 боевых машин залпового огня «Град», 40 ПЗРК «Игла» й 200 ракет к ним, 12 600 снарядов к указанным орудиям, в том числе 1440 к установкам «Град».

Имущество поступило в Ахтубинск 6 составами. Танки — из-под Омска, боеприпасы— из-под Волгограда, артиллерия — из Иркутской, Свердловской, Пермской областей. Передачей всей этой техники, вооружения и боеприпасов в Армению руководил генерал-майор Степанян А. Г. — бывший заместитель министра обороны Республики Армения по внешним сношениям.

За перевозку военной техники и боеприпасов рассчитывалась армянская сторона. Только за отправку бронетанкового имущества из Омска представитель министерства обороны Армении майор Исахян М.Р. рассчитался долларами в переводе на 632 606 333 рубля. За отправку пяти составов с орудиями и боеприпасами заплатила армия 1 млрд 187,9 млн рублей.

Начальник 229 ПЛИЦ отказался заправлять самолеты для отправки в Армению. Тогда армянская сторона закупила в коммерческих структурах Волгограда 2740 тонн авиационного топлива.

Куда щедрее оказалось командование ВВС. Оно не потребовало оплаты 31 одного рейса «Русланов» и 13 рейсов «Ил-76», стоимость аренды которых составила 2 847 062 ООО рубля. Не были востребованы деньги и за работу погрузочной команды (40 человек), за использование транспорта для перевозки и погрузки материальных средств.

Не слишком ли щедрые подарки за счет государства? Что толкало на такую щедрость?

О том, что это была коммерческая сделка, можно судить по постоянному присутствию представителей коммерческой фирмы «РРР» господ Прокопенко АЛ. и Селифонова В.В., находившихся в общей сложности там в течение всей операции 75 суток и оплачивающих в гостинице № 6 пребывание не только себя, но и летных экипажей.

Фирма «РРР» была близка к Главкомату ВВС. В ней работали их ближайшие родственники, занимаясь оптовой торговлей, авиационными перевозками с использованием в первую очередь военно-транспортной авиации. Очевидно, не случайно только приближенные были допущены к операциям с вооружением. После проведения ахтубинской аферы расчетный счет ТОО «РРР» в Октябрьском филиале «Инкомбанка» 20 августа 1996 года был закрыт.

Конкретно эта сделка обошлась России около 70 млн. (68 878 542) долларов. Неизвестно только, в чьи карманы ушли эти деньги. Кому они понадобились и на какое дело в конце 1995-го — в 1996 году?

А ведь поставленных в 1996 году в Армению 24 оперативно-тактических ракет и боеголовок к комплексу «Р-17» хватает для того, чтобы полностью разрушить город Баку. Именно по этим комплексам готовились расчеты и специалисты Армении с 23 мая по 19 июня на полигоне Капустин Яр.

Высокая активность поставок вооружений в 1996 году свидетельствует о том, что руководство страны не проявляет желания изменить проводимую политику.

Кто же главный инициатор этих поставок?

Несомненно, ни один крупный шаг в Министерстве обороны не делался без ведома министра обороны Грачева. Не позволял себе делать ничего без его ведома и начальник Генерального штаба Колесников М.П. Весь вопрос упирается в то, кто мог дать первую команду Грачеву на такие поставки?

Напомню, что авиационные поставки боеприпасов в Армению из Моздока начались в конце 1992 года. С увольнением Грачева П.С. поставки вооружения в 1996 году продолжались скрытно от вновь назначенного министра обороны. Зная осторожность начальника Генерального штаба Колесникова М.П., я не сомневаюсь, что если он отдавал распоряжения на продолжение поставок в обход министра обороны Родионова И.Н., то задачи получал от начальников очень высокого ранга.

Как показывает анализ документов по поставкам вооружения в ГРАУ и ВВС, был включен механизм и «личной инициативы» отдельных высоких чиновников.

Я хотел бы привести в качестве примера один из документов. Это письмо министра обороны Республики Армения Саркисяна министру обороны Грачеву от 2 ноября 1993 года:

«Уважаемый Павел Сергеевич! Учитывая сложившиеся трудности в восстановлении бронетанковой техники Вооруженных Сил Республики Армения, прошу Вас оказать содействие в закупке запасных частей согласно приложению.

Оплату гарантирую».

И резолюция Грачева П.С. от 4 ноября 1993 года: «Разрешаю продать в установленном порядке».

Не касаюсь моральной и политической сторон поставок вооружения, а также военной безопасности России, из документа видно, что изначально никто не собирался отдавать и получать оружие бесплатно. Как случилось, что за все это вооружение Россия не получила ни рубля? А может быть, кто-то получил наличными или на счета в заграничных банках?

Финансовые потери России в результате такой политики составили как минимум около 1 млрд долларов. За указанную сумму военнослужащие могли бы получить:

не менее 30 тысяч квартир;

зарплату всем офицерам и прапорщикам Вооруженных Сил России в течение 3 месяцев.

Указанная сумма составляет 50 % от выделенных в бюджете ассигнований на закупки вооружения в 1996 году, т. е. могла бы обеспечить работой весь комплекс оборонных предприятий в течение полугода.

Кому в России дано право в таком тяжелом экономическом положении проматывать ее достояние?

Уважаемые депутаты! В ходе проведения расследования я столкнулся с еще одним показательным фактом о том, как грабится и уничтожается оборонная промышленность, армия, а вместе с ними и Россия.

22 марта 1996 года «Росвооружение» заключило контракт с Индией на поставку 24500 снарядов для установки «Град» и обратилось к ГНПП «Сплав» с вопросом об изготовлении этих снарядов. Однако завод заявил, что не способен делать эти снаряды, так как уничтожен Московский электродный завод.

Этот завод в 1992–1993 годах приватизирован с грубыми нарушениями законодательства. Действующее оборудование практически полностью выведено из строя. В результате огромный комплекс заводов, выпускающих ракетные двигатели, в том числе для самых современных комплексов «Ураган», «Искандер», «Медведка», «Тополь», не способен на данное время их производить из-за отсутствия углеродных конструкционных материалов.

Нашими приватизаторами умело выбрана «точка напряжения» для разрушения огромных мощностей.

Но наши махинаторы не теряются. «Росвооружение» вместо того, чтобы заключить напрямую договор с Министерством обороны о поставке 24,5 тысяч указанных выше реактивных снарядов, различными путями добивается поставки этих снарядов

через завод «Сплав». Тот их перекрашивает, а Министерству обороны обещает в светлом будущем поставить взамен 715 снарядов к РСЗО «Ураган». Такой путь, по-видимо-му, проще для решения личных проблем.

Как же этот беспредел стал возможным? Почему происходит разворовывание и уничтожение армии, оборонной промышленности, России? Почему так просто и легко нарушается Конституция страны? Почему отношения между бывшими республиками Союза строятся на стравливании между собой и крови?

Для прекращения всего этого в Министерстве обороны необходимо заменить многие кадры. Очевидно, мафия внутри министерства сплелась в единый клубок отдельных управлений и Главкоматов, имеющих слишком сильные личные интересы, если они пренебрегают всем, находят общий язык и идут на любые проступки.

Судите сами. Пришел новый министр обороны, новый начальник Генерального штаба. Казалось бы, зная негативное отношение новых руководителей к подобным делам, любой шаг с незаконными поставками оружия невозможен. Но несмотря ни на что, последняя поставка дефицитных танковых управляемых снарядов осуществляется 27 октября 1996 года. При этом ГРАУ надо было выделить вооружение, а ВВС — транспортные самолеты. Какие же мощные движущие факторы должны толкать людей на это?

Присутствуя на совещании у министра обороны, я слушал с большой горечью выступления, в которых говорилось о бедах армии, ее развале. О том, что ни по одной статье не выделяются деньги, что уиз армии готовы уволиться более 50 % действующих офицеров.

Выступил и Главком ВВС Дейнекин, заявив, что его офицеры не требуют невыданную трехмесячную зарплату, а обеспокоены только отсутствием керосина и полетов. Подумалось, вам, господин Главнокомандующий, надо рубашку на себе рвать, добиваясь, чтобы керосин и деньги от десятков транспортных самолетов, развозящих разбазариваемое армейское имущество из России, пошли на нужды ваших офицеров. Но вы, в отличие от своего начальника полигона, не потребовали, чтобы все остальные самолеты, возящие имущество для армян, также заправлялись армянами. Не потребовали вы, как это сделал начальник БОСО генерал-лейтенант Соколов, чтобы за эксплуатацию этих самолетов было заплачено, а деньги бы направить на выдачу зарплаты офицерам или приобретение квартир для бездомных летчиков.

Только для перевозки имущества в Армению совершено 139 рейсов «Русланов» и «Ил-76» стоимостью 7 млрд. 950 млн. рублей. Этой суммы вполне хватило бы на то, чтобы изменить ситуацию как с полетами, так и с выплатой зарплаты летчикам. А ведь сколько было других рейсов. Но вместо этого вы, не задумываясь, подписали распоряжение на прием пансионата «Родники» (по своему состоянию более похожего на большой сарай) взамен 300 квартир для своих летчиков.

Стоимость этих же перелетов в гражданских коммерческих организациях составила бы: самолетами «Ан-124» в 1,5, а самолетами «Ил-76» в 2,2 раза больше, чем самолетами военно-транспортной авиации. Такая резкая разница в ценах позволяет военным чиновникам использовать излишки по своему усмотрению.

По всем приведенным фактам органы прокуратуры должны обязательно разобраться с виновными и назвать тех должностных лиц, которые преступили закон и которые подлежат привлечению к уголовной ответственности за свои преступные действия, нанесшие непоправимый моральный и материальный урон нашей державе.

Дела о коррумпированности в высших эшелонах Министерства обороны «пробуксовывают». Всем понятно, что многие махинации в Министерстве обороны не могли бы быть осуществлены без санкции первых лиц. Но с них военная прокуратура до сих пор серьезно не спросила. А почему? Чего не хватает военной прокуратуре: профессионализма или принципиальности, когда идет речь о расследовании сведений, связанных с деятельностью некоторых руководителей Министерства обороны?

О том, есть ли политическая воля в лице президента, чтобы навести порядок в этих вопросах и разобраться с виновными, мы можем узнать очень скоро. Как у нас принято, для расследования крупного дела Прокуратуре надо получить зеленый свет.

То есть, чтобы не покончить, а хотя бы умерить аппетиты мафии, нужна свобода рук Генеральной прокуратуре. По моим косвенным данным, на Генерального прокурора Скуратова Ю.И. и его заместителя по следствию Катышева М.Б. по некоторым делам оказывается сильнейшее давление.

Если военная прокуратура будет вести дело с указанными поставками вооружения, то мало надежды на доведение его до логического конца. Когда в Главной военной прокуратуре дело доходит до уровня Грачев — Воробьев, она оказывается бессильной. Поэтому необходимо просить Генерального прокурора взять ведение данного дела в свои руки ввиду его

важности.

Для того, чтобы навести порядок в армии, необходимо поддержать министра обороны, дать ему возможность самому решать кадровые вопросы. Но сейчас почему-то в аппарате руководства страны как раз нужны люди другого склада.

В течение уже нескольких месяцев руководство Министерства обороны и Главная военная прокуратура бьются об отстранении от должности заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-полковника Терентьева, так как его нахождение на должности препятствует ведению по нему следствия. Но в верхах решению этого вопроса не дают хода. Понятно почему. Генерал-полковник Терентьев был начальником штаба Западной группы войск, и его во многих конфиденциальных делах было трудно обойти. А Западная группа войск — это не Группа войск в Закавказье. Возможности личного обогащения там были существенно выше. И теперь друзья стоят горой для его защиты.

Возьмем другой пример. Комиссия по высшим воинским званиям и должностям единогласно, за исключением Батурина Ю.М., проголосовала за увольнение бывшего начальника ГУБИФ генерал-полковника Воробьева, находящегося незаконно более 1 года и 10 месяцев за штатом. Прошло 4 месяца, на каждом заседании комиссии господин Батурин обещает, что этот акт свершится, но воз и ныне там. Аналогично, как бронепоезд, на запасных путях находится и Грачев П.С. В конце концов президент разогнал данную Комиссию. Наверное, собрались слишком настырные, создающие различные проблемы.

Уважаемые депутаты! По всей видимости, мы должны предложить президенту и правительству принести извинения руководству республик Закавказья за проводимую ими политику. Полагал бы целесообразным также:

• во-первых, предложить президенту и правительству незамедлительно принять меры, способствующие мирному урегулированию карабахской проблемы;

• во-вторых, обратиться в Конституционный суд для получения оценки правомочности действий государственных органов власти по поставкам вооружений в Республику Армения;

• в-третьих, обратиться к Генеральному прокурору для проведения расследований по изложенным в докладе фактам силами Генеральной прокуратуры;

• в-четвертых, предложить правительству установить жесткий порядок приватизации оборонных предприятий для сохранения ключевых для обороны производств;

• в-пятых, поддержать министра обороны России в проведении им кадровой политики, обеспечивающей чистоту

армии.

Соответствующий проект постановления Государственной думы будет рассмотрен на заседании нашего Комитета для дальнейшего представления его в установленном порядке.

Уверен, что только добрые отношения со всеми республиками бывшего СССР позволят нам выбраться из сложившегося тупика.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕПУТАТА Л.Я. РОХЛИНА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ О ПРИЧИНАХ СУИЦИДА В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

Ко мне ежедневно поступают письма, напоминающие фронтовые сводки. В мирное время гибнут люди. Одни погибают по собственной халатности, из-за нарушения мер безопасности. Другие, что особенно страшно, уходят из жизни по собственной воле. От отчаяния и безысходности. Офицеры и прапорщики, проявив мужество и героизм в Афганистане, Чечне и других военных конфликтах, не могут противостоять условиям жизни, которые им навязал нынешний режим. Доведенные до отчаяния, не находящие поддержки и помощи в Министерстве обороны, они пытаются привлечь внимание к своим проблемам всеми возможными способами. Даже ценой собственной жизни.

Вот известие из Приволжского военного округа. Сейчас там расформировывается очередная воинская часть. 28 апреля с.г. капитан Владимир Битюков, старший техник в/ч 95846, отец четверых детей, не найдя выхода из тупика, в который его и тысячи других офицеров загнали Верховный Главнокомандующий и министр обороны, ушел из жизни, так и не найдя средств на лечение тяжелой болезни. Из расследования на месте стало известно, что он неоднократно устно и письменно обращался к командованию эскадрильи и полка с просьбой оказать семье материальную помощь в виду постоянных задержек денежного довольствия. В этом ему было отказано.

Каким же должно быть» государство, если из-за отсутствия жилья, средств к существованию, перспектив на будущее добровольно расстаются с жизнью люди в погонах? Им стыдно и больно смотреть в глаза своим женам и голодным детям. А министр обороны, вместо того, чтобы добиться коренного изменения ситуации к лучшему, даже противился принятию закона «О статусе военнослужащих».

Скажу больше: при Сергееве положение с финансированием армии и социальной защитой военнослужащих обострилось до предела. И как следствие, в течение года его руководства Вооруженными Силами количество самоубийств из расчета на 1000 человек увеличилось на 30 %, что составляет численность более шестисот человек. Это ровно половина от всех случаев

гибели военнослужащих. В целом количество самоубийств за этот год, с мая по май, выросло на 20 % при том, что численность личного состава Вооруженных Сил сократилась на 30 %.

В абсолютных цифрах потери Вооруженных Сил за два последних года мирного времени практически можно соотнести с боевыми потерями активных действий в Чечне. Согласно официальным данным, в чеченском вооруженном конфликте погибло более 3000 человек. А за 1996–1997 годы более 2000. Причем за первые 4 месяца нынешнего года ни много, ни мало — 477 военнослужащих. Сколько из них закончили жизнь самоубийством и по каким причинам — можно только догадываться. Точные данные тщательно скрываются. Но ясно одно — от хорошей жизни люди не стреляются и не вешаются.

Можно привести сотни примеров, объясняющих, почему военнослужащие добровольно расстались с жизнью. Сердце сжимается от боли, когда читаешь их предсмертные записки. Вот некоторые.

29 июня прошлого года застрелился старший лейтенант Валерий Аверьянов, 1955 года рождения, женат, трое детей. Пишет: «Если человек никому не нужен на этой грешной земле, то и делать на ней нечего. Зачем зря занимать место, это не жизнь, а существование, а я дальше существовать не могу и не хочу… Нет человека, и нет проблем, жаль с дочерью не простился».

17 января 1998 года застрелился капитан Александр Кривоус, 1965 года рождения. В последнем письме жене он написал: «Хотя я тебя и любил, ты лишила меня последнего шанса. А деньги — это твоя квартира». Его сослуживцы, приславшие письмо в Госдуму, пояснили, что семья рушилась из-за хронического безденежья.

Их нельзя обвинить в малодушии. Во многих телеграммах, сообщающих нам о фактах суицида, прямо указывается, что причиной самоубийства является личная неустроенность на почве морально-психологических нагрузок, связанных с невыплатой денежного довольствия и возникших на этой почве семейно-бытовых неурядиц. Так кого винить в подобных случаях? Самих офицеров или систему геноцида офицерских кадров, которую создали министр Сергеев и Верховный Главнокомандующий Ельцин?

У нас с военнослужащими расправляются, как с врагами. С целью экономии средств, офицеров стараются уволить по любой волчьей статье — за невыполнение условий контракта, злостному нарушению дисциплины и т. д. Это не частные случаи, а уже некая государственная программа.

Уже стало нормой, когда людей даже не предупреждают о готовящемся сокращении воинской части. Их зачастую просто выбрасывают на улицу без жилья, без средств к существованию. Хотя обязаны предоставить жилплощадь, помочь переучиться на новую специальность и трудоустроить. Так, как это делается в цивилизованных странах и закреплено соответствующими положениями в наших законах.

Если военнослужащий имеет жилье даже в самом отдаленном военном городке, он обречен в нем остаться навсегда. А таких городков, рушащихся, заброшенных, находящихся вдали от цивилизации и расположенных в плохих климатических условиях, на территории России очень много. При сокращении воинской части, будь то в тундре, на Дальнем Востоке или на окраине Ленинградской области, такой населенный пункт прекращает существование. Министерство обороны его не финансирует, а местная власть за ненадобностью и крайней ветхостью бывший военный городок на баланс не берет.

Не дает повода надеяться на улучшение положения военнослужащих и федеральная программа «Государственные жилищные сертификаты». Все понимают невозможность ее реализации, ведь обеспечить жильем предстоит 210 тысяч семей военнослужащих, среди которых 160 тысяч— семьи уже уволенных в запас, а 50 тысяч семей тех, кому уволиться предстоит в ближайшее время. Для ее реализации потребуется около 32 миллиардов рублей. Предполагается, что на этот год правительство сформирует бюджет программы за счет средств на так называемую военную реформу. Но уже сейчас ясно, что из этого ничего не выйдет. Новые ваучеры обречены повторить судьбу чубайсовских.

Мы сейчас видим, что кое-кто из увольняющихся при большом стечении представителей власти и средств массовой информации получают эти сертификаты. Но а о тех, кто расстался с армией без жилья 5–7 лет назад, никто даже не вспоминает. Жилищное строительство для военных практически заморожено, очереди не только не двигаются, а с бездумным сокращением численности Вооруженных Сил быстро увеличиваются. Люди скитаются по квартирам, пенсий на их оплату не хватает. Офицерам нет целесообразности ни служить, ни увольняться. Этот тупик и приводит людей к самоубийству.

Мы видим абсурдную ситуацию. Министерство обороны от правительства не получило средств даже на пресловутое сокращение, не говоря уж об обеспечении жизнедеятельности войск. И все-таки армию сокращают. Все деньги брошены на выполнение этой не подготовленной и ничем не подкрепленной

программы в ущерб людям в погонах и безопасности государства. По состоянию на середину мая с.г. при равномерном финансировании статей расходов должно уже быть выделено 35 % средств от предусмотренного бюджетом. На самом же деле на продовольствие выделено 24 %, на коммунально-эксплуатационные расходы и медицинское обеспечение по 2 %, вещевое имущество— 5 %. На закупку вооружения и военной техники — 6 %. На этом фоне, казалось бы, неплохо смотрятся 33 %, выделенных на капитальное строительство сокращаемым военнослужащим, что составляет 700 миллионов. Но это, как говорится, от чего считать. От запланированных президентской программой ежегодных субсидий в размере 5,08 миллиарда или от намеченных бюджетом и ныне берущихся за точку отсчета 2,1 миллиарда. В секвестированном варианте мы видим 33, а в необходимом для выполнения программы «Государственные жилищные сертификаты» всего лишь неполные 14 %. Еще не началось решение жилищной проблемы, а уже идет привычная для нынешнего режима подтасовка, а по сути обман на государственном уровне.

Ясно одно: нет средств на сокращение армии — сокращать нельзя. Ущерб от этого всем. И тем, кто остается служить. И тем, кто увольняется. А о боеготовности и вовсе говорить не приходится: катастрофически теряем, что имели, а нового не приобретаем.

Мы видим геноцид российского народа в целом и военнослужащих в частности. Мы видим преднамеренное разрушение системы безопасности государства и целенаправленное уничтожение Вооруженных Сил страны. Мы видим сотни тысяч искалеченных судеб людей в погонах и их семей. На наших глазах уходят из жизни доведенные до отчаяния, униженные в собственной стране офицеры. Их просто довели до крайней черты, обобрали до нитки, отняли надежду на будущее, растоптали. Иначе, как уголовным преступлением это назвать нельзя. И судить виновных надо тоже по статьям Уголовного кодекса. Таких, как «Доведение до самоубийства», «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» и т. д. И мы просто обязаны это сделать.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА Л.Я. РОХЛИНА К ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОЕННОСЛУЖАЩИМ РОССИИ

Господин Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации!

Товарищи военнослужащие!

В соответствии с указаниями Главнокомандующего Вооруженными Силами в течение двух лет численность армии должна быть резко сокращена.

Правительству даны четкие указания на то, что армия в следующем году должна жить на бюджет, не превышающий 3,5 % от внутреннего валового продукта (ВВП). Это не вяжется с тем финансовым кризисом, который приобрел для армии свою остроту в 1995 году,#и озабоченностью состоянием Вооруженных Сил, высказанной президентом России в его послании Федеральному Собранию 1997 года.

Когда-то Фрунзе, проводя реформу армии, сократил ее с 6,5 миллиона до 650 тысяч человек. Но в то время вооружением армии в основном являлась винтовка, а не созданные в течение десятилетий огромными усилиями нашего народа атомные ракетные крейсера, баллистические ракеты и космические средства, авиация и лучшие в мире средства ПВО.

При этом создавались они не в последние шесть лет (в последние годы все только разрушается). Без людей, без обслуживания, без необходимых средств на консервацию вооружения и военной техники — все созданное придет в негодность и, более того, создаст опасность для окружающей среды.

Исходя из каких расчетов принимаются такие решения? Мы уверены, что из никаких. Или со слов советников на уровне «снайперов в Первомайском», «подводных пловцов или командира подводной лодки, которые должны всплыть возле турецкого судна с российскими заложниками», а также, возможно, исходя из представления значимости для безопасности России «снятых головных частей с наших баллистических ракет».

В таком случае имеете ли вы право, господин Верховный Главнокомандующий, со своим опытом в военной области, ничего не сделав за последние шесть лет для военной безопасности

страны, укрепления Вооруженных Сил, принимать единоличные решения за весь российский народ, пренебрегая усилиями и лишениями его старшего поколения?

После окончания гражданской войны, при всей тяжести экономического положения, руководство страны, проводя реформу в армии и экономя на ее численности, определило 5,5 % от ВВП бюджетных расходов на оборону в 1925 году и до 11 % — в конце 30-х годов.

Это позволило при минимальном численном составе армии и создании территориальных войск поднять военную науку и оборонную промышленность до уровня, позволившего в короткие сроки создать и поставить на вооружение Красной Армии самую современную технику, причем в количестве, превосходившем производство всей Европы, завоеванной Гитлером. Что дало возможность перевооружить армию и одержать победу в Великой Отечественной войне.

Объем денежных средств на военные нужды, составляющих не более 3,5 % от ВВП, будет находиться в пределах 85–90 триллионов рублей. При этом при содержании по установленным нормам Вооруженных Сил, например, численностью 850 тысяч объем ассигнований на разработку, производство вооружения и капитальное строительство сократится приблизительно в 2 раза по сравнению с аналогичными ассигнованиями, предусмотренными Федеральным законом «О федеральном бюджете на 1997 год». Учитывая неизбежные дополнительные затраты, связанные с необходимостью социальной защиты увольняемых с военной службы в ходе сокращения армии военнослужащих, нетрудно представить себе будущее Вооруженных Сил и военнослужащих, увольняемых с военной службы. К тому же остаются открытыми вопросы: какие Вооруженные Силы необходимы России? Почему продиктованными извне финансовыми ограничениями затрат на национальную оборону определяется судьба нашей армии?

То есть вместо того, чтобы, как это делалось в истории нашей страны, определить на 10–15 лет вперед прорывные направления в науке и промышленности, которые позволили бы в последующем освоить их, а вместе с ними поднять боевые возможности армии до современных требований, вы обрекли Вооруженные Силы на окончательное разрушение.

В чем же дело? Может быть, для России нет уже никакой потенциальной угрозы извне? Однако факты говорят о другом.

США, которым ничего не угрожает и где выделяется на оборону в 20 раз больше средств, чем в России, объявили районами своих жизненных интересов Азербайджан с его нефтью,

а также Прибалтику. Соединенные Штаты делают все, чтобы оттолкнуть страны СНГ от России. Яркий пример — выделение средств Украине на демаркацию границ с Россией.

Не церемонясь с Россией, страны НАТО приняли решение на движение блока к нашим границам. В Париже вами, господин Главнокомандующий, была сделана хорошая мина при плохой игре. Официально признано поражение вашей и горбачевской политики в вопросе движения НАТО на Восток. В этом вопросе вашего согласия никто не спрашивал и в нем не нуждался. И если в Париже и была победа, то только победа российской дипломатии, которая сумела из всего худшего отстоять одно приемлемое для России условие — не двигать к нашим границам тактическое ядерное оружие НАТО.

Западом осуществляется прямой диктат в вопросах военно-политического устройства Европы, пренебрегаются интересы России. И не случайно в Хельсинки президент США согласился на соблюдение Соединенными Штатами Америки Договора ПРО-72 до 2009 года. К этому времени наши стратегические ядерные силы будут практически уничтожены. В настоящее время все делается для этого: нет средств на их содержание, не финансируются работы по продлению сроков находящегося на боевом дежурстве и выработавшего гарантийные сроки эксплуатации ракетного оружия, не выделяются необходимые средства на разработку новых образцов оружия и развертывание его производства. При такой политике стратегические ядерные силы обречены на вымирание.

Как только исчезнет для возможных агрессоров угроза возмездия, то есть после 2009 года, когда стратегические ядерные средства России физически отомрут, военно-политический диктат для России будет безграничен.

На Дальнем Востоке, стиснутый своей территорией, огромными темпами развивается полуторамиллиардный великий Китай. Он буквально задыхается в ограниченном территориальном пространстве. Люди, не имея своего клочка земли, рождаются и умирают на джонках в море. В настоящее время наши страны не объединены общей идеологией. Да и когда она была общей — вспомним об острове Даманском. Мы, такие, какие есть, нужны Китаю еще лет пять, пока есть что у нас вытянуть из передовых технологий. Впрочем, и как сырьевой придаток Россия Китаю тоже нужна.

Мы должны строить свои отношения с великим Китаем на основе добрососедства и взаимовыгодных экономических отношений. Но за этим должны стоять мощные силы сдерживания агрессии и силовой политики в отношении России.

Если это случится, то в начале 20-х годов нового тысячелетия, при вашей политике и отношении к обороне страны, Россия может лишиться Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала.

Мы прекрасно понимаем, отчего все это происходит. Вам некогда было по-настоящему руководить Россией, некогда было принимать обдуманные, взвешенные решения. Ваши решения— это волевой экспромт настроения. В результате промышленность и сельское хозяйство рухнули. Разрушено и все остальное. Рядом с вами постоянно находятся люди, честность которых ставится под сомнение и подтверждается их отстранением от занимаемых должностей. В результате борьбы между ними мы узнали, что монополия на спиртное, которая давала когда-то до 30 % дохода государству, — это монополия вашего окружения и его опоры, а всем производством алюминия в стране ведают братья Черные, пользующиеся покровительством лиц также из вашего окружения. Это все в пылу борьбы со своими личными врагами нам разъяснил Чубайс А.Б. — ваша главная опора на данное время. Он в настоящее время назначен руководить реформой в армии — возглавляет одну из комиссий по военной реформе. Мы представляем, как будет осуществлена эта реформа, глядя на разграбленную и обнищавшую в результате недавно проведенной им же приватизации страну.

А ведь Чубайс А.Б. при всех, даже самых тяжких, обвинениях в нечестности, прозвучавших как в России, так и за границей, еще ни на кого в суд не подал.

Мы понимаем, что многие из тех, кто стоял и стоит у власти, способствовали вывозу огромного капитала за рубеж. По всей видимости, эти люди висят на крючке у спецслужб Запада и стоят перед выбором: или обеспечить будущее свое и своих потомков, выполняя указания этих спецслужб, или быть разоблаченными.

Их задачами являются:

1. Отодвинуть как можно дальше страны СНГ от России. И по этой причине они так открыто и яростно выступают против сближения с Белоруссией. Разве это не совпадает с действиями посла США, который от отчаяния сам ринулся на демонстрацию протеста против объединения, которая проходила в Минске.

2. Уничтожить наши стратегические ядерные силы. И поэтому те, у кого в настоящее время в руках финансы, делают все возможное, чтобы они развалились. Методы, которыми они действуют, уже были указаны выше.

3. Развалить Россию на мелкие княжества, как это сделали с СССР. Для этого, к примеру, был разожжен пожар на Северном Кавказе, создаются все условия для выдвижения требований по

образованию самостоятельных республик на Дальнем Востоке и Урале.

Уважаемые военнослужащие!

Может быть, можно было бы согласиться с вынужденным резким сокращением Вооруженных Сил, преобразованием других войск и воинских формирований, если бы знать, что военной реформой руководят мудрые, такие, как М.В. Фрунзе, преданные России, высокопрофессиональные люди, четко представляющие себе, что мы имеем, что нам потенциально уфожает, как мы собираемся противостоять этим угрозам, куда и каким путем мы должны прийти. Если бы быть также уверенными в том, что сокращение армии будет использовано в интересах будущего потенциала обороны страны, в интересах перспективных направлений развития науки и оборонной промышленности. Однако, исходя из предполагаемого финансирования национальной обороны, надежды на это нет.

Пока же реформой руководит Международный валютный фонд, который установил: на оборону в России должно выделяться не более 3,5 % от ВВП, что должно полностью развалить армию. Учитывая указания Верховного Главнокомандующего по ограничению финансирования национальной обороны, можно полагать, что он согласен с Международным валютным фондом.

Это происходит потому, что вся наша экономическая политика держится только на подачках этого фонда. Только это спасает государство от окончательного развала. Но за эти подачки будем рассчитываться не только мы, но и наши дети и внуки. Уже сейчас долг каждого гражданина России, от младенца до глубокого старика, составляет около тысячи долларов.

Руководством страны сегодня не делается главного — прекращения вылета со свистом за кордон богатств России. Средства России, осевшие за ее пределами и недосягаемые для нее, по многим данным, составляют сотни миллиардов долларов. И ничего не будет делаться до тех пор, пока у власти находятся те, кто эти богатства вывез и продолжает вывозить. Они чувствуют себя временщиками в России. И их задача выкачать из страны все до предела.

Да, можно было бы согласиться с сокращением Вооруженных Сил, если бы была обнародована концепция строительства Вооруженных Сил и ее экономическое обоснование, если бы военное строительство осуществлялось под твердым контролем законодательной власти.

Но о какой концепции можно говорить, когда мы уже слушали и читали, что два этапа военной реформы завершены

под руководством «лучшего министра обороны» — Грачева П.С. при несуществующих руководящих документах в этой области. Затем наступил период поиска компромисса между подходами профессионала, облеченного ответственностью за Вооруженные Силы, Родионова И.Н., и аппаратчика Батурина Ю.М., не имеющего соответствующих ни образования, ни опыта, а также не обремененного ответственностью за боеспособность армии.

В настоящее время под большим секретом спешно создается концепция военного строительства Батуриным Ю.М. и новым руководством Министерства обороны. От нас можно скрывать ее секреты. Но это является секретом только по той причине, что скрываются факты разрушения армии. Но мы знаем, что для специалистов за границей уже давно нет никаких тайн о состоянии Вооруженных Сил Российской Федерации и причинах их бедственного состояния.

Можно было бы согласиться с сокращением армии, если бы быть уверенными, что будет осуществлена социальная защита военнослужащих, увольняемых в запас. А увольнение угрожает каждому второму офицеру. Согласно законодательству Российской Федерации каждый увольняемый военнослужащий должен быть рассчитан в финансовом отношении, ему должен быть обеспечен проезд к новому месту жительства, предоставлено жиль§, предоставлена возможность переподготовки и устройства на работу. Но, к сожалению, на это нет никаких надежд, потому что уже в настоящее время задолженность по денежному довольствию военнослужащим составляет от двух до шести месяцев, в зависимости от того, кто представляет большую опасность для режима — развернутые соединения рядом с Москвой или летчики и моряки на далеком Севере.

При обвальном увольнении военнослужащих, разрозненных и не подготовленных к новой жизни, вне армии их ожидают крах и обман. Такой же обман, как с обесцененными накоплениями населения, финансовыми пирамидами и так называемым «подъемом экономики».

Можно принять сокращение армии, если не сомневаться в том, что все высвобождаемые материальные средства и основные фонды сокращаемых воинских частей и учреждений

Министерства обороны не будут в очередной раз, как это уже случилось со всей страной, «приватизированы» и безвозвратно потеряны для армии.

Господин Верховный Главнокомандующий!

У российских офицеров нет возможности иметь квартиру в Нью-Йорке, воспитывать детей и внуков за границей. У них надежда только на себя и на свои возможности.

Можно было бы согласиться с сокращением Вооруженных Сил, если бы совместно с ними сокращались и другие силовые структуры. Но они не только не сокращаются, но и растут. Они уже ни в чем не уступают Вооруженным Силам, а при сокращении армии будут значительно превосходить ее по численности. Россия превращается в полицейское государство. Режиму не нужна армия, так как она голодна, недовольна и неугодна Западу. Режиму нужны полицейские войска, которые подкармливаются в надежде на их поддержку при возможном выяснении отношений с недовольным народом.

Количество генералов в этих ведомствах за шесть лет, при сокращении их количества в Вооруженных Силах, возросло от полутора до четырех раз. Две трети генералов получили звания за последние шесть лет. Многие из них разложились под воздействием существующего режима, что особенно ярко видно из того, что ни один из присутствующих на Совете Обороны не встал и не вышел, когда вы публично, на всю страну оскорбляли их, называя их «жиреющими генералами, понастроившими дачи». Наоборот, некоторые из них бросились со своими предложениями и идеями проведения военной реформы.

Но не все генералы такие. Среди них большинство преданных Родине, глубоко порядочных, образованных людей. Тот же командующий ВДВ генерал-полковник Шпак Г.И., честно служащий России. В Чечне был убит его сын, покалечен зять. Шпак Г.И. мог бы принять меры для того, чтобы его близкие не попали в район боевых действий. Но он не пошел на это. Может быть, такие, как он, тоже «жиреющие генералы»?

Или генерал-лейтенант Пуликовский К.Б., который также потерял в Чечне своего сына. Он взял за других на себя вину за гибель 131-й бригады и 81-го мотострелкового полка. Провоевал в Чечне два года, а затем, как выжатый лимон, был выброшен из армии.

Мы знаем, что у многих генералов и полковников вся служба прошла в Заполярье, Афганистане, Среднеазиатских республиках, горячих точках Закавказья и Чечне. Их военная служба была связана с риском для жизни, лишениями для членов семей, нередко сопровождалась потерей здоровья офицеров, их детей и жен.

Вы с удовольствием повторяли оскорбление в их адрес и перед детьми, и перед президентом Белоруссии Лукашенко А.Г., будучи уверенным в том, что за время своего правления превратили всех генералов в безропотных и безвольных рабов. Вы повторяли и повторяли это оскорбление, даже не думая о мере своей ответственности за случившееся.

Господин президент Российской Федерации!

В России имеют место Прямые нарушения Конституции, на которые вы, как гарант Конституции, практически закрываете глаза, не принимая действенных мер. В частности:

• статьей 38 Конституции определена защита государством материнства и детства, семьи. Семьи военнослужащих в ряде случаев оказываются в безысходном материальном положении и распадаются. Главы семей — офицеры Вооруженных Сил — добровольноˆуходят из жизни;

• статья 39 Конституции каждому гражданину гарантирует социальное обеспечение по возрасту. Однако пенсии старикам не выплачиваются по нескольку месяцев, обрекая их на голодание и утрату остатков здоровья.

Вы обманули народ и военных, не выполнив своих предвыборных обещаний.

Вы не выполняете своих полномочий в соответствии с 4-й статьей Федерального закона «Об обороне» по военному строительству. Изданные вами указы в этой области не выполнены. Военная реформа только декларируется. На самом же деле отсутствует даже представление о ее содержании. Попытки Государственной думы сдвинуть эту проблему с места принятием Федерального закона «О военной реформе в Российской Федерации» встретили сопротивление с вашей стороны и со стороны правительства.

Под вашим руководством игнорируется Федеральный закон «О статусе военнослужащих»; не выполняются абзац 2 пункта 2 статьи 12, пункты 1 и 5 статьи 13, абзац 4 пункта 1 и пункт 2 статьи 14.

Ваши доверенные лица делают все, чтобы лишить тех, кто носит погоны, последних льгот.

Вы несете персональную ответственность за развязанную войну в Чечне. Тогда эта война казалась немыслимой и невозможной. Однако вопреки здравому смыслу это произошло.

Это произошло в то время, когда вы своим руководством довели армию до предела, а приняв решение на применение войск, в последующем сдали армию. Это произошло тогда, когда в полках осталось по 5—10 солдат, а офицеры вместо солдат несли караульную службу и выполняли хозяйственные работы. В то время это казалось недопустимым и невозможным. Но последующая жизнь перекрыла любые представления. Когда прекратили выплачивать денежное довольствие военнослужащим, они вынуждены были по ночам охранять коммерческие ларьки и проституток, чтобы заработать на кусок хлеба, а те, кто не сумел приспособиться к новой жизни, — стреляться, не имея

возможности прокормить семью.

Скоропалительность и необдуманность принятого решения не позволили армии перед началом войны в Чечне провести соответствующую подготовку. И это в условиях, когда в войсках вынужденно давно отсутствовала плановая боевая подготовка. Против наемников и зрелых мужчин вы бросили в бой восемнадцатилетних пацанов, многие из которых еще не держали оружия в руках. Увидев, что взять Грозный невозможно не только одним парашютно-десантным полком, как об этом заявлял «лучший министр обороны», но и большим числом неподготовленных полков, вы и ваши подчиненные продолжали гнать туда необученных солдат, по сути — пушечное мясо, которых сегодня призывали, а завтра они уже были в бою.

Этим мясом, потом и кровью тушился пожар в Чечне. Но, как и все другое, эта авантюра также закончилась крахом. Армия по вашему приказу срочно бежала из Чечни, оставив там на уничтожение целый полк пленных и все русскоязычное население.

Погибли десятки тысяч невинных жителей и тысячи военнослужащих, а тысячи на всю жизнь остались калеками. Они безропотно выполняли ваш приказ, надеясь, в свою очередь, на вашу заботу. Вы сдали свою армию, когда позволили средствам массовой информации поливать ее грязью во время боевых действий в Чечне.

Необученные мальчишки шли в бой и погибали, выполняя ваш приказ, не заслужив в своей стране ни поддержки, ни помощи. Назовите хотя бы одного солдата, посланного вами в Чечню и героически там погибшего, выполняя ваш приказ, которого знала бы вся Россия. К сожалению, страна не знает своих героев. Зато вся Россия знает наперечет чеченских боевиков и террористов. Этого нельзя объяснить независимостью прессы. Когда вы баллотировались в президенты России, то у независимой прессы была основная забота о том, как круглосуточно обеспечить публикацию и вещание дифирамбов в ваш адрес. Она справилась с этой задачей.

В настоящее время, уже после окончания войны, вы сдали тех, кто с честью выполнил ваш приказ в Чечне. Они остались без обещанного жилья, инвалиды остались без льгот и внимания. А теперь и над теми, кто служит в армии, нависла угроза быть выброшенными с военной службы без жилья, средств к существование, профессии и работы.

Господин Верховный Главнокомандующий! Обращаемся к вам с настоятельным требованием о принятии экстренных мер по улучшению положения в войсках, призываем вас к откровенному

разговору с армией по вопросам судьбы Вооруженных Сил, судьбы России, перспектив военнослужащих. В условиях взаимного молчания время неумолимо работает против армии, против России.

Уважаемые военнослужащие!

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами «Об обороне» и «О статусе военнослужащих» вы социально защищены. Й никто не имеет права нарушать Конституцию и законы.

Командир, принимая решение на бой, определяет, кто должен заменить его в случае гибели. Он это делает осознанно, понимая, что впереди его ожидает смертельная опасность. И вы, выбирая профессию, знали, какой трудный и опасный жизненный путь вас ожидает. Вы смелые, организованные и дисциплинированные люди. Среди вас мало коррумпированных и развращенных властью. На вас с надеждой смотрит народ. Вы привыкли, что в последнее время вас постоянно и во всем предают и обманывают, но, подчиняясь Конституции и законам, вы все это терпите.

В настоящее время наибольшую опасность для России представляют:

• гибель оборонной промышленности и прекращение проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в перспективных направлениях развития военной техники и вооружения, что лишит армию будущего;

• прекращение существования стратегических ядерных сил, что усилит диктат других государств России;

• окончательная потеря возможностей оснащения армии современными вооружением, военной техникой и материальными средствами.

В результате для России, теряющей армию, создается угроза потери своей территории и развала.

Уважаемые военнослужащие!

Нельзя увольнять ни одного офицера до тех пор:

• пока руководство страны не рассчитается с каждым по всем выплатам, положенным офицерам в соответствии с законодательством;

• пока каждому подлежащему увольнению офицеру не будет гарантирована социальная защита;

• пока мы не убедимся, что приняты верные решения по военной реформе, предусматривающей преобразование как армии, так и других силовых структур;

• пока руководство страны экономически не обоснует сроки и возможность проведения военной реформы.

Уважаемые военнослужащие!

Вам необходимо сплотиться. Для этого необходимо в каждой части провести офицерские собрания, на которых выработать законные требования и направить их президенту, правительству и Федеральному Собранию РФ, в Верховный и Конституционный суды.

Руководство страны должно почувствовать ваше единство и понять, что вы, в отличие от него, не нарушали ни Конституции, ни законов, ни своих обязанностей и озабочены только сохранением армии, безопасностью и благополучием Родины. Но продолжающееся молчаливое игнорирование ваших законных прав, необъяснимое разрушение армии, военной науки и оборонной промышленности ставит вас в крайне тяжелое положение.

При принятии проекта Федерального закона «О статусе военнослужащих» были впервые продемонстрированы сплоченность и единство в действиях депутатского корпуса и армейской общественности, поддержавших этот законопроект своими отзывами.

Верховный Главнокомандующий частично прав, заметив, что среди наших командиров появились «жиреющие…», которые ради своего благополучия и теплого места будут делать все, чтобы не лишиться его.

В этих условиях сорганизовывайтесь, выдвигайте лидеров на должности председателей офицерских собраний, требуйте выполнения своих законных прав. Не надейтесь, что кто-то вместо вас это сделает. В нашем единстве на пути противостояния разрушению армии залог успеха. Иначе армия погибнет.

Уважаемые ветераны! те, кто служил в армии, кто воевал в Афганистане и в Чечне, патриоты-россияне, поддержите военнослужащих в их законных требованиях. С развалом армии не станет и России.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛЬВА РОХЛИНА И ЧЛЕНОВ ОРГКОМИТЕТА ПО СОЗДАНИЮ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ «В ПОДДЕРЖКУ АРМИИ, ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЕННОЙ НАУКИ»

Причиной моего первого известного Обращения к Верховному Главнокомандующему и военнослужащим, а также создания Движения стала та безвыходная ситуация, с которой я столкнулся, пытаясь решить проблемы обороны и безопасности страны.

За полтора года работы в Комитете Государственной думы по обороне мы, члены Комитета, неоднократно инициировали рассмотрение вопросов состояния армии и безопасности страны на парламентских слушаниях, приглашали на них первых лиц страны, известных ученых и конструкторов. С их помощью вырабатывали предложения по решению проблем армии и направляли их в правительство и президенту. К сожалению, нашими предложениями никто не воспользовался. Более того, делали вид, что не замечают их.

Еще год назад, в июне 1996 года, мы попросили правительство дать прогноз экономического развития страны на ближайшую и отдаленную перспективу для того, чтобы иметь возможность составить реальное представление о том, в каких экономических и финансовых условиях будет проходить военная реформа, на что можно рассчитывать, вырабатывая концепцию безопасности страны. По сегодняшний день мы не получили ответа.

А тем временем ситуация складывалась так: единственное, что сегодня обеспечивает безопасность страны, — стратегические ядерные силы — вслед за всеми другими войсками вступили в период развала. Гарантийные сроки нынешних ракет и систем их обеспечения приближаются к завершению. С 2005 года начнется их обвальный выход из строя, который завершится к 2009–2010 годам. А программа ракетного перевооружения отстает от планового графика на три года, и шансов на ее реализацию с каждым днем становится все меньше… Китай до 2010 года не будет предъявлять нам территориальных претензий. США готовы не выходить из Договора по противоракетной обороне (ПРО) до 2003 года. Они прекрасно знают наши проблемы. И терпеливо ждут.

Весной этого года под руководством Главкома Ракетных войск стратегического назначения (нынешнего министра обороны) в Московском институте теплотехники собрались конструкторы и ответственные сотрудники Главкомата РВСН. Вопрос стоял один: что делать? Было решено: подготовить парламентские слушания по проблеме стратегических ядерных сил. А для того, чтобы руководство страны вновь не отмахнулось от рассмотрения жизненно важной для государства проблемы, решили, что провести их необходимо спикеру одной из палат Федерального Собрания. Но получилось так, что и председатель Совета Федерации Е.С. Строев, и председатель Государственной думы Г.Н. Селезнев поддержали эту инициативу и вместе подписали обращение к президенту с предложением провести парламентские слушания по важнейшей проблеме безопасности страны.

Президент никак не отреагировал на обращение спикеров. И это стало последней каплей, убедившей нас в нежелании исполнительной власти решать важнейшие государственные проблемы. Тогда и прозвучало мое Обращение к президенту и военнослужащим. Тогда мы начали создание нашего Движения.

Сила общественного мнения осталась единственным, к чему можно обратиться за поддержкой. И такую поддержку мы нашли. Более 60 всероссийских организаций откликнулись на нашу инициативу и заявили о вхождении в Движение. Уже через две недели триста их представителей собрались на совещание и образовали Оргкомитет. После этого члены Оргкомитета начали поездки по стране с целью более детального ознакомления с ситуацией на местах и создания региональных отделений Движения.

Признаемся, мы не рассчитывали на столь широкую поддержку. Но еще больше поразило нас то, что мы узнали, встречаясь с руководителями городов и областей, общественностью и военнослужащими, с директорами оборонных предприятий. Вот лишь некоторые примеры:

население влачит полуголодное существование. На судоремонтном заводе в городе Полярном Мурманской области офицеры не получают денежное довольствие до одиннадцати месяцев. Люди, как во времена, казалось бы, безвозвратно канувшие в историю, научились готовить пищу из лебеды;

в то же время известно, что некоторые наши соотечественники за несколько последних лет умудрились сколотить такие состояния, которые соперничают с богатством известнейших фамилий мира, столетиями создававших свой капитал;

оборонные заводы стоят. У них нет государственного заказа, и не предвидится. Секвестр оборонных статей бюджета обеспечит только одно: полный развал оборонных заводов и институтов. В то же время им не разрешают поставлять свою продукцию на экспорт. Директора опускают руки. Вся их инициатива разбивается о двери кабинетов московских чиновников. А президент при этом наложил вето на Закон «О военнотехническом сотрудничестве», который давал предприятиям шанс для поддержания производства за счет экспорта;

конверсия, т. е. переориентация на гражданское производство, на оборонных предприятиях тоже не проведена по причине провала государственной программы конверсии;

заводы и научно-исследовательские институты сократили число своих сотрудников в несколько раз. Потеряны многие конструкторские школы, остановлено развитие перспективных научных направлений;

в стране не производятся боеприпасы к оружию. Это «достижение» обеспечено в том числе приватизацией небольших, но очень важных заводов по производству графитовых элементов, без которых не может быть сделано ни одной ракеты. Эти заводы остановлены, их оборудование разрушено. Остановлено производство порохов. Не выпускается броневой лист;

происходят и другие удивительные вещи. Например, атомные подводные лодки после капитального ремонта, в который вложены миллиарды рублей, выводятся в отстой и списываются на разделку. Готовятся к утилизации даже лодки с титановыми корпусами, которые могут служить более 100 лет;

обещания президента обеспечить всех увольняемых офицеров жильем— блеф. Губернаторы, а именно им поручено решить не менее половины жилищных проблем военнослужащих, удивлены этими обещаниями. У них нет денег даже для обеспечения жильем тех, кто давно уволился и мается в ожидании по случайным углам много лет. А таких в стране около 150 тысяч. Скоро их число удвоится.

В вертолетном полку Владимирского гарнизона уже прошло сокращение. При наличии в военном городке 200 бесквартирных семей нетрудно представить ситуацию, в которую попали люди. Если власти не могли решить их проблем, когда они служили, то уволенные, они потеряли даже иллюзию такого решения. И подобная участь ждет практичёски всех, кто вынужден будет покинуть армию в результате ее сокращения.

Идея правительства добыть деньги для решения этих проблем за счет продажи высвобождаемой инфраструктуры Вооруженных

Сил уже дала свой результат. В Москве выставлено на аукцион общежитие, стоящее на балансе Управления военной торговли. А это значит, что вскоре тридцать девять семей военнослужащих будут освобождены от коммунальной тесноты и получат возможность вдоволь надышаться свежим воздухом городских улиц.

Приватизировав всю страну, А.Б. Чубайс получил в бюджет 7 триллионов рублей. Сколько можно получить от приватизации (читай: от продажи) полуразрушенных казарм стройбата и убогих помещений военторгов?

Но блеф проявляется не только в лживых обещаниях военным. Разрушается не только оборонный потенциал страны. Идет уничтожение и других важнейших отраслей экономики. Обманывается весь народ. В частности, разваливается продовольственный комплекс. Делается это очень изощренно. Например, в Санкт-Петербург из-за рубежа в виде гуманитарной помощи долгое время поступало сухое молоко. Люди привыкли к дармовому продукту. Свежее молоко перестало пользоваться спросом. Молочные фермы вынуждены были резко сократить поголовье коров. И тут же гуманитарная помощь прекратилась. Была объявлена цена на импортное сухое молоко, которая круто пошла вверх.

В Пскове по такому же сценарию, с помощью дешевых куриных окорочков, поставляемых из-за рубежа, было разорено местное птицеводство.

Во всероссийском масштабе сейчас идет уничтожение зернового производства. Заваливая страну дешевым импортным зерном, зарубежные поставщики создали условия, при которых потребители стали отказываться покупать зерно отечественных производителей. На местах сегодня не рады хорошему урожаю, ожидаемому в этом году. Закрома полны еще прошлогодним зерном.

Свернув свое зерновое производство, мы окончательно попадем в зависимость от поставок продовольствия из-за рубежа. А это значит, что со временем смена власти в стране не будет иметь значения. Ибо никакая власть уже не сможет проявить и признаков самостоятельности. А вынуждена будет выполнять приказы, поступающие от поставщиков.

Голодный и обманутый народ, полностью зависящий от воли тех, кто его кормит, не внемлет никаким аргументам и голосу разума и является лучшей силой против самого себя и своего будущего. Не в этом ли главная цель западных советников нынешнего режима? Не является ли этот режим и его представители лишь средством достижения тех рубежей, за

которыми Россия уже никогда не сможет называться Великой Державой?

Зная все это и имея такие сомнения, можно ли верить в искренность тех, кто проводит реформу? Можно ли надеяться на то, что эта реформа направлена на укрепление безопасности страны? Мы не верим. Не надеемся.

Во-первых, потому что весь развал в армии и в стране произошел при этой власти, а она ничего не сделала, чтобы его остановить. Нет ни одного созидательного дела, за которое взялись бы власти и оно было бы проведено с пользой для страны и народа.

Во-вторых, потому что В.С. Черномырдин и А.Б. Чубайс, которые назначены руководить реформой в армии, уже продемонстрировали свои способности. Первый еще два года назад был назначен ответственным за реформу. Сколько сделано — известно. Второй организовывал приватизацию в стране и «осчастливил» все население ваучерами. Результат тоже известен.

В-третьих, потому что концепция реформ не может быть выработана за месяц. И не может быть плодом умозаключений одного человека. Чтобы разработать концепцию и программу военной реформы, необходимо учесть возможности экономики страны и представлять перспективы ее развития. Надо оценить международное положение и получить его прогноз на будущее, оценить опасности, которые могут возникнуть в ближайшее время и в перспективе. Нужна серьезная законодательная проработка всех вопросов реформы, нужно знать основные пути развития научно-технического прогресса и на их основе определить прорывные направления в науке и технике. Для всего этого требуется целенаправленная работа всего государства, требуются знания тысяч ученых, конструкторов, аналитиков, дипломатов, военных. Соединенные Штаты десять лет проводили свою военную реформу. Из них шесть лет вели эксперименты и готовили законодательную базу. А у нас пытаются в одночасье наверстать то, о чем шесть лет только болтали.

В-четвертых, тот факт, что весь разговор идет о реформе армии, а не о военной реформе в целом, подтверждает то, что власти удовлетворены состоянием полицейских сил, не собираются сокращать их, не собираются обозначать им рамки компетенции и ответственности.

Не решив- социально-экономических проблем страны, обманув надежды людей и загнав народ в крайне тяжелое положение, режим, желая удержать власть, пытается обезопасить себя от проявлений народного недовольства. Безопасность страны его мало волнует.

В-пятых, ни одна реформа не может быть проведена без достаточного финансового обеспечения. Для его обоснования нужна концепция реформы и расчеты, опирающиеся на реальные экономические возможности страны. Однако у нас все происходит наоборот. Еще нет концепции, а президент уже объявляет, что на оборону будет выделяться не более 3,5 процента от ВВП. Мы знаем, откуда эта цифра. Уже более трех лет на ней настаивает Международный валютный фонд (МВФ).

Сегодня внутренний валовой продукт страны (ВВП) снижается, и если эта тенденция сохранится (а другого не предвидится), то 3,5 процента, выделяемых на оборону, — прямой путь к финансовому удушению Вооруженных Сил.

Что же сегодня представляют из себя эти 3,5 процента? В 1996 году оборонный бюджет, сориентированный на эту цифру, составил 82 триллиона рублей. Их хватило только до июля. Чтобы просуществовать до конца года, пришлось выделить еще около 20 триллионов. Кроме того, за армией остался долг 32 триллиона (власти признали 25) за неоплаченную военную технику, электроэнергию, перевозки, продукты, обмундирование и т. д. Одним словом, армия реально обошлась примерно в 130 триллионов.

На 1998 год оборонный бюджет планируется в 83,5 триллиона рублей. С учетом инфляции 50 процентов в год, в ценах 1996 года эта цифра будет составлять около 45 триллионов. То есть при сокращении армии в два раза оборонный бюджет будет сокращен в три раза. А это значит, что армия в 1998 году будет финансироваться хуже, чем в тяжелейшем для нее 1996-м.

Можно ли при этом верить в сказку президента о том, что после такого сокращения армия станет у нас сильнее американской и сильнее армий НАТО?

Исходя из вышесказанного, мы пришли к следующим выводам:

• не может быть процветающей армии и оборонной промышленности в нищей и голодной стране;

• невозможно изменить положение в деле обороны и безопасности страны, не изменив в целом политический курс руководства;

• невозможно добиться этого изменения, действуя неполитическими методами;

• нынешний режим не только не собирается идти на компромиссы, но не хочет даже вести диалог с оппонентами. Он готовится использовать всю силу созданного им полицейского аппарата и угрожает. Чего стоит заявление президента о том, что

он «сметет рохлиных». Режим потерял чувство реальности и забыл о той демократии, на заявлениях о верности которой он пришел к власти. Время лицемерия кончилось. Режим снял маску. Политические методы борьбы в этих условиях тоже не принесут результата, если не объединятся все, кому дорога Россия, кому небезразлична судьба ее народа.

Мы предлагаем обратиться к опыту самой демократической страны мира — США, пример с которой нас все время учат брать. Там помощник президента Никсона лишь попытался заглянуть в бумаги помощника соперника президента на выборах… И вся Америка взбудоражилась, требуя импичмента.

У нас на такие шалости просто никто не обратил бы внимания. Но в стране происходят куда более серьезные и опасные вещи:

• население ежегодно уменьшается на полтора миллиона человек. За пять лет это 7,5 миллиона — столько потеряла Германия во Второй мировой войне. Снизилась не только рождаемость, но и продолжительность жизни людей. Это сродни геноциду народа;

• мы теряем будущее. Число бездомных детей сегодня больше, чем было после гражданской и Великой Отечественной войн;

• промышленное производство упало на 70–80 процентов. Во время Великой Отечественной войны, отправив мужчин на фронт, поставив к станкам женщин и детей, переместив заводы с европейской территории на Урал и в Сибирь, Россия потеряла лишь 30 процентов промышленного производства;

• десятки тысяч людей погибло в Чечне. За какие интересы? По чьей вине?

За все это мы, граждане России, имеем полное право спросить с представителей власти, в том числе— с президента. И потребовать их ухода. Шесть лет — более чем достаточный срок, чтобы перестать кивать на ошибки предшественников. Шесть лет — этого достаточно, чтобы иметь право требовать результатов. Каковы эти результаты, мы видим на примере своей жизни и жизни всей страны.

Мы требуем сформировать правительство народного доверия и подготовить условия для новых свободных выборов.

Мы настаиваем на обеспечении равных для всех прав в пользовании средствами массовой информации для выражения своей позиции. Пора перестать оболванивать людей и представлять им явные провалы за достижения. Пора перестать обслуживать интересы финансовой олигархии кучкой привилегированных журналистов, допущенных к безраздельному

господству в крупнейших телекомпаниях страны, скупленных на деньги, украденные у народа.

Создаваемое нами Движение стремится объединить представителей самых разных организаций. Спектр их политических взглядов колеблется от левого до правого края, включая середину. Мы не ставим никаких условий для тех, кто нас поддерживает. Мы не приемлем только тех, кто проповедует идеологию фашизма и агрессивного национализма.

Инициаторы Движения не ставят перед собой задачи прихода к власти. Мы хотим лишь одного — дать народу еще один шанс сделать свой выбор. Мы надеемся, что, наученный горьким опытом, он сумеет сделать правильный выбор, о котором ему не придется жалеть.

В своих намерениях мы готовы идти до конца, невзирая на самое яростное сопротивление. Мы готовы к диалогу с любыми оппонентами, готовы учесть любую точку зрения, если она конструктивна. Мы принимаем любую критику, если она обоснованна.

Оборонная направленность нашего Движения не должна никого смущать. Сильная армия не самоцель, а задача, достижение которой возможно лишь в процветающей и сильной стране, населенной умным и гордым народом. Честь и слава Родины, спокойствие и благополучие народа— единственная цель, достижению которой можно отдать все силы, а если потребуется — и саму жизнь.

Мы призываем всех патриотов умерить свои политические амбиции и перестать выяснять отношения друг с другом. Мы призываем всех граждан очнуться от спячки и безразличия. Если мы не объединимся во имя спасения Отечества, мы очень скоро потеряем право не только на свои политические взгляды, но и право называться гражданами России.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.Я. РОХЛИНА НА МИТИНГЕ в г. Москве 9 мая 1998 года

Дорогие товарищи, ветераны Великой Отечественной войны и Вооруженных Сил!

От Комитета Государственной думы по обороне, от имени участников Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» и от себя лично поздравляю вас с Великой Победой советского народа над немец-ко-фашистскими захватчиками. Особая благодарность и низкий поклон ветеранам войны, которые благодаря героизму и любви к Родине, ценой величайшего самопожертвования выстояли и победили. Вы отстояли нашу страну на поле брани, а потом так же по-боевому участвовали в восстановлении экономики государства. Весь мир увидел крепость духа и единство советских людей. Все убедились, что Советские Вооруженные Силы не позволят поработить наш многонациональный народ, дадут решительный отпор любому агрессору.

Вы все хорошо помните, с какой радостью и подъемом ежегодно отмечался День Победы. Люди радовались от всей души, всем сердцем. Но сегодня этот день вызывает сложные и противоречивые чувства. Да, советский народ выстоял в сражениях Великой Отечественной, уничтожил фашизм в его логове и закончил войну в Берлине. Мы победили. Но прошли десятилетия, и мы с вами оказались поверженными в той невидимой Третьей мировой войне, которую вели с нами не только мировой капитализм, но и враги внутренние, всеми правдами и неправдами занявшие высшие эшелоны власти. Они раскололи некогда великое и могущественное государство Советский Союз, растащили народ по национальным квартирам и как царьки, правят себе на потеху. Их главная забота — собственный карман. Их бог — американский доллар. Их хозяева — за океаном. Их идейный вдохновитель — международный валютный фонд.

Поверженные в войне противники и бывшие наши союзники живут, как господа. Их экономика процветает. Зато Россия и ее народ вновь отброшены вспять. Ветераны войны и труда не получают даже мизерных пенсий и пособий. Денег не хватает на продукты, на лекарства, на оплату жилья. Нищета толкает их на улицу с протянутой рукой, заставляет за бесценок продавать заработанные честным трудом квартиры. Безработица выстроила

длинные очереди на биржах труда, а рабочих и служащих заставила бастовать, объявлять голодовки с одним требованием — отдайте нашу зарплату. Не видит перспективы в жизни молодежь. Они — лишние люди в собственной стране. В России беспризорных детей больше, чем в годы войны.

А что же наша армия-победительница? Ее уже практически не существует. Ей не выделяются бюджетные средства. Безумно, в угоду западным стратегам сокращаются воинские части. Военнослужащие тысячами выкидываются на улицу без квартир, без денежного довольствия, их семьи голодают и как беженцы бродят по родной стране в поисках лучшей доли.

Вот до чего довел страну, военнослужащих и ветеранов Великой Отечественной и многих других необъявленных войн этот режим предателей и казнокрадов, мздоимцев и фарисеев. Режим, который целенаправленно проводит геноцид российского народа.

Президент и его правительство о ветеранах войны и труда вспоминает только по большим праздникам. Вот и на этот раз Ельцин разослал фронтовикам поздравительные открытки, на которых возле гвардейской ленты изображен трехцветный флаг и царский герб. Но под этим ли флагом ходили в бой советские воины? Этому ли гербу клялись в верности? Такие символы оскорбительны!

Почти четыре года назад был принят закон «О ветеранах», но он не работает. Президент и его команда как всегда ссылаются на отсутствие средств, а Госдума, в которой заседают избранники народа, мирится с таким положением. Она принимает законы, но не выработала действенного механизма контроля их исполнения. Такого правового беспредела нет ни в одной цивилизованной стране мира.

Противостоять антинародной политике ельцинского режима пытается оппозиция и наше Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». К сожалению, очень многое не получается. И прежде всего потому, что патриотические силы разобщены, а многие ее лидеры не могут между собой договориться о единстве действий. А народ, доверивший им руководство партиями, профсоюзами, союзами и движениями, пассивно наблюдает, куда его ведут. Люди должны с них спросить: до каких пор можно мириться с таким положением? Где ваша решительность и принципиальность?

По нескольку раз в год мы выходим на улицы, чтобы сказать свое возмущенное слово в адрес политики геноцида, уничтожения нации и государства. А когда дело доходит до практических действий — выражения недоверия правительству, неприятия

бюджета или навязанного премьер-министра, сбора подписей для импичмента президенту или проведения бессрочной политической акции протеста, все эти позитивные начинания блокируются, превращая оппозиционных лидеров в бессмысленных крикунов, разочаровывая и отвращая от них народ. Так чьи же интересы мы защищаем, если столько лет не можем отправить в отставку правителей, открыто и цинично уничтожающих все, что дорого российским людям!

Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» твердо стоит на своих позициях. Мы не только выражаем интересы военных, ветеранов и работников оборонки. Мы выражаем интересы всего народа. Поэтому 20 мая возобновляем сбор подписей среди депутатов для отстранения от должности президента Российской Федерации. Мы настроены твердо и уверенно идти до полной победы. Так, как шли к Победе 45-го герои-фронтовики, наши отцы и деды. Нам, как и тогда тоже, требуется железная воля, вера и монолитная сплоченность. Вместе мы победим!